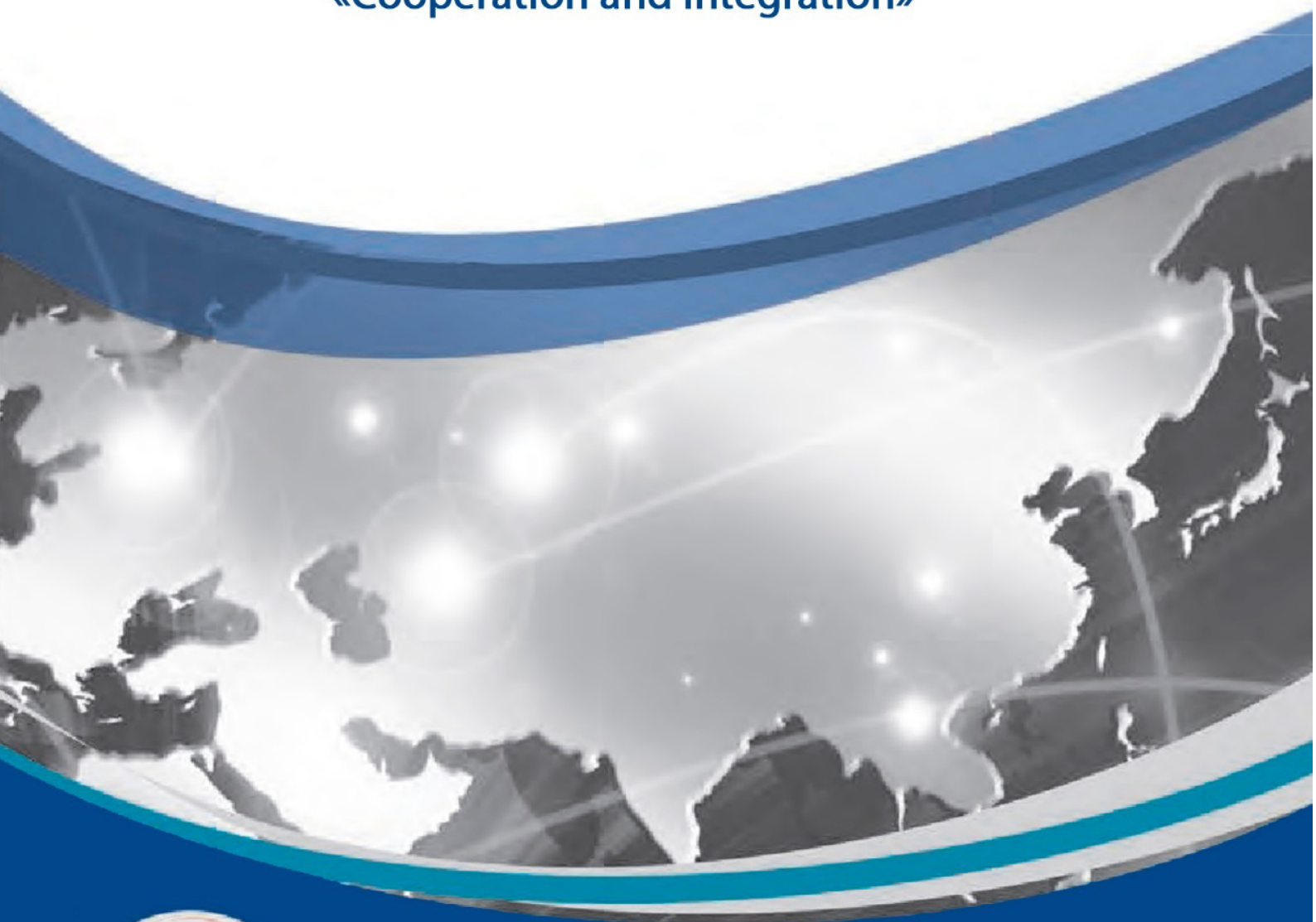

Институт приграничного сотрудничества и интеграции

Международный
научно-исследовательский журнал

«СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНТЕГРАЦИЯ»

International scientific-research journal
«Cooperation and integration»

№ 2
2017

Главный редактор

Сапрыка Виктор Александрович

к.соц.наук, и.о. заведующего кафедрой социальных технологий Белгородского государственного
национального исследовательского университета

Редакционная коллегия

Крам Оливер

PhD, Директор Центра приграничного сотрудничества Университета Наймеген (г. Наймеген, Нидерланды)

Уилсон Рейчел

Университет Аризоны (г. Тусон, США)

Виркунен Йони

PhD, Директор центра российских исследований Университета Восточной Финляндии (г. Йёнсуу,
Финляндия).

Новикова Ирина Васильевна

д.э.н., профессор, заведующая кафедрой менеджмента и экономики природопользования Белорусского
государственного технологического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Галстян Хачик Самвелович

к.п.н, доцент кафедры истории и теории политической науки Ереванского государственного университета
(г. Ереван, Армения).

Колосов Владимир Александрович

д.г.н., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (г. Москва, Россия)..

Зверева Ольга Николаевна

к.филолог. наук, преподаватель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (г. Харьков,
Украина).

Межевич Николай Маратович

д.э.н., профессор кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского
государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Вардомский Леонид Борисович

д. э. н., профессор, Руководитель центра постсоветских исследований Института экономики РАН (г. Москва,
Россия).

Муравецкий Алексей Николаевич

к.э.н., доцент кафедры финансов, инвестиций и инноваций Белгородского государственного национального
исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

Быхтин Олег Викторович

к.соц.наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального
исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

Шевченко Наталья Владимировна

к.э.н., доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального
исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

Статьи представлены в авторской редакции.

ISSN 2587-8980

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без
письменного разрешения владельцев авторских прав. Редакция не несёт ответственности за содержание авторских
материалов. Позиции авторов публикаций могут не совпадать с мнением редакции.

© Институт приграничного сотрудничества и интеграции, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Социология в действии	Зотов В.В., Куркина М.П. Социально-экономическое положение как основа имиджа приграничного региона 3
	Бабинцев В.П., Бабинцева Е.И. Консолидационный потенциал городского сообщества в приграничном регионе 18
	Чефонова Е.А., Волкова О.А., Мозговая Е.И. Специфика социальной интеграции населения, проживающего в городских и сельских населенных пунктах Белгородской области 42
Экономика интеграционных процессов	Преликова Е.А., Юшин В.В. Мониторинг состояния трансграничной реки Сейм в рамках международного сотрудничества в экологической сфере 52
	Резников В.В. Мировые города как ядра мировой экономической системы 78
	Черномаз П.А. Изменения во внешней торговле приграничных регионов Украины и России в условиях политической конфронтации 94
Публичное управление	Арпентьева М.Р. Сотрудничество и партисипация в управлении сообществами 107
	Иванов О.Б. К вопросу о роли национального наследия в формировании местного самоуправления 128
	Реутов Е.В. Патриотизм, региональная и местная идентичность (опыт социологической диагностики)
Международные отношения	Вардомский Л.Б. Россия и новые независимые государства: расхождение идентичностей и интеграционные проекты 146
	Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Рослякова Н.А. Тенденции Российско-белорусских отношений и последствия для российских малых городов 157
	Попкова Л.И. Малые города в системе расселения российско-украинского приграничья
Политология	Гайкин В.А. Тихоокеанская Россия – стыковочный узел интеграции РФ с Японией и Кореями 173
	Зотов В.В., Алексеенко А.И., Анциферова И.В. Состояние межэтнических отношений в приграничном моноэтническом регионе как условие социальной стабильности 191

**Социально-экономическое положение как основа имиджа
приграничного региона**

Economic and social situation as basis of image of the cross-border region

Зотов В.В.,

*Профессор кафедры государственного и
муниципального управления*

Академии госслужбы

Россия, г. Курск

Куркина М.П.,

Зав. кафедрой экономики и менеджмента

Курского государственного

медицинского университета

Россия, г. Курск

Zotov V.V.,

*Professor of department of the public and
municipal administration of*

Academy of civil service

Russia, Kursk

Kurkina M.P.

Head of the department of economy and

management of the Kursk state

medical university

Russia, Kursk

***Аннотация.** В данной статье авторы рассматривают социально-экономическое положение как основу имиджа приграничного региона. Для анализа были выбраны Белгородская, Курская и Брянская области, в формировании имиджа которых прослеживается ориентация на использование территориальной доминанты, что обусловлено их трансграничным расположением. Для определения взаимосвязи имиджа данных территорий с их социально-экономическим положением использовался 1) анализ данных рейтинговой оценки социально-экономического развития регионов, рейтинг инвестиционной привлекательности, а также данные Росстата; 2) вторичный анализ данных социологических исследований, проведённых на территории Белгородской, Брянской и Курской областях с целью определения имиджа региона. Авторы приходят к выводу, что социально-экономическое положение приграничных регионов в значительной степени определяет*

отношение субъектов внутри собственной территории, а в дальнейшем и внешних субъектов взаимодействия, что в конечном итоге и определяет имидж региона. Отсутствие значимых социально-экономических достижений ведёт к преобладанию в имидже региона историко-культурной составляющей.

Ключевые слова: социально-экономическое положение, приграничный регион, рейтинг, имидж региона

Annotation. *In this article, the authors consider the socio-economic situation as the basis for the image of the border region. For the analysis, Belgorod, Kursk and Bryansk regions were chosen, in the formation of the image of which the orientation toward the use of the territorial dominant is traced, which is due to their transboundary location. To determine the relationship between the image of these territories and their social and economic situation, 1) analysis of the data of the rating assessment of the social and economic development of the regions, the investment attractiveness rating, and data of Russian Statistics Committee; 2) secondary analysis of data from sociological surveys conducted in the Belgorod, Bryansk and Kursk regions with the aim of determining the image of the region. The authors come to the conclusion that the socio-economic situation of the border regions largely determines the attitude of the subjects within its own territory, and in the future also the external subjects of interaction, which ultimately determines the image of the region. The absence of significant socio-economic achievements leads to the predominance of the historical and cultural component in the image of the region.*

Key words: socio-economic situation, boundary regions, rating, image of region

Традиционно принято считать, что имидж страны – это нечто, что касается исключительно государства в целом. Однако, в действительности, имидж государства складывается из имиджа его территорий, имиджа больших и малых городов. И иностранцы, приезжая в Россию, знакомятся, прежде всего, с ее городами и регионами, и именно на основе этих впечатлений составляют себе представление о России в целом. Значение имиджа многократно возрастает именно в приграничных регионах, которые в силу своего географического положения имеют большие в сравнении другими регионами (за исключением Москвы, Санкт-Петербурга и ряда мегаполисов) показатели трудовой миграции, миграции, связанной с обучением и поддержанием родственных связей.

Приграничные территории имеют свои особенности развития. Многоплановость межрегиональных трансграничных отношений между странами, включающих экономические, социальные и экологические аспекты, формирует неповторимый образ приграничной территории [8].

При этом в силу динамически меняющейся политической и социально-экономической ситуации в стране и за ее пределами именно приграничные территории крайне чувствительны к угрозам внешней среды и к тенденциям нарастания экономического и социального кризиса. Все субъекты (население, органы власти, организации и предприятия) в той или мере, испытывающие влияние ухудшения социально-экономической ситуации в регионе, вместе с этим наблюдают трансформацию совокупности представлений о нем, сложившихся в общественном мнении.

Имидж играет значительную и многогранную роль в формировании условий для долгосрочного расширенного воспроизводства всех определяющих факторов развития территориальной единицы.

Сегодня на государственном и региональном уровне много внимания уделяется продвижению позитивного имиджа страны, но одними лишь повышенными затратами на информационные имиджевые кампании переломить ситуацию с улучшением образа страны нельзя. Попытки создания региональных брендов чрезвычайно важны для разработки полноценной коммуникативной стратегии России.

Имидж региона есть целенаправленно конструируемый в общественном сознании образ у целевых аудиторий, поэтому его формирование включают в повестку региональной политики и планирования стратегического развития ее городов. Однако жизнеспособность и эффективность любого бренда напрямую зависит от актуальности и продуманности концептуального содержания, качества исполнения и последовательности продвижения.

Имидж региона определяет не только и не столько культура, которая безусловно обладает значительным символическим капиталом [2]. Тем не

менее, оказывается, что наличия лишь накопленного символического капитала недостаточно для формирования инвестиционной привлекательности региона, формирования его прочных конкурентных позиций. Имидж как специфический идеальный образ формируется на основе объективной информации о характеристиках территории, её природно-климатической среде, экономическом потенциале, состоянии инфраструктуры и коммуникаций, социального климата и условий жизнеобеспечения. Именно это создаёт реальное представление о регионе и происходящих в нём процессах. На формирование имиджа региона влияют его позиция в рейтинге регионов России.

В имидже региона слиты воедино представления людей по поводу социокультурных, исторических, социально-экономических, политических и других особенностей данной территории [2]. Позитивный имидж региона выступает в качестве нематериального фактора, стимулирующего социально-экономическое развитие территории, реализуя свою экономическую функцию через привлечение капитала, в том числе инвестиционных ресурсов и экономически активного населения [1]. При этом региональный имидж направлен, в первую очередь, на внешнюю среду, которая способна предложить необходимые для дальнейшего регионального развития ресурсы.

Социально-экономические процессы, геополитические и технологические изменения и преобразования, наблюдаемые сегодня на глобальном и национальном уровнях, довольно сильно отражаются на российских регионах. Являясь неотъемлемой частью национальной экономики, и одновременно, выступая в качестве микросубъектов на международном уровне, регионы играют важную роль в восприятии Российской Федерации на международной арене. Эта роль регионов определяется тем, что они все больше берут на себя функции встраивания национальной экономики и международные экономические системы, выступая в качестве субъектов микрорегионализации. При этом особую роль в процессах микро-регионализации играют приграничные регионы страны.

Прежде всего, следует отметить, что имидж региона представляет собой достаточно сложное образование, сочетающее в себе эффективное позиционирование всех жизнеобеспечивающих факторов внутренней среды региона. Вместе с тем следует учитывать, что внешняя привлекательность региона, основана, в первую очередь, на его положительном восприятии внутри, среди самих жителей.

В данном случае представляет интерес анализ имиджа приграничных регионов в контексте их социально-экономического развития. Для анализа были выбраны Белгородская, Курская и Брянская области. В формировании имиджа данных регионов прослеживается ориентация на использование территориальной доминанты, что обусловлено трансграничным расположением региона. Для определения взаимосвязи имиджа данных территорий с их социально-экономическим положением использовался 1) анализ данных рейтинговой оценки социально-экономического развития регионов РФ Агентства «Срединформ», ежегодного рейтинга социально-экономического положения субъектов РФ, проводимый Агентством «РИА Рейтинг», рейтинг инвестиционной привлекательности Национального Рейтингового Агентства, а также данные Росстата; 2) вторичный анализ данных социологических исследований, проведённых на территории Белгородской, Брянской и Курской областях.

Занимая выгодное географическое положение, являясь ключевым звеном, обеспечивающим кратчайший путь из Российской Федерации в Европу, данные регионы представляет собой наиболее перспективные в контексте развития международных экономических связей России со странами ближнего и дальнего зарубежья. Факторами, обуславливающими возможность полноценного участия региона во внешнеэкономической деятельности, являются: географический потенциал, обусловленный приграничным положением региона; логистический потенциал, сформированный наличием материально-технической базы; экономический потенциал, выраженный не только в наличии промышленных и

сельскохозяйственных предприятий, но и сформированных товарных марок продукции, производимых на территории соответствующих областей.

Социально-экономическое положение и уровень экономической состоятельности региона имеет определяющее значение в формировании имиджа региона, особенно на современном этапе. Это актуально для нерезидентов страны и мигрантов при выборе места будущего района пребывания, проживания или трудовой активности. Это важно для местных жителей с точки зрения традиционной приверженности к месту рождения и жительства, а также реализации трудового потенциала. Интерес инвесторов к реализации инновационных проектов и активному освоению ресурсного потенциала региона также стимулируется, прежде всего, положительным имиджем и социально-экономическим положением региона.

Представляемые независимыми рейтинговыми агентствами оценки и данные о социально-экономическом положении регионов РФ, в достаточной мере характеризуют складывающуюся экономическую и социальную состоятельность трансграничного региона в контексте его формирующегося имиджа и развития.

Согласно результатам рейтинговой оценки социально-экономического развития регионов РФ, по данным Агентства «Сredinform», в 2015 году проведенным по 15 агрегированным показателям с учетом данных официальной статистики, в первой группе оказалась Белгородская область, занявшая 16 место [13]. Курская и Брянская области, вошедшие во вторую группу регионов, и значительно уступившие Белгородской области, заняли 53 и 56 места. Следует отметить, что за семь последних лет результаты указанного рейтинга исследуемых территорий отражают типичную среднюю оценку рейтингового места каждого региона, что практически подтверждается рейтингами с расширенным числом изучаемых факторов, отражающих социально-экономическое положение субъектов РФ.

Ежегодный рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ, проводимый Агентством «РИА Рейтинг», демонстрирует динамику за

ряд лет рейтингового места приграничных территорий по уровню социально-экономического положения, представленную в таблице 1.

Регионы	Годы						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Белгородская область	16	10	20	19	18	18	19
Курская область	43	43	39	36	34	31	37
Брянская область	57	60	64	57	54	59	52

Таблица 1 – Динамика рейтингового места приграничных территорий по уровню социально-экономического положения.

Прим.: Составлено на основе [Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ в 2013 году; Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ в 2016 году (http://riarating.ru/regions_rankings].

Рейтинг представляет собой оценку по расширенному количеству параметров, характеризующих масштабы и эффективность экономики, показатели результативности развития бюджетной и социальной сфер.

В целом динамика рейтингового места приграничных территорий за ряд рассмотренных лет по уровню социально-экономического положения свидетельствует об отсутствии кардинальных изменений интегральных социально-экономических показателей регионов по данным официальной статистики.

При этом лидеру в данной тройке (Белгородской области) не удалось пока подняться до уровня рейтингового места, достигнутого в 2010-2011 годах, в то время как Курской области пока удается не опуститься до показателей тех лет. Брянская область в 2016 году имела наилучший показатель рейтингового места относительно своей результативности с 2010 года. Можно отметить, что каждый из рассматриваемых регионов стабильно остается в ранге «завоеванной» позиции за ряд рассмотренных лет, сохраняя ее в условном типичном для рейтингов разделении на группы «лидеров» (Белгородская область), «средников» (Курская и Брянская область) и «аутсайдеров» в разрезе всех регионов РФ.

Если сузить масштабы исследуемых показателей относительно представительства регионов в группе и проанализировать данные рейтингов в разрезе не РФ, а относительно положения региона в группе своего

Федерального округа, то Белгородская за последние пять лет также занимает лидирующие позиции и стабильное шестое место.

Регионы	Годы				
	2012	2013	2014	2015	2016
Белгородская область	6	6	6	6	6
Курская область	23	19	20	17	15
Брянская область	51	46	54	52	50

Таблица 2 – Динамика рейтингового места приграничных территорий в рейтинге ЦФО по качеству жизни населения.

Прим. Составлено на основе [Рейтинг регионов РФ по качеству жизни (2013-2016)]

При этом место Курской области медленно, но последовательно поднимается по шкале позиционирования в рейтинге. Интегральный показатель Брянской области в рейтинге ЦФО по качеству жизни населения повысился относительно других лет, за исключением наилучшего значения в 2013 году.

В целом по результатам оценок социально-экономического положения исследуемых приграничных регионов Белгородская область одна из самых экономически благополучных территорий, имеющая наименьшую долю лиц с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения региона. По показателям средних доходов и покупательной способности населения Белгородская область входит в тройку лидеров ЦФО вслед за Москвой и Московской областью. В целом область имеет лидерские позиции в половине проанализированных показателей социального благополучия, при этом ни по одному из показателей она не является аутсайдером. Белгородская область более привлекательная для инвесторов, чем ее соседи. Объем инвестиций в основной капитал в 2016 году - 146 385,6 млн. руб.

Курская область располагается в середине рейтинга регионов ЦФО по среднему душевому доходу населения. Доля людей с доходами ниже прожиточного минимума в населении Курской области немногим превышает 10% – это меньше среднероссийского уровня, по этому показателю область

выглядит сравнительно благополучно. Объем инвестиций в основной капитал в 2016 году - 70 378,4 млн. руб.

Брянская область находится в нижней части рейтинга ЦФО по среднедушевым доходам и покупательной способности населения. Около 60% расходов в брянских домохозяйствах – это расходы на продукты питания, а на спортивные, досуговые и культурные мероприятия расходы составляют менее 6%. Объем инвестиций в основной капитал в 2016 году - 61 742,1 млн. руб.

В рейтинге Национального Рейтингового Агентства, рассматривающего семь факторов региональной инвестиционной привлекательности, Белгородская область находится в списке лидеров - регионов с благоприятным инвестиционным климатом, подразумевающим максимально комфортные институциональные условия для инвесторов. Курская и Брянская области находятся на более низкой позиции в группе регионов средней инвестиционной привлекательности.

Рейтинг инвестиционной привлекательности по итогам 2016 года показал усиление региональных диспропорций. Почти все регионы, оценки которых были повышены, находятся в верхней половине списка рейтинга, в то время как понижение рейтинговых оценок произошло преимущественно в нижней части списка [9].

Представление о регионе с точки зрения его социально-экономического положения уже формирует имидж, характеризующий не только его инвестиционную привлекательность, но и соответствующие уровень жизни и качество жизни в регионе. На наш взгляд, объективные данные официальной статистики важно рассматривать с учетом динамики активности субъектов регионального сообщества в качестве обратной связи, поскольку за количественным выражением статических показателей можно увидеть также динамику деловой, предпринимательской, трудовой активности населения, проживающего на данной территории.

Любые общественные процессы и явления имеют не только свое отражение, но и причинно-следственные закономерности развития, в коллективном сознании людей, в их мотивационной и деятельной активности. Активность населения в рамках преобразования условий жизни конкретной территориальной единицы (город, регион, край) может быть различна, может распространяться в каких-либо инициативных направлениях в соответствии с потребностями и представлениями самих акторов.

Общественное мнение и общественная активность, как правило, зеркально отражают достигнутый уровень условий, созданных органами исполнительной власти, для воспроизводства человеческого потенциала региона и других ресурсов.

По данным Росстата, за ряд лет с 2011 по 2015 годы динамика числа общественных объединений в исследуемых приграничных регионах снижается в пользу роста некоммерческих организаций, демонстрируя отрицательные темпы прироста. При этом по числу общественных объединений лидирует Белгородская область. На втором месте по данному показателю – Курская область. В Брянской области наблюдается наименьшее из указанных трех регионов число общественных объединений (таблица 3, рис. 1).

Регион	2011	2012	2013	2014	2015	Темп прироста, % (2015 к 2011)
Белгородская область	1537	1469	1407	1337	1331	- 14,5
Курская область	1138	1119	1091	1059	1047	- 8
Брянская область	1036	893	831	797	769	- 23

Таблица 3 – Динамика числа общественных объединений в исследуемых приграничных регионах

Согласно официальной статистике, по числу некоммерческих организаций за анализируемый период лидирует Курская область, в которой оно больше на 25%, чем в Белгородской области и более чем в два раза больше, чем в Брянской области. Рост числа некоммерческих организаций за исследуемый период в Белгородской и Брянской областях незначительный –

1,6% и 0,8% соответственно. Наибольший рост некоммерческих организаций с 2011 по 2015 годы наблюдается в Курской области – 12,4% (таблица 4).

Регион	2011	2012	2013	2014	2015	Темп прироста, % (2015 к2011)
Белгородская область	425	425	414	432	432	1,6
Курская область	481	509	517	539	541	12,4
Брянская область	237	241	240	238	239	0,8

Таблица 4 – Динамика числа некоммерческих организаций в исследуемых приграничных регионах

Изучая имидж региона глазами населения, были исследованы сложившиеся представления людей об «успешности» и «состоятельности» их территории на фоне общих показателей развития страны.

В 2017 году центр регионального развития предложил жителям Курской области выразить своё мнение относительно социально-экономического уровня региона в сравнении с другими субъектами Российской Федерации. Опрос проводится на Официальном социологическом портале Курской области (<http://соцпортал46.рф/>) и в группе «Центр регионального развития (Курская область)» социальной сети «ВКонтакте».

Несмотря на постоянное присутствие в эфире и в печатных СМИ материалов, пропагандирующих положительные тенденции изменения показателей социально-экономического развития Курской области в сравнении с соседними регионами, 41% опрошенных отметили, что ниже, чем в других регионах. 27% считают, что социально-экономический уровень Курской области от других регионов значительно не отличается. И только 23% опрошенных считают его выше, чем в других регионах. Проведённые исследования позволяют представить следующую картину восприятия региона: «это в большей мере авторитарный регион, экономически депрессивный, имеющий значительный туристический потенциал, комфортный для проживания и неблагоприятный с экологической точки

зрения, с высоким уровнем безопасности, но с нарушением прав человека» [5]. Но в тоже время его жители гордятся своим историческим прошлым, событиями и памятными места, связанные с Курской битвой, паломническими местами (Курская Коренная Пустынь) [6].

Отметим, что образ Брянской области в средствах медиа достаточно негативный: это депрессивный регион, несущий бремя чернобыльской катастрофы. Но в тоже время, в исследовании М.М. Карлиной, в целях оценки существующего имиджа Брянской области был проведён опрос методом полустандартных интервью [4]. И данный опрос показал, что гордятся своим регионом 77% опрошенных, причем доля положительных ответов выше среди респондентов, возрастных групп 16-25 лет (85%), 45 – 65 лет (78%) и 56-70 лет (82%). Наименьшее количество положительных ответов было получено у жителей области в возрасте от 26 до 35 лет.

В другом исследовании была поднята проблема формирования инновационного имиджа Брянской области у жителей региона [14,4]. Исследование проводилось с применением фокусированных полустандартизованных интервью. Данное исследование показало, что у значительной части респондентов (18%) Брянская область ассоциируется с провинциальным регионом, без ярко выраженных характеристик, 17% опрошенных считают Брянщину отсталым в развитии регионом. Негативный имидж, складывается преимущественно у молодежи области. Необходимо отметить и высокую долю представителей студенчества, для которых прослеживается невыраженный имидж – 7,7% опрошенных. Положительные характеристики слабо коррелируют с экономическим потенциалом региона и носят преимущественно ностальгически-эмоциональную основу.

Таким образом, внутренний имидж Курской и Брянской области оценен как противоречивый, так как большая часть опрошенных гордятся свои краем, его природными условиями, историками, известными земляками, тогда как комфортность проживания, социально-экономические условия жизни, возможности профессиональной самореализации оцениваются крайне

низко. Негативный имидж, по мнению респондентов, является следствием пассивной позиции региональных властей, отсутствием программ, создающих условия для трудоустройства, развития бизнеса и социального благополучия, слабого информирования о деятельности общественных (некомерческих) организаций.

Белгородская область также соединяет в себе древнюю историю («Белгородская крепость», «Прохоровское поле») и современный облик, характеризующийся развитой инфраструктурой, передовыми научными технологиями, высокоразвитой культурой и духовным наследием, большими достижениями на спортивной арене. Город Белгород позиционируется масс-медиа как сочетание маленького, уютного городка с довольно развитыми культурными и духовными традициями и современного города, с развитой агропромышленной и металлургической сферой.

Не случайно Администрация Белгорода решила продвигать город перед инвесторами и туристами под брендом «Белгород – город добра и благополучия» [3]. Отсюда и имидж органов власти в Белгородской области респонденты охарактеризовали как «высокий положительный» – 13% и «положительный» 47%, т.е. более половины населения региона (60%) лояльно настроены по отношению к органам власти и оценивают их работу как успешную. Нейтральную оценку имидж власти имеет у 17% опрошенных, отрицательную – у 18%. Мнения сотрудников масс-медиа, общественных организаций и бизнес-организаций в основном совпадают и носят положительный характер. Но в ней также присутствуют отрицательные значения (в сумме 16%) и крайне высока оценка имиджа как «никакого» (43%) [7].

1. Приграничные территории являются ключевыми Приграничные регионы являются ключевыми территориями внешнего соприкосновения и экономического сотрудничества, синтезируя в своей культуре, экономике и хозяйственной деятельности укоренившиеся традиции, традиционные особенности и присущие только им конкурентные преимущества,

одновременно используя их в качестве факторов своего развития и условий для формирования имиджа. Публикуемая достаточно широко на базе официальной статистики рейтинговая аналитика о социально-экономическом положении приграничных регионов также вносит определенный вклад в формирование их имиджа.

2. Социально-экономическое положение приграничных регионов в значительной степени определяет отношение не только внешних субъектов трансграничного сотрудничества, но и различных групп субъектов внутри собственной территории, что в конечном итоге и определяет имидж региона. В то же время отсутствие значимых социально-экономических достижений приграничных территорий ведёт к преобладанию в их имидже историко-культурной составляющей, что значительно понижает заинтересованность различных целевых групп и сдерживает экспансию входящих трудовых ресурсов с высокой квалификацией, финансовых потоков, не способствует росту инвестиционной привлекательности.

Список литературы.

1. Алимова Г.С., Чернышев Б.Н. Имидж региона в системе оценки его конкурентоспособности. Научные записки ОРЕЛГИЭТ. 2010. № 2. С. 341-348.
2. Василенко И. А. Имиджевая политика российских регионов: актуальность ребрендинга. Государственная служба. 2012. № 1. С. 54–58.
3. Игнатова И.Б., Туранина Н.А., Колесникова И.Г., Сергеева А.Ю. Бренд региона и его составляющие (на материале «Белгород – город добра и благополучия»). Наука. Искусство. Культура. 2016. №3 (11). С.82-87.
4. Карлина М.М. Исследование имиджа региона на основе факторов гордости населения (на примере Брянской области). Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 7-7. С. 60-63.
5. Комков К. А. Восприятие имиджевой политики региона его жителями. Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 2 (102). С. 225-230.

6. Курская область: цифры и факты: сборник результатов социологических исследований 2015–2017 годов / под общей ред. А.И. Алексеенко. Курск: Изд-во Академии госслужбы, 2017. 92 с.

7. Маслов И.В. Формирование имиджа органов исполнительной власти региона: дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.08. 2013. Белгород, 185 с.

8. Новиков А.Н., Новикова М.С. () Региональные особенности приграничного положения Юго-восточного Забайкалья. Учёные записки Казанского университета. Серия: Естественные науки. 2008. № 3. С. 229-240.

9. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России: тенденции по итогам 2016 года [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/pdf, свободный (дата обращения 30.06.2017).

10. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни (2013-2016) [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.riarating.ru>, свободный (дата обращения 30.06.2017).

11. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ в 2013 году [Электронный ресурс]. Режим доступа http://riarating.ru/regions_rankings, свободный (дата обращения 30.06.2017).

12. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ в 2016 году [Электронный ресурс]. Режим доступа http://riarating.ru/regions_rankings, свободный (дата обращения 30.06.2017).

13. Рейтинг социально-экономического развития регионов (2015 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.credinform.ru/ru-Ru/herald/details>, свободный (дата обращения 30.04.2017).

14. Шуклина З.Н., Карлина М.М. Формирование инновационного имиджа на основе научно-образовательного потенциала региона. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 4. С. 63-67.

15. Зюкин Д.А., Куркина М.П. Оценка дифференциации регионов ЦФО по уровню жизни населения. Фундаментальные исследования. 2017. № 1. С. 165-168.

16. Куркина М.П., Зюкин Д.А. Развитие социальной инфраструктуры регионов ЦФО. Фундаментальные исследования. 2017. № 1. С. 173-176.

Reference.

1. Alimova G.S., Chernyshev B.N. Imidzh regiona v sisteme ocenki ego konkurentosposobnosti. Nauchnye zapiski ORELGIIeT. 2010. № 2.S. 341-348.

2. Vasilenko I. A. Imidzhevaja politika rossijskih regionov: aktual'nost' rebrendinga. Gosudarstvennaja sluzhba. 2012. № 1. S. 54–58.

3. Ignatova I.B., Turanina N.A., Kolesnikova I.G., Sergeeva A.Ju. Brend regiona i ego sostavljajushhie (na materiale «Belgorod – gorod dobra i blagopoluchija»). Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2016. №3 (11). S.82-87.

4. Karlina M.M. Issledovanie imidzha regiona na osnove faktorov gordosti naselenija (na primere Brjanskoj oblasti). Sovremennye tendencii razvitija nauki i tehnologij. 2016. № 7-7. S. 60-63.

5. Komkov K. A. Vosprijatie imidzhevoj politiki regiona ego zhiteljami. Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. 2012. № 2 (102). S. 225-230

6. Kurskaja oblast': cifry i fakty: sbornik rezul'tatov sociologicheskikh issledovanij 2015–2017 godov / pod obshej red. A.I. Alekseenko. Kursk: Izd-vo Akademii gossluzhby, 2017. 92 s.

7. Maslov I.V. Formirovanie imidzha organov ispolnitel'noj vlasti regiona: dis. ... kand. sociolog. nauk: 22.00.08. 2013. Belgorod,185 s.

8. Novikov A.N., Novikova M.S. () Regional'nye osobennosti prigranichnogo polozhenija Jugo-vostochnogo Zabajkal'ja. Uchjonye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Estestvennye nauki. 2008. № 3. S. 229-240.

9. Rejting investicionnoj privlekatel'nosti regionov Rossii: tendencii po itogam 2016 goda [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa http://www.rational.ru/sites/default/files/analytic_article/pdf, svobodnyj (data obrashhenija 30.06.2017).

10. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни (2013-2016) [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.riarating.ru>, свободный (дата обращения 30.06.2017).

11. Рейтинг социаль'но-экономического положения субъектов РФ в 2013 году [Электронный ресурс]. Режим доступа http://riarating.ru/regions_rankings, свободный (дата обращения 30.06.2017).

12. Рейтинг социаль'но-экономического положения субъектов РФ в 2016 году [Электронный ресурс]. Режим доступа http://riarating.ru/regions_rankings, свободный (дата обращения 30.06.2017).

13. Рейтинг социаль'но-экономического развития регионов (2015 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.credinform.ru/Ru-Ru/herald/details>, свободный (дата обращения 30.04.2017).

14. Шуклина З.Н., Карлина М.М. Формирование инновационного имиджа на основе научно-образовательного потенциала региона. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 4. С. 63-67.

15. Зюкин Д.А., Куркина М.П. Оценка дифференциации регионов ЦФО по уровню жизни населения. Фундаментальные исследования. 2017. № 1. С. 165-168.

16. Куркина М.П., Зюкин Д.А. Развитие социальной инфраструктуры регионов ЦФО. Фундаментальные исследования. 2017. № 1. С. 173-176.

Консолидационный потенциал городского сообщества в приграничном регионе

A consolidated potential of urban community in the border region

Бабинцев В.П.,

профессор

кафедры социальных технологий

НИУ «БелГУ»

Россия, г. Белгород

Бабинцева Е.И.

доцент

кафедры управления персоналом

НИУ «БелГУ»

Россия, г. Белгород

Babintsev V.P.,
professor of social technologies department
of Belgorod National Research University
Russia, Belgorod

Babintseva E.I.
associate professor of
human resource management department of
Belgorod National Research University
Russia, Belgorod

Аннотация. В статье рассматривается проблема состояния консолидационного потенциала городских сообществ в городах российско-украинского приграничья. Необходимость его определяется важностью воспроизводства городских сообществ, противостояния внешним угрозам и улучшения качества человеческих отношений. В концептуальном отношении работа основана на выделении трех составляющих консолидационного потенциала (цивилизационно-пространственного, государственно-гражданского и символического). На основании анализа результатов эмпирических исследований - мониторинга оценки результативности реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» в Белгородской области в 2013 – 2015 годах ($n = 1000$), а также исследования проблем формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины, осуществленного кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета в 2015 году ($n = 1000$) доказываем, что каждый из этих элементов в настоящее время находится в неудовлетворительном состоянии. Обосновывается, что задачей муниципальной политики является технологически корректное формирование потенциала консолидации городских сообществ.

Ключевые слова: Солидарность, консолидация, консолидационный потенциал, городское сообщество, доверие.

Annotation. The problem of a consolidated potencial of urban communities in the cities of Russian-Ukrainian border-zone is considered in the article. The need for it is determined by the importance of urban communities reproduction, confrontation of external threats and improvement of human relations' quality. Conceptually, the research is based on the identification of three components of the consolidated potential (civilizational-spatial, state-civil and symbolic). On the basis of the analysis of empirical researches' results - monitoring of an assessment of realization' effectiveness of Strategy «Formation of a regional solidary society» in Belgorod region in 2013 - 2015 ($n = 1000$) and also researches of problems of the formation of cultural and civilization identities in the border regions of Russia and Ukraine which is carried out by the social technologies department of

Belgorod National Research University in 2015 (n = 1000), it is proved that each of these elements is in an unsatisfactory state now. It is substantiated that the task of a municipal policy is a technologically correct formation of the potential for urban communities' consolidation.

Keywords: *Solidarity, consolidation, consolidated potential, urban community, trust.*

Введение. Идея социальной консолидации российского общества становится в последние годы все более актуальной. Политики, общественные деятели и исследователи, как правило, связывают ее востребованность с двумя главными обстоятельствами. Во-первых, с необходимостью обеспечения условий для воспроизводства общества. О.А. Кармадонов и М.К. Зверев, в частности, пишут: «Социальная солидарность выполняет жизненно важную функцию – воспроизводство социальной системы на любом иерархическом уровне – от групп первичных социальных практик до социума. Состояние или уровень социальной солидарности в обществе определяет степень гармоничности ее функционирования и в целом – жизненные шансы и перспективы как отдельного человека, так и сообщества, и социума» [2]. Во-вторых, целесообразность консолидации традиционно связывают с противостоянием внешним опасностям и угрозам, подчеркивая ее геополитический аспект [4]. Данный аргумент особенно остро воспринимается в российско-украинском приграничье. Однако не менее, а, возможно, более важным является то, что в ходе консолидации может существенно улучшиться качество человеческих отношений, заметно деградировавших в условиях общества потребления.

Речь, прежде всего, идет о восстановлении межличностного и институционального доверия, которое, согласно Ф. Фукуяме, составляют ключевую характеристику действительно развитого человеческого общества [7], а в работах Дж. Хоскинга рассматривается в качестве наиболее важного свойства, определяющего взаимоотношения людей [10]. Не случайно проблемам консолидации и доверия уделяется особое внимание

исследователями в динамично развивающемся Китае [11], где в управлении социальными процессами традиционно учитывалась духовная составляющая.

Процессы консолидации в динамично развивающемся обществе могут реализоваться на разных уровнях. При этом довольно очевидно, что, хотя консолидационные потоки на макро- и микроуровнях взаимозависимы, решающую роль все же играют те, которые осуществляются в местных сообществах, поскольку именно здесь создается фундамент для доверительных отношений между людьми, формируется реальный социальный капитал, как ресурс поддержки и доверия. Однако здесь же формируются многие барьеры консолидации, особенно заметные в условиях городской среды. Осуществление идеи консолидации городского сообщества, включающего в себя жителей городского муниципального образования, требует анализа благоприятных и неблагоприятных условий для ее осуществления. Данная задача решается в статье на материалах, характеризующих ситуацию в приграничных с Украиной регионах России.

Методологической основой настоящего исследования является концепция солидарного общества, разработанная специалистами Белгородского государственного национального исследовательского университета. В соответствии с данной концепцией солидарное общество понимается как система межличностных и межгрупповых отношений субъекта Российской Федерации, основанная на осознании их участниками общности идеологии, интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке, лояльности и сотрудничестве в достижении позитивных общественно значимых целей.

Оно базируется на принципах духовности и нравственности, доверии и солидарности. При этом духовность рассматривается как определенное внутреннее состояние человека и общности (например, присутствие духа, боевой дух, духовная стойкость); как деятельность сознания, направленная на понимание того или иного смысла жизни и своего места в ней; как склад личности, предполагающий сочетание нематериальных и материальных

интересов, способность к самоизменению, возрождению в человеке утерянного образа-идеала. Нравственность представляет собой систему правил, норм, оценок, требований, которыми реально руководствуется личность в соответствии со своими внутренними установками. Доверие выражается в установке людей на открытые, конструктивные взаимоотношения, основанные на позитивном жизненном опыте, реализации ожиданий в отношении других людей, социальных институтов, организаций. Солидарность рассматривается как деятельное сочувствие интересам, мнениям сограждан, коллег, близких людей, единомышленники с ними.

Эмпирической основой работы служат результаты мониторинга оценки результативности реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» в Белгородской области в 2013 – 2015 годах (n = 1000), проведенного методом экспертного опроса по методике многоступенчатой квотной выборки. В работе использованы данные исследования проблем формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины, проведенного кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета в 2015 году методом анкетного опроса (участвовали жители Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской областей - в России, Харьковской, Сумской, Черниговской, Луганской – в Украине (выборка квотная многоступенчатая, квотные признаки: место жительства, пол, возраст, n = 1000).

Городская (урбанизированная) социальная среда формирует специфическую, внутренне противоречивую, конфигурацию человеческих взаимоотношений. С одной стороны, наличие большой массы людей, сопряженное с высокой интенсивностью информационных потоков, создает широкие возможности для межличностных контактов. С другой стороны, именно в городе человек нередко наиболее остро ощущает свое одиночество, как следствие взаимного отчуждения сограждан, жизнедеятельность которых строится на максимально прагматичных основаниях. Степень подобного

отчуждения нередко настолько высока, что встает вопрос: насколько правомерно вообще ставить задачу консолидации городских сообществ. Характеризуя специфику городской жизни, Л.Д. Хлевной приводит суждение социального психолога С. Милграйма, который утверждал, что для городских поведенческих стандартов типично «полное пренебрежение к нуждам, интересам и требованиям тех людей, которых человек не считает непосредственно связанными с удовлетворением его личных потребностей» [9].

В данной связи представляет исключительно важное значение вопрос о том, каков, действительно, консолидационный потенциал городского сообщества, если он в принципе имеет место. Под консолидационным потенциалом в данном случае понимается комплекс возможностей, позволяющих так организовать жизнь городского муниципального образования, чтобы нормой отношений между людьми стали взаимное доверие и ответственность, стремление по-соседски (по-доброму) решать житейские проблемы и готовность добровольно и бескорыстно поддерживать друг друга в трудных жизненных ситуациях.

Для оценки потенциала мы полагаем возможным использовать концепцию трех видов ресурсов социальной консолидации: цивилизационно-пространственного, гражданско-государственного и символического, предложенную Г.Д. Ковригиной [5]. При этом цивилизационно-пространственный ресурс мы понимаем как комплекс характеристик городской субкультуры, интегрирующей в себе традиции и современные элементы и определяющей вектор идентичности граждан; гражданско-государственный – как способность институтов гражданского общества, с одной стороны, государственных и муниципальных структур, с другой, к утверждению идеи солидарности в качестве нормы жизни; символический – как систему обобщенных представлений, в которых в условной форме репрезентируются социальные смыслы.

Цивилизационно-пространственный ресурс социальной консолидации определяется спецификой идентификации населения приграничных городов, а также структурой ценностей, разделяемых жителями. Очевидно, что консолидационный процесс будет идти активнее, если горожан будет объединять осознание общей идентичности. В свою очередь, его отсутствие создает трудности для утверждения идеи солидарности, хотя нельзя отрицать, что различная идентичность исключает такую возможность в принципе.

Упомянутое выше исследование проблем идентичности населения приграничных регионов выявило формально высокий уровень идентификационной гомогенности населения российского приграничья. Абсолютное большинство жителей приграничных регионов России отождествляют себя с представителями российской культуры (70.8%). Незначительная доля опрошенных (8.8%) относят себя к представителям европейской культуры, 9.2% - к мировой; 2.6% - к евразийской. Однако, во-первых, культурная идентификация оказалась не тождественной идентификации цивилизационно-пространственной. Исследование показало: только 43.2% респондентов ощущают себя россиянами, 29.4% - русскими, 7% - жителями своего города (района), 4.6% - региона, 6.2% - гражданином мира, 2.8% - европейцем (остальные не ответили или затруднились ответить).

Во-вторых, даже ощущение принадлежности к российской культуре не является фактором, способным консолидировать городское сообщество, хотя бы потому, что российская культурная традиция крайне разнородна. В ней можно выделить самые различные ценностно-смысловые паттерны. Некоторые из них, несомненно, способствуют консолидации, но, к сожалению, в отношении интериоризации ни одного из таких паттернов нет консенсуса большинства граждан. В частности, в ходе мониторинга оценки результативности реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» в 2014 году у жителей городов Белгородской области был выявлен следующий рейтинг ценностей, которые обычно относят к

консолидирующим в рамках российской культурной традиции. По Белгороду он выглядит так: духовность, общественная мораль – 26.1%, справедливость – 37.1%, служение Отечеству, патриотизм – 16.3%, солидарность – 20.4%; по городам областного значения соответственно: 17.3%, 26.8%, 9.5%, 11,5%.

Очевидное отсутствие ценностного консенсуса в городской среде является, на наш взгляд, наиболее значимым барьером консолидации городского сообщества в приграничных с Украиной регионах России. При этом причины сложившейся ситуации глубоки, связаны как с историческими особенностями развития российской цивилизации (поликультурность, неоднократная ревизия ценностных оснований развития социума в XX столетии), так и с особенностями общественных процессов в настоящее время (атомизация, нарастание иррационализма и потребительского отношения к жизни, симуляция социальной реальности). В силу серьезности этих причин бессмысленно рассчитывать на быстрый успех в развитии консолидационного процесса.

Не менее сложным представляется ситуация с гражданско-государственным ресурсом консолидации¹. Суть проблемы заключается в том, что успешная, а не имитируемая, консолидация – это, во-первых, естественный процесс, который не может быть осуществлен административными мерами (хотя в определенных пределах такие меры возможны и даже необходимы). Во-вторых, это результат совместных усилий гражданского общества и государства, их взаимного встречного движения. Однако ситуация в сфере государственно-гражданских отношений характеризуется несколькими обстоятельствами, существенно препятствующими консолидации.

¹ Используя данное понятие, мы учитываем, что любой город в современной России, за исключением Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, - сфера муниципальной власти. Однако, несмотря на разделение государственного управления и местного самоуправления в Конституции РФ, эти виды управления тесно связаны на практике, что и дает определенные основания использовать определение «государственное».

Прежде всего, следует учитывать слабость гражданского общества в современной России. М.К. Горшков в данной связи подчеркивает крайнюю сложность однозначного ответа на вопрос о наличии гражданского общества в России вообще [1] Фактически, в большинстве случаев оно формируется не «снизу», за счет инициативы граждан, а «сверху» - усилиями государственной и местной власти, а потому в значительной степени подконтрольно им.

Кроме того, реализация государственно-гражданского ресурса возможна лишь при условии взаимного доверия контрагентов – власти и населения. Однако в настоящее время уровень доверия между ними в городах довольно низок. В частности, мониторинг оценки результативности реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» в Белгородской области в 2014 году показал, что главе городского местного самоуправления в Белгороде доверяли только 46.5% респондентов, в городах областного значения – 56.9%. В основе недоверия лежит взаимное отчуждение граждан и власти. Крайне негативно реагируя на него, лишь 38.3% городских жителей высказали в ходе исследования удовлетворенность тем, как власть к ним относится.

Консолидации городского сообщества препятствует низкая социальная активность граждан, типичная для всей России. По данным исследований ФОМ, «более 90% россиян не проявляли в последние два года никакой политической или гражданской активности. 95% опрошенных не состояли в партиях и не собирали подписи в поддержку какого-либо политика, 94% - не агитировали за или против какой-нибудь законодательной инициативы, 91% - не были ни наблюдателями на выборах, ни добровольцами или волонтерами, не участвовали ни в деятельности НКО, ни в каких-либо массовых акциях. Исключения из этого правила - решение общественных проблем по месту жительства (этим занимались 27%) и помощь незнакомым людям (72%)» [7].

Отказываясь от общественно-политического участия, граждане тем самым не пытаются выстроить прочные горизонтальные и вертикальные

связи, без которых невозможно установление отношений доверия и солидарности.

С другой стороны, консолидации препятствуют особенности бюрократического сознания и поведения. К наиболее негативным его характеристикам относятся:

В структурах власти эти факторы определяются особенностями бюрократического мышления. К ним относятся:

- установка на упрощение (примитивизацию) социальных явлений и процессов, стимулирующая контрастное восприятие реальности, без учета многообразия возможностей ее развития (социальной полифонии);

- деформированный корпоративизм, следствием которого является формирование в государственных и муниципальных структурах «нездоровой» корпоративной культуры; ее признаками являются принятие решений на основе личных взаимоотношений; враждебность к организационным изменениям; назначение менеджеров, ориентирующихся на текущие проблемы, но не на перспективу; нежелание использовать чужой опыт, существование «синдрома превосходства» [6];

- адхократическое (от ad hoc – по случаю) отношение к объектам управления и социальным проблемам, выражающееся в отказе от учета социальной перспективы;

- преувеличенная символическая демаркация, воплощающаяся в наделении повышенной ценностью социальных статусов, их строгом разграничении, в перенесении статусных ценностей на личности;

- идеализация и универсализация практики административного контроля.

В рассматриваемом контексте задача наращивания консолидационного потенциала городского сообщества предстает как задача дебюрократизации.

Крайне сложной проблемой является анализ символического ресурса консолидационного потенциала, состояние которого, практически, не исследовано. Вместе с тем, очевидно, что символическая репрезентация

солидарности в городских муниципальных образованиях находится на крайне примитивном уровне. В лучшем случае (как это имело место в Белгородской области) речь идет о попытках визуализировать консолидационный процесс. Однако мир символов крайне разнообразен, включает в себя личностей, мифы, легенды, ритуалы и т.п. Это создает многообразие возможностей, которые в настоящее время почти не используются. Между тем, нельзя не согласиться с Г.Д. Ковригиной, которая считает, что «общество по необходимости должно выработать новые «категории очевидности», создать новый символический свод, который будет обеспечивать его целостность [5].

Для городских сообществ ключевую роль, на наш взгляд, будет играть новая городская легенда, представляющая собой устный рассказ, в основе которого лежит эмоционально окрашенный образ, воспринимаемый рассказчиком и слушателями как достоверный. Такая «легенда солидарности» с необходимостью должна быть создана в каждой городской общине.

В контексте задачи стратегического развития российских приграничных городов формирование и наращивание консолидационного потенциала городских сообществ представляется одной из наиболее значимых. Решение ее требует технологически корректного, научно обоснованного подхода. В противном случае существует риск утвердить взамен солидарного сообщества имитационный консенсус, основанный на системе фальсеоинтеракций, представляющих собой особую форму социального взаимодействия, «в основе которого лежит осознанность фальши (лжи, обмана) и добровольное принятие этой лжи за истину обеими сторонами коммуникации» [3].

Подобный консенсус будет порождать и поддерживать три наиболее значимых иллюзии: социальной стабильности, безопасности, сравнительного комфорта. Первая заключается в утверждении об отсутствии видимых социальных потрясений, несмотря на то, что латентные процессы свидетельствуют о явном неблагополучии и распространении комплекса

фобий. Вторая – в представлении о мнимом отсутствии внешних вооруженных конфликтов, хотя приграничные с Украиной города подвергаются иным серьезным угрозам. Третья – в убеждении, что материальное благополучие большинства населения постоянно растет, и эта тенденция продолжится в будущем, несмотря на то, что гарантии улучшения жизни отсутствуют.

Таким образом, во-первых, консолидации городских сообществ является в настоящее время необходимостью, обусловленной как задачами стратегического развития городов, так и улучшения качества человеческих отношения в актуальном плане. Во-вторых, решить эту задачу можно лишь при условии формирования и постоянного наращивания консолидационного потенциала городских сообществ. В-третьих, в настоящее время состояние элементов этого потенциала (цивилизационно-пространственный, государственно-гражданский и символический), не адекватно характеру решаемой задачи, и проблема заключается в организации работы по их формированию.

Список литературы.

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф. 2011. 672 с.
2. Кармадонов О.А., Зверев М.К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изда-во ИГУ. 2012. 223 с.
3. Каширина М.В. Современный российский вуз как сфера генезиса фальсеоинтеракций. Социология образования. 2014. № 10. С. 76 - 86.
4. Климкин П.В. Внешняя политика как важнейший фактор консолидации российского общества. Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2015. 374 с.

5. Ковригина Г.Д. Социокультурные ресурсы социальной консолидации российского общества: дисс....канд. филос. наук. 09.00.11. Иркутск. 2015. 178 с.

6. Овчинников М.А. Корпоративная культура в системе социального управления: дисс. ... канд. соц. наук. 22.00.08. 2004. М. 116 с.

7. Социологи ФОМа: Гражданская и политическая активность россиян упала практически до нуля. Доступ: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/09/11/grazhdanskaya-passivnost> (проверено: 22.10.2016).

8. Фукуяма Ф. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ. 2006. 732 с.

9. Хлевной Л.Д. Управление социальной сферой крупнейшего города в современной России: дисс...канд. соц. наук. 22.00.08. Краснодар. 2004. 148 с.

10. Hosking G. Trust, Money, Markets, and Society. London: Seagull Books. 92 p.

11. Linggi D. Vertrauen in China: Ein kritischer Beitrag zur Kulturvergleichenden Sozialforschung. Wiesbaden: Springer Fachmedien GmbH. 2011. 284 s.

References.

1. Gorshkov M.K. Rossiyskoe obschestvo kak ono est: (opyit sotsiologicheskoy diagnostiki). М.: Novyyi y hronograf. 2011. 672 s.

2. Karmadonov O.A., Zverev M.K. Konsolidatsiya rossiyskogo obschestva: potoki i pregradyi. Irkutsk: Izda-vo IGU. 2012. 223 s.

3. Kashirina M.V. Sovremennyiy rossiyskiy vuz kak sfera genezisa falseointeraksiy. Sotsiologiya obrazovaniya. # 10. 2014. S. 76 - 86.

4. Klimkin P.V. Vneshnyaya politika kak vazhneyshiy faktor konsolidatsii rossiyskogo obschestva. Konsolidatsiya rossiyskogo obschestva:

organizatsionnyie, obrazovatelnyie i sotsiokulturnyie resursyi. Irkutsk: Izd-vo IGU. 2015. 374 s.

5. Kovrigina G.D. Sotsiokulturnyie resursyi sotsialnoy konsolidatsii rossiyskogo obschestva: diss....kand. filos. nauk. 09.00.11. Irkutsk. 2015. 178 s.

6. Ovchinnikov M.A. Korporativnaya kultura v sisteme sotsialnogo upravleniya: diss. ... kand. sots. nauk. 22.00.08. M. 2004. 116 s.

7. Sotsiologi FOMa: Grazhdanskaya i politicheskaya aktivnost rossiyan upala prakticheski do nulya. Dostup: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/09/11/grazhdanskaya-passivnost> (provereno: 22.10.2016).

8. Fukuyama F. Sotsialnyie dobrodeteli i put k protsvetaniyu. M.: AST. 2006. 732 s.

9. Hlevnoy L.D. Upravlenie sotsialnoy sferoy krupneyshego goroda v sovremennoy Rossii: diss...kand. sots. nauk. 22.00.08. Krasnodar. 2004. 148 s.

10. Hosking G. Trust, Money, Markets, and Society. London: Seagull Books. 92 p.

Специфика социальной интеграции населения, проживающего в городских и сельских населенных пунктах Белгородской области

Specifics of social integration of the population living in urban and rural settlements in Belgorod region

Чефонова Е.А.,
аспирант кафедры
социальных технологий
НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород
Волкова О.А.,
доктор социологических наук,
профессор, зав. кафедрой
социальной работы
НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Мозговая Е.И.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной
работы
НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Chefonova E.A.,
post-graduate student of the
department
social technologies
National University of BelSU
Russia, Belgorod

Volkova O.A.,
Doctor of Sociology,
professor, head. Department of
Social Work
National University of BelSU
Russia, Belgorod

Mozgovaya E.I.,
Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the
Department of Social Work
National University of BelSU
Russia, Belgorod

***Аннотация.** В статье представлены результаты анализа специфики социальной интеграции населения, проживающего в городских (малых городах и поселках городского типа) и сельских населенных пунктах Белгородской области (Прохоровского, Ракитянского, Яковлевского районов). Социологическое исследование осуществлено при помощи метода анкетного опроса, в ходе которого получены первичные данные. В настоящей работе раскрывается сложность и многофакторность процесса социальной интеграции населения в условиях Белгородского региона. В ходе исследования установлено, что социальную интеграцию респонденты связывают с понятиями «единство», «солидарность», «сплоченность», «образ жизни». Представленные результаты исследования свидетельствуют о том, что перспективы социальной интеграции населения региона зависят от национальных традиций, активной жизненной позиции людей, их совместной деятельности, доверия, образа жизни.*

***Ключевые слова:** социальная интеграция, регион, низкоурбанизированная среда, солидарность, образ жизни.*

Abstract: *The article presents the results of the analysis of specifics of social integration of the population living in urban areas (small towns and urban-type settlements) and rural settlements in the Belgorod region (Prokhorovsky, Rakityansky, Yakovlev areas of the Belgorod region (Russia)). Sociological research carried out using the method of questionnaire, which provided the raw data. This article describes the complexity and multifactorial process of social integration of the population in the conditions of the Belgorod region. The study found that the social integration of the respondents attributed to the concepts of "unity", "solidarity", "cohesion", "lifestyle". The results of the study indicate that the prospects for the social integration of the population of the region depend on national traditions, active life position of people and their joint activities, trust, lifestyle.*

Keywords: *Social integration, the region, nizkourbanizirovannaya environment quality of life, solidarity, lifestyle.*

В условиях современной России особую актуальность приобретают проблемы и перспективы достижения социальной интеграции населения, проживающего в отдельных регионах, городских и сельских населенных пунктах страны. Особенно востребованной является проблема социальной интеграции отдельной личности, установления ею оптимальных социальных связей, создание органами местной власти благоприятной среды для успешной интеграции индивида в современное общество.

Социокультурная среда современной России подвержена воздействию глобализационных и урбанизационных процессов. Следствием данного процесса может стать дезинтеграция российского общества. Однако для большинства населения характерными чертами продолжают оставаться приверженность национальным традициям, стремление к единству, солидарности, сплоченности, коллективизму. Научное обоснование перспектив социальной интеграции жителей городских и сельских населенных пунктов обусловлено следующими обстоятельствами.

1. Низкоурбанизированная культурная среда понимается нами как совокупность материальных и социальных условий жизнедеятельности, а также ценностей, разделяемых населением городских и сельских населенных пунктов. На наш взгляд, именно в условиях низкоурбанизированной культурной среды возможно обеспечить воспроизводство традиционных

общественно значимых ценностей, что будет играть значительную роль в противодействии дезинтеграционным процессам и способствовать социальной интеграции населения. Противодействие дезинтеграционным тенденциям является закономерным процессом и становится условием единства современного российского социума.

2. Трансформационные процессы значительно ослабили интегративные связи в сельском и городском сообществе. Компоненты социальной интеграции следует рассматривать как базовые для достижения единства населения современного российского общества. Нами установлены факторы, способствующие социальной интеграции населения, проживающих в городских и сельских населенных пунктах, а также представлены перспективы данного процесса в условиях низкоурбанизированной культурной среды.

Понятие «социальная интеграция» является одним из важных в контексте социологического исследования проблем социальной интеграции населения, проживающих в условиях городских и сельских населенных пунктов.

Концептуальные стратегии, общие интегративные принципы и тенденции интеграционных процессов освещены в работах М. Вебера [2], Д. Локвуда, различающего социальную и системную интеграцию [3]. Принципы сельско-городской социологии представлены в работах П. Сорокина, П. Зиммермана [5]. Р. Редфилд, изучая процесс урбанизации и описывая сельское общество как полярное по отношению к городскому, акцентирует внимание на социальных и культурных различиях между жителями этих населенных пунктов [4]. В трудах Дж. Симондса представлен практический интегральный подход к достижению успеха в развитии сельских районов [6]. Теоретические основы исследования проблематики социальной интеграции населения, проживающего в низкоурбанизированных населенных пунктах, представлены концепцией культурного поворота [1].

Для выявления специфики социальной интеграции населения, проживающего в городских и сельских населенных пунктах, в январе-феврале 2017 г. было проведено социологическое исследование. В качестве респондентов выступили жители малых городов, поселков городского типа и сел Прохоровского, Ракитянского и Яковлевского районов Белгородской области. В исследовании приняли участие 560 человек.

В состав респондентов вошли люди в возрасте от 18 лет, задействованные в различных сферах занятости населения (студенты, служащие, работники промышленного и аграрного секторов, безработные, пенсионеры). Использовалась квотная многоступенчатая выборка. Выбирая предложенные варианты ответов, респонденты оценивали трудности, возможности и перспективы социальной интеграции населения, проживающего в низкоурбанизированной культурной среде городских и сельских населенных пунктов. Также был применен метод контент-анализа статистических материалов и нормативно-правовых документов, принятых в Белгородской области.

Выводы, сделанные на основе обработки и анализа первичных данных, могут распространяться и на другие районы Белгородской области.

Рассматривая специфику социальной интеграции населения, необходимо учитывать специфику конкретного региона, его традиции и особенности. Изучение проблем социальной интеграции жителей, проживающих в условиях низкоурбанизированной культурной среды (городских и сельских населенных пунктах) позволило нам установить положительные стороны данного процесса.

По результатам исследования нами установлены следующие степени социальной интеграции населения, проживающего в городских и сельских населенных пунктах Белгородского региона. Высокая степень социальной интеграции выявлена у 26,7% респондентов, средняя – у 46,5%, низкая – у 24,7% опрошенных. Согласно результатам исследования, 2,1% респондентов дезинтегрированы в местном сообществе.

Обратимся к более подробному описанию первичных данных, которые позволили нам сделать подобные выводы.

На наш взгляд, одним из элементов социальной интеграции населения является удовлетворенность его потребностей в различных сферах жизни.

Большинство участников исследования (14,9% – в полной мере; 65,8% – в основном) удовлетворены экономическим развитием села, города, района, в котором они проживают, что в общем значении составляет 80,7%.

При ответе на вопрос о том, какие трудности имеются в жизни участников анкетирования, среди них 47,8% отмечают низкий уровень доходов; трудности в организации собственного дела волнуют 18,1% опрошенных; отсутствие уверенности в завтрашнем дне – 17,4%; плохая экология – 14,9%; отсутствие возможности заниматься сельским хозяйством – 14,9%; качество медицинского обслуживания – 13,3%; недоступность социальной инфраструктуры – 12,1%; бытовая неустроенность – 11,5%; проблемы в семье – 11,2%; острая нехватка денежных средств – 9,9%; недоверие к власти – 9,0%; одиночество – 8,1%; безработица – 7,1%; низкое качество досуга – 5,9%; плохие жилищные условия – 4,0%.

Исследование показало, что в трудной жизненной ситуации 76,7% опрошенных рассчитывают на семью; 42,1% респондентов ожидают помощь родственников; 30,8% – на друзей; 29,1% в трудной ситуации могут положиться только на себя. На помощь коллег рассчитывают 11,8% опрошенных; правоохранительных органов – 4,7%; соседей – 2,2%; меценатов – 2,2%; членов социальных сетей – 0,6%. Показательно, что в трудной жизненной ситуации на помощь представителей органов местной власти рассчитывает только лишь 13,7% участников опроса.

В результате исследования установлены достаточно высокие показатели удовлетворенности респондентов взаимоотношениями в семье и отношениями с соседями. В полной мере удовлетворены отношениями в семье 48,6% опрошенных, а 35,5% респондентов выбрали ответ «в основном»; суммированный показатель – 84,1%. Отношениями с соседями в

полной мере удовлетворены 46,2% респондентов, в основном – 38,5% опрошенных (итого 84,7%).

Таким образом, можно утверждать, что ядром социальной интеграции человека является семья и его ближайшее окружение – родственники, друзья, соседи.

Немаловажным для исследования проблем социальной интеграции населения является установление степени удовлетворенности респондентов своим материальным положением. Согласно данным социологического исследования, полностью удовлетворены своим материальным положением 4,7% жителей городских населенных пунктов и 6,6% жителей, проживающих в сельских населенных пунктах. Ответ «скорее да, чем нет» выбрали 18,6% горожан и 24,0% селян; «скорее нет, чем да» – 59,3% городских жителей и 49,5% сельских; «нет» – 16,6% горожан и 4,1% селян. Затруднились ответить 0,8% городских жителей и 4,1% сельских.

Анализируя ответы респондентов на вопросы о материальном достатке, отметим, что представления респондентов об их доходах неоднородны. Для людей с низким уровнем жизни достаточным является удовлетворение первоочередных потребностей (хорошее питание, жилье). Однако для тех, кто уже удовлетворил первоочередные потребности, желательным становится появление более широкого диапазона запросов. Таким образом, различные категории населения, с разным уровнем дохода и социальным статусом, имеют различные запросы и образцы потребления.

Качеством социальных услуг удовлетворены в полной мере 14,4% респондентов; в основном – 61,2%; всего 75,6%. Отметим, что при анализе специфики социальной интеграции населения городских и сельских населенных пунктов необходимо учитывать такой фактор как территориальная близость/удаленность от областного центра и его и транспортная доступность. Так, например, в Яковлевском районе, расположенном рядом с областным центром – Белгородом, респонденты в большей степени удовлетворены качеством социальных услуг (80,9% и

89,3% соответственно), чем в отдаленных от областного центра районах – Прохоровском и Ракитянском (49,1% и 68,6%). Согласно результатам исследования, ситуация со строительством и ремонтом автомобильных дорог также лучше в Яковлевском районе (87%), который находится рядом с областным центром.

Обращает на себя внимание тот факт, что 52,6% респондентов не удовлетворены качеством медицинского обслуживания, а 30,3% опрошенных не информированы о новых возможностях медицинской помощи в районе и области. Оценивая степень удовлетворенности потребности населения в низкоурбанизированных населенных пунктах в медицинском обслуживании, отметим, что только лишь 6,2% ответили «удовлетворены полностью» и 8,9% – «удовлетворены в значительной степени» (т. е. всего 15,1%). Наибольший процент неудовлетворенности качеством медицинского обслуживания присвоен Яковлевскому району Белгородской области. Качеством медицинского обслуживания не удовлетворены 69,6% участников исследования, проживающих в Яковлевском районе.

По нашему убеждению, состояние здоровья человека напрямую влияет на степень его социальной интеграции. Хорошее здоровье человека непосредственно связано с его уровнем и качеством жизни, социальным самочувствием, с перспективами высокой степени интеграции в местное сообщество. Следует отметить, что основные медицинские ресурсы сосредоточены в крупных и средних городах региона, что затрудняет своевременную диагностику болезней и оказание качественной медицинской помощи жителям сельских поселений области.

Высокого значения, по мнению участников исследования, достигают показатели удовлетворенности качества деятельности учреждений культурно-досуговой и спортивно-оздоровительной направленности. В полной мере ими удовлетворены 41,7%; в основном – 44,6%; итого 86,3% опрошенных.

Большинство участников исследования (72%) отметили, что объединяющим фактором местного населения является аграрная культура.

Согласно данным опроса, соблюдение традиций и сохранение аграрной культуры невозможны при социальной разобщенности населения. Как показали результаты анкетирования, для 92,8% общего числа респондентов важно согласие в обществе (при подсчете процентов мы суммировали показатели «очень важно» (51,3%) и «достаточно важно» (41,5%)), т.е. всего это важно для 92,8% респондентов.

Справедливость в обществе важна для 94,4%; патриотизм – для 92,5%; уважение окружающих – для 90,3%; общественное признание – 88,5%; возможность оказания помощи другим людям важна для 88,8% опрошенных.

При ответе на вопрос о том, в какой мере для респондентов важна религия, вера, 49,8% выбрали ответ «очень важны»; 29,1% – «довольно важны»; 10,6% – «не слишком важны»; 2,8% – «совсем не важны»; 7,8% – затруднились ответить. Большинство респондентов (80,1%), отвечая на вопрос о вероисповедании, ответили, что они исповедуют православие.

Абсолютное большинство респондентов (33,0% – в полной мере; 44,6% – в основном; итого – 77,6%) отмечают высокую степень включенности в жизнь села, района. По мнению 49,7% респондентов, социальной интеграции населения способствует традиционно обусловленная коллективная социально значимая деятельность. В общественной и культурной жизни местного сообщества принимают участие 67,3% жителей. При этом за последние три года респондентам из числа жителей Яковлевского района не приходилось участвовать в деятельности общественных организаций и объединений, клубов по интересам (70,4% и 89,3% соответственно). Для сравнения: например, в Ракитянском районе этот показатель составляет всего 21,7%, и, наоборот, 78,3% в этих мероприятиях участвуют. Можно предположить, что это в определенной степени связано со спецификой промышленного сектора в Яковлевском районе.

Важным критерием социальной интеграции населения является удовлетворенность «привлекательностью» территории проживания. Не вызывает сомнения, что повышение качества жизни населения сельских населенных пунктов будет способствовать повышению удовлетворенности жителей общим состоянием территории. Согласно данным исследования, нередки случаи «обратной миграции», когда городские жители высказывают желание постоянно жить и работать в сельской местности.

На наш взгляд, немаловажным фактором, оказывающим влияние на социальную интеграцию жителей, является тип населенного пункта: малый город, поселок городского типа, сельский населенный пункт.

Согласно результатам опроса, в малых городах и поселках городского типа ситуация с благоустройством районов улучшилась в большей степени (82,6%), чем в селах (64,3%). Причем в большей степени в Яковлевском районе (92,0%), центром которого является малый город Строитель.

Потребность быть нужным и востребованным не удовлетворена полностью у 8,7% сельских жителей, а у жителей малых городов и поселков городского типа в 4,7% случаев.

Противоречивая ситуация наблюдается в ответах на вопрос о том, насколько удовлетворена потребность респондентов в общении. С одной стороны, она не удовлетворена полностью и в значительной степени жители городских населенных пунктов (9,4%). Однако сельские жители не удовлетворены ею еще больше (16,4%). С другой стороны, городские жители удовлетворены полностью, в значительной степени и на достаточном уровне всего 90,6%. А среди населения сельских населенных пунктов – 76,4%. По всей видимости, здесь играет роль разнородность коммуникативных потребностей у сельских жителей, поскольку в небольших населенных пунктах не имеется достаточных возможностей для удовлетворения этой потребности.

Ситуация с личной безопасностью у жителей городских населенных пунктов стала хуже, чем в сельских поселениях (38,0% и 25,1%). Качество

жизни населения улучшилось у городских жителей в большей степени (63,6%), чем у респондентов, проживающих в сельских населенных пунктах (48,2%).

Следуя результатам опроса, у городских жителей обеспеченность культурно-досуговыми учреждениями выше, чем у сельских жителей (69,2% и 54,1%). Эту разницу в цифрах, на наш взгляд, возможно объяснить различиями в социальной и культурной инфраструктуре. Однако услугами жилищно-коммунального хозяйства более удовлетворены в полной мере и в основном респонденты из сельских населенных пунктов (74,3%), а не из малых городов и поселков городского типа (59,7%). Не удовлетворены качеством жилищно-коммунального хозяйства городские жители – 36,4% и жители сельских населенных пунктов – 18,2%. Возможно, это объясняется тем, что оплата коммунальных услуг в сельской местности ниже, чем в городе. Немаловажно то, что сельские жители, как правило, проживают в частных домах со всеми удобствами, имеют приусадебные участки, ведут личное подсобное хозяйство.

Отвечая на вопрос «Как Вы считаете, насколько сельский житель интегрирован в местное сообщество, по сравнению с городским жителем?», 33,6% опрошенных ответили, что сельский житель менее интегрирован в сообщество по сравнению с городским жителем; 24,8% считают, что сельский житель более интегрирован в местное сообщество, нежели городской житель; 27,9% полагают, что и сельский, и городской житель одинаково интегрированы в местное сообщество; 13,6% респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос.

Данные, полученные в результате применения анкетного опроса, были проанализированы при помощи методов составления сравнительных таблиц и типологизации. В результате нами выделены основные факторы, способствующие или препятствующие социальной интеграции населения городских и сельских населенных пунктов: 1) традиции, активная жизненная позиция людей; 2) территориальная близость/удаленность от областного

центра и его и транспортная доступность; 3) отрасль народного хозяйства; 4) тип населенного пункта (малый город, ПГТ, село); 5) доверие социальным структурам и конкретным членам общества.

Для определения специфики социальной интеграции населения, проживающего в городских и сельских пунктах Белгородской области, нами был осуществлен контент-анализ официальных документов, принятых в регионе. В результате нами установлены способы достижения социальной интеграции населения низкоурбанизированных населенных пунктов, используемые органами местной власти:

1) объединение жителей путем приближения инфраструктуры низкоурбанизированного населенного пункта к условиям среднего города;

2) объединение населения городских и сельских населенных пунктов региона посредством усиления преимуществ низкоурбанизированной культурной среды.

Результаты социологического исследования позволяют утверждать, что современные процессы социальной интеграции жителей городских и сельских населенных пунктов определяются, с одной стороны, последствиями урбанизационных процессов, происходивших в стране, и, с другой стороны, новыми тенденциями дезурбанизации (например, переезд горожан в сельские населенные пункты на постоянное место жительства). Основным субъектом социальной интеграции в условиях низкоурбанизированной культурной среды остается человек, с заложенной в нем культурной программой и дополненной современными ценностями. Это и пожилой человек, и аграрий, и представитель социальной сферы, и служащий органов местного самоуправления.

Перспективы социальной интеграции населения в низкоурбанизированной культурной среде, на наш взгляд, связаны с двумя тенденциями: объединение населения путем приближения инфраструктуры низкоурбанизированного населенного пункта к условиям среднего города и объединения жителей городских и сельских населенных пунктов путем

усиления преимуществ низкоурбанизированной культурной среды.

Представленные результаты социологического исследования свидетельствуют об успешной социальной интеграции населения, проживающего на территории Прохоровского, Ракитянского и Яковлевского районов Белгородской области. Критериями социальной интеграции населения выступают: традиционная аграрная культура; принадлежность к определенной социальной общности; принятие человека другими людьми; разделяемые убеждения; общие ценности, общие интересы и общие проблемы, решение которых способствует объединению граждан; образ жизни; степень удовлетворенности имеющихся потребностей у проживающих в городских и населенных пунктах; удовлетворенность «привлекательностью» территории проживания; оценка деятельности представителей органов местной власти; информированность населения о социально значимых мероприятиях, проводимых в населенном пункте, об имеющихся правах и льготах.

Результаты анализа нормативно-правовых документов, а также данные социологического исследования, проведенного нами в городских и сельских населенных пунктах Белгородской области, позволили нам разработать адресные рекомендации, направленные на повышение степени социальной интеграции населения в условиях низкоурбанизированной культурной среды.

1. Структурам субъектов Российской Федерации, отвечающим за экономическое развитие и стратегическое планирование развития территории: осуществлять ежегодную грантовую поддержку индивидуальных предпринимателей и некоммерческих организаций, в миссию которых входят пункты, связанные с развитием культуры местного населения; развивать социально и культурно ориентированный бизнес, нацеленный на изготовление продуктов и оказание услуг, образцами которых являются местные традиции; развивать социальную инфраструктуру в сельской местности.

2. Структурам субъектов Российской Федерации, в компетенцию которых входит решение вопросов кадровой политики: развивать межрегиональное и международное сотрудничество, направленное на укрепление культурных связей и привлечения интереса к территории региона.

3. Структурам субъектов Российской Федерации, курирующим вопросы образования: усилить практико- и культурно-ориентированный компоненты подготовки кадров, отвечающих экономическим, социальным, культурным особенностям развития территории и нацеленных на обеспечение социальной интеграции населения.

6. Местным органам власти: обеспечить условия для социальной интеграции местных жителей путем сохранения традиционных ценностей и предупреждения их интервенции; расширить групповые формы деятельности населения, основанные на интересах и потребностях жителей местного сообщества.

Для создания условий для интеграции населения, проживающего в городских и сельских населённых пунктах Белгородской области, ясного определения приоритетов при осуществлении социальной политики, формулирования консолидированного мнения муниципального сообщества по важнейшим вопросам жизни региона необходимо привлечение жителей сельской и городской местности к решению возникающих проблем.

References.

1. Beschorner T. Perspektiven einer kulturwissenschaftlichen Theorie der Unternehmung – zur Heranführung / T. Beschorner, D. Fischer, R. Pfriem, G. Ulrich. Forschungsgruppe Unternehmen und gesellschaftliche Organisation (FUGO) (Hrsg.): Perspektiven einer kulturwissenschaftlichen Theorie der Unternehmung. Marburg: Metropolis, 2004. S. 43.

2. Weber M. Economy and Society. V. 2. ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley. Los Angeles. London, 1978. 1400 p.

3. Lockwood, D. Social Integration and System Integration / D. Lockwood. Explorations in Social Change / eds. George K. Zollschan and Walter Hirsch. L.: Routledge, 1964. P. 244–257.
4. Redfield R. The Folk Society. American Journal of Sociology. 1947, January, Volume 52. P. 294.
5. Sorokin P.A., Zimmerman C.C. Principles of Rural-Urban Sociology. N.Y.: Henry Holt and Company, 1929. С. 56-57.
6. Symonds, J. Alliances, Partnerships and Integration. 2016. URL: chromeextension://ilhapdfjlmhfdgdbefpinebijmhjijpn/http://www.un.org/en/ecosoc/docs/pdfs/an_integrated_approach_to_rural_development.pdf.

Список литературы.

1. Бесчёрнер Т. Перспективы социологической теории предприятия - для введения / Т. Бесшорнер, Д. Фишер, Р. Пфрим, Г. Ульрих. Исследовательская группа Enterprise and Social Organization (FUGO) (Hrsg.): Перспективы социологической теории предприятия. Марбург: Метрополис, 2004. С. 43.
2. Вебер М. Экономика и общество. V. 2. ед. Г. Рот, К. Виттич. Беркли. Лос-Анджелес. Лондон, 1978. С. 1400.
3. Локвуд, Д. Социальная интеграция и системная интеграция / Д. Локвуд. Исследования в социальных изменениях / редакция. Джордж К. Золшхан и Уолтер Хирш. L. : Routledge, 1964. С. 244-257.
4. Редфилд Р. Народное общество. Американский журнал социологии. 1947, январь, том 52. С. 294.
5. Сорокин П.А., Циммерман С.С. Принципы сельской-городской социологии. N.Y. : Henry Holt and Company, 1929. С. 56-57.
6. Саймондс, Дж. Альянсы, Партнерства и интеграция. 2016. URL: chromeextension://ilhapdfjlmhfdgdbefpinebijmhjijpn/http://www.un.org/en/ecosoc/docs/pdfs/an_integrated_approach_to_rural_development.pdf.

Сотрудничество и партисипация в управлении сообществами

Cooperation and partition in community management

*Арпентьева М.Р.,
Калужский государственный
педагогический университет
им. К.Э. Циолковского, Калуга
mariam-rav@yandex.ru*

*Arpentieva M.R.,
Tsiolkovskiy Kaluga
State University, Kaluga
mariam-rav@yandex.ru*

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема реализации прав и обязанностей человека в контексте проблем управления такими сложными системами, как сообщества. Цель исследования: анализ моделей партисипации граждан в управлении сообществами. Метод исследования: теоретический анализ подходов к организации партисипации граждан в управлении сообществами. Показано, что интерсубъективный подход к разрешению проблемных ситуаций направлен преимущественно на внешний консенсус, субъективный подход – на консенсус внутренний. Однако, ни тот, ни другой, невозможны друг без друга и друг друга предполагают, акцентируя разные аспекты единой реальности: субъективный подход дополняет подход интерсубъективный. Показано, что при решении проблем акторы реализуют не только свои права, но и обязанности: аргументированный дискурс есть дискурс ответственный.*

***Ключевые слова:** интерсубъективное управление, субъективное управление, консенсус, права, обязанности, деятельные группы.*

***Abstract.** The article discusses the problem of the rights and duties of man in the context of the management of such complex systems as communities. The purpose of the study: the analysis of models of citizens' participation in community management. A method of research: a theoretical analysis of approaches to the organization of citizenship participation in community management. Discusses the main aspects of the community management, proposed in the context of subjective and intersubjective models. Intersubjective approach (model) to the resolution of problem situations is based on external consensus, a subjective approach (model) based on internal consensus. The author show that in the model of intersubjective management (evergetics) management intends to solve problems of heterogeneous actors. The author emphasizes that when solving problems, the actors realize not*

only their rights but also responsibilities: reasoned discourse is the discourse responsible.

Key words: *intersubjective management, subjective management, consensus, rights, duties, community of practice.*

В рамках модели интерсубъективного управления [1], выступающей основной частью науки об интерсубъективном управлении эвергетики [2 – 4], человек рассматривается в его повседневной жизни как актер, мотивированный к урегулированию проблемных ситуаций в процессе взаимодействия с другими актерами (достижению конкретного результата, эффективности), а также к гармонизации отношений в сообществе (достижению продуктивного результата) и к самореализации – самоосуществлению (достижению нужного результата) в процессе принятия решения, работе в рамках ситуативных ассоциаций, возникающих для решения тех или иных проблем. В ходе изучения и осмысления проблемной ситуации акторы осуществляют согласование своих целей и ценностей как сотрудников и/или оппонентов, а также приходят к собственным позициям и важности собственных вкладов в принятие решения (своих свобод и обязательств, прав и обязанностей по отношению к себе и обществу). Общность реализует вклады в развитие отдельных своих членов, и, таким образом, в развитие самой себя.

Цель исследования: анализ моделей партисипации граждан в управлении сообществами.

Метод исследования: теоретический анализ подходов к организации партисипации граждан в управлении сообществами.

В модели субъективного управления, выступающей частью исследований в области самоуправления человека, человек рассматривается как субъект, мотивированный к гармоничным отношениям с собой и миром, то есть эффективности и самоэффективности, продуктивности и самопродуктивности, а также к воздействию на окружающий мир в процессе решения актуальных для него и окружавшего мира проблем (достижению

нужного ему и выбранному им для жизни сообществу) [5]. В процессе ходе изучения и осмысления проблемной ситуации человек реализует свои права и свободы, наряду с обязанностями и нуждами, выступающими в качестве внутренне осмысленного долженствования, регулирующего процессы согласования своих целей и ценностей с целями и ценностями других людей как сотрудников и/или оппонентов. Человек реализует собственный вклад в развитие общности и, таким образом, в развитие самого себя.

При этом очень важна ориентация акторов как индивидуальных субъектов, действующих и живущим вместе с другими субъектами, как акторов – членов «деятельных сообществ» – ситуативных ассоциаций:

1. на принятие альтернативных точек зрения, учет мнения всех субъектов, вовлеченных в диалог по поводу решения проблемы;
2. на достижение общих целей – на разрешение проблемы;
3. на достижение/сохранение гармонии акторов друг с другом и с самими собой, обеспечиваемой ориентацией каждого из акторов на глубокое и разносторонне понимание своих собственных нужд, возможностей и ограничений, а также возможностей и ограничений, нужд окружающего мира – мира людей, вместе с которыми каждый человек как самоуправляющийся субъект и как актер – член ассоциации принимает решение в данной ситуации.

На уровне государства мы видим, что современный мир – мир «глобализованной культуры», это мир, живущий и вне нравственности, и вне превозносимого на словах закона (права), в нем права и обязанности людей выступают в основном как фикции, поскольку исходно не обладают нефиктивным, нравственным содержанием, но созданы для того, чтобы полностью отсечь общество от управления страной, человека – от управления организацией и т.д.. Государство как общность / группа действует как управляющий, «бюрократический монолит», не заинтересованный во вмешательстве граждан в процессы и результаты управления. Отчуждённость, арефлексивность, репрессивность государства

транслируется и ретранслируется в общественных отношениях, эскалация конфликта между системами завершается разрушением систем [10; 11].

Теперь обратимся к процессам на уровне отдельных людей и групп людей (сообщества). Происходит тотальное отчуждение людей от государства, общества и самих себя. Ответственность уходит не только из повседневных отношений, но и из потребностей: как отмечалось, отсутствие необходимости трудиться, искать, любить, приводит человека в состояние усталости [8], грозящей взрывом неизрасходованной, подавляемой и постоянно отнимаемой симулякрами жизни жизненной силы. Самоотчуждение и отчуждение провоцируют ксенофобию, в том числе мигрантофобию (страх «нашествия мигрантов»), страх перемены мест и страх оставаться на одном месте. Возникают отношения социального каннибализма, градация людей на «слабые» и «сильные звенья». Человек-обыватель, мещанин, – база массовых националистических, фашистских движений, обслуживающих интересы компрадорского государства [9].

И государство, и общество, отказываются от своих обязанностей по отношению к себе и друг другу. Государство лишает многих обязанностей общество, заменяя обязанности тотальным подчинением с помощью запугивания и иных репрессивных акций. Однако, вместе с этим, государство отказывается и от собственных обязанностей и, далее, полностью теряет легитимность. Общество, лишенное обязанностей государством и переложившее обязанности на государство, внутренне, таким образом, сливается с ним, его идеологией, пониманием происходящего, формами взаимодействия, усваивает репрессии и, в итоге. Уничтожает государство и само себя. Личность имеет возможность выбирать, однако, и ее выбор ограничен: возможностями и ограничениями, предоставляемыми государством и сообществом. Выход за эти границы, существование в транскультурном пространстве и времени, требует усилий и означает создание новых, по своей сути альтернативных систем управления и самоуправления: более гармоничных, целостных, гибких. В этом – суть

подхода субъективного: целостное, гибкое и гармоничное «выигрывает», трансформирует дисгармоничное, фрагментарное и ригидное. На это нужно только время и пространство.

Рассмотрим основные направления поиска путей решения проблемы управления во взаимодействии индивидов и групп.

В российской науке одно из решений предложено в работах С.Л. Франка и идее всеединства, развиваемой в том числе в эвергетике и иных постнеклассических моделях управления, например, модели «глубинной демократии». Современная постнеклассическая модель управления опирается на фундаментальное единство человека и культуры, в том числе первичность «Мы», всеединство человечества. Эвергетическая и другие модели и теории управления опираются на представление о том, что человеческая общность и человек не противопоставлены, но, напротив, едины. Если же рассматривать их со стороны вопроса о первичности и вторичности, то человек неразрывно связан с культурой, с общностью. Общность «конституирует» человека как человека, человек образует общности, социум. Культура, которую человек создает, им же и создается, и воссоздается. Поэтому в управлении сообществами, государствами, организациями и людьми, человека – самим собой, существуют и взаимно дополняют друг друга модус «индивидуальный», предполагающий существование стоящего «над» обществом менеджера, руководителя, лидера; а также модус «коллективный», предполагающий прямое участие людей в решении касающихся их вопросов. Глубинная демократия – это взгляд, который сосредотачивается на осознании как общепринятых, так и маргинальных, как «сильных», так и «слабых» позиций, пониманий, моделей – интересов – голосов. Данный тип отношений может быть обращен на группы, организации, личный внутренний опыт, конфликтующих людей и т.д. Серьезное отношение к, на первый взгляд, неважным событиям или чувствам часто может привести к неожиданному разрешению групповых или внутренних конфликтов. В отличие от «классической» демократии, которая

сосредотачивается на имитации «власти большинства», с веденной к власти управляющего бюрократического монолита, глубинная демократия предлагает считать все варианты поведения, понимания и все ценности важными [19; 20; 21; 22]. Глубинная демократия также предполагает, что информация – знания и умения, которые содержатся в этих вариантах поведения, понимания и ценностях, нужны в своей полноте для того что бы целостно понять процесс, протекающий в системе: консенсус невозможен без диссенсуса. Значение этой информации становится понятным, когда различные структуры и точки зрения вступают в отношения друг с другом. Глубинная демократия это процесс построения и развития реальных, включенных, нравственных отношений, а не схема статичных состояний или набор правил: «Глубинная демократия – это наше ощущение того, что мир существует, чтобы помочь нам обрести свою полноту, и что мы здесь для того, чтобы помочь миру обрести целостность» [19]. Государству и иным бюрократическим монолитам часто весьма сложно поддерживать проявления протеста и неподчинения, так как идеологическая и структурная – бюрократическая инерция не позволяет ему быть открытым для изменений извне, а также и изнутри. Подавление даже мирного протеста во имя «порядка» как сохранения власти приводит к репрессиям, а неконтролируемый, в том числе вооружённый, направленный на свержение власти, протест приводит к анархии. Поэтому, если говорить о гармонизации управления в системах цефаличных, задача заключается в достижении баланса: защитить право свободы слова и собраний, одновременно поддерживая порядок и предотвращая попытки запугивания и насилия. Данный баланс в цефаличных структурах почти невозможно поддерживать. В целом это определяются приверженностью властей идеалам демократии и правам общества личности, а не только правам государства, а также пониманием своих и общества обязанностей, а так же от поддержки этих идей большинством населения и от добровольного регулирования (управления) форм выражения своего протеста со стороны несогласных,

угнетаемых групп. Глубинная демократия реализует концепцию принятия разнообразия и диалога между разными точками зрения. Одна из ключевых фигур в ней – модератор / медиатор или фасилитатор, который принимает и не принимает, любит и отстраняется, заботится и игнорирует, ведомый неподдельным стремлением достичь консенсуса. Он использует свои внутренние реакции для более полной поддержки своих интервенций, высказываний, осмыслений, поэтому огромное значение имеет человеческое развитие, внутренний психологический и духовный рост, и внутреннее спокойствие фасилитатора. Основой глубинной демократии является принцип мировой работы (world work). Этот термин предложен А. Минделлом и М. Шупбахом. Мировая работа является инновационной системой организации, развития и управления общественной жизнью в любых структурах, подразумевающих коллективное участие и совместный труд людей (от нескольких человек до миллионов людей). Важный феномен в этой теории – феномен бессознательной, необъяснимой с точки зрения формальной логики, синхронии и единства (действий, понимания действительности и духовных устремлений) членов одного социума или «процессуальный ум». Условием процветающего существования является не противостояние сторон — большинства и меньшинства (как в классической демократии), а справедливый и равный учет мнения каждого члена общества: любой член сообщества может рассчитывать на то, что его голос будет не только услышан, но и учтен независимо от того, идет ли он вразрез с позицией большинства или наоборот — вторит ей. «То, кем мы являемся во всей сложной полноте, определяет то, как мы управляем ... «программы лидерства» зачастую терпят неудачи потому, что они пытаются выпускать готовых «лидеров», а не глубоко осознающих себя людей следование своей, глубинной сути усиливают потенциал. Однако, эта глубина, существующая в людях и в группах, не является явной. Это траектория, которая следует скрытым организующим принципам» – пишет М. Шупбах [21]. Он говорит о том, что целью глубинной демократии является раскрытие естественных

решений и использование их во всех областях. Она обращена к «эволюционному лидерству»: не устраняющему, а принимающему «преграды» как часть пути. «Глобализация», которая необходима миру, «вторая глобализация» – это формирование большой семьи, члены которой учатся гордиться своими знаниями и умениями, ценностями, убеждениями и традициями, умениями и знаниями управлять конфликтами, развивать коммуникативные, перцептивный и интерактивный навыки, которые позволят повысить сотрудничество внутри и между группами. Эта концепция также расширяет понимание социального несогласия и согласия, а также раскрывает некоторые проблемы прямого и структурного насилия. С насилием как подавлением нужд связан основной конфликт отношений, основные причина и цель конфликта. Разрешение как прекращение подавления приводит к тому, что разнородные желания перестают переживаться и осознаваться как разнородные, достигается консенсус – внутренне целостное, универсальное постижение сути происходящего вне и внутри человека.

В теории всеединства основной проблемой стала проблема отношения человека и культуры. В работах А. Адлера, опиравшегося на исследования в области фикционализма Г. Файхингера, эта проблема рассматривается и в контексте отношений власти и насилия, в контексте деформаций развития личности и группы, и контексте решения проблемы истинных и фиктивных жизненных ориентаций. В работах И. Канта было сформулировано и позднее развито Г. Файхингером представление о том, что принципы (культурные универсалии) культуры как условия человеческого существования обладают своим особым существованием: люди руководствуются ими так, как будто (als ob) эти принципы имеют объективное основание («укоренены в реальности»), хотя научного доказательства их объективности нет [25], как нет и полного понимания, в результате чего возникает необходимость упрощения до фикций, как это и описано Г. Файхингером [26] или симулякров, как это описано у Ж Бодрийяра и других постмодернистов [8].

Культурные универсалии помогают человеку «нести груз нравственной жизни» [27]. Однако, культурные ценности – не простые утилиты, подчеркивал Г. Файхингер, которыми нужно пользоваться или при необходимости заменять, но – основы бытия человека. Однако, эти универсалии все же подвергаются пересмотру и в моменты попыток опасного для жизни человека и общества отказа от нее культура поддерживает себя «материально-весомыми», в том числе насильственными, средствами, без которых нет никакой реальной власти. Однако, тогда для человек и общества, государства и т.д. культура предстает как то, что приходится терпеть, чтобы выжить, как совокупность условий, при которых противоположные воли и направляющие их желания не уничтожают друг друга во взаимных столкновениях, а находят компромисс. Однако, если взять «естественную волю», она, как и «естественное право», упирается в нужды человека и общества, обращение к которым способно «снимать», преодолевать конфликты подчас простым выяснением сути происходящего, соотнесения стратегический и преобразовательно направленных действий людей. В это смысле развитие и существование культуры зависит от того, насколько приспособление к меняющимся условиям успешно. При неуспехе культурные принципы перестают быть основами общественной жизни, ориентирами поступков, их ценность падает (десакрализация). Тогда ее власть над людьми становится условной, разрыв индивидуального и социального , увеличивается. Так происходит, например, потому, что культурные универсалии вырождаются в свои противоположности [28; 29]. Однако, это согласие с гибелью и соучастие гибели культуры – наказуемо и пресекается быстро: «вслед за универсалиями в небытие отправляется и человек, оставляя взамен ...только свою природную массу» [30]. Человек без ценностей, человек, приспособивший ценности к «своей самодовольной малости», – всего лишь бутафория посткультуры: «человек вне культуры – фикция человека, культура, отчужденная от человека, подавляющая или принижающая его, провоцирующая на бунт – фикция культуры. Но ни

человеку, ни культуре нельзя быть фикциями, это – их небытие», -пишет В. Порус [31].

Необходимо бытийное единство человека и культуры. Эта проблема – центральна для религиозной философии России, в том числе С. Л. Франка, развивавшего идею всеединства, охватывающая и отношение «человек-культура». С.Л. Франк полагал что всеединство человечества, преодолевающее индивидуализацию как распад человека и бытия, не может быть достигнуто усилиями духовных лидеров, наставников, то есть усилиями одного человека. Однако, он и не разделял эсхатологизма, представлений о неминуемой смерти общества и человека как результата неразрешённого противоречия свободы и принадлежности, не рассматривал вопросы свободы и всеединства (прав и обязанностей) как противоречия у Н. А. Бердяева. С.Л. Франк стремился вывести принципы культуры из внутренних оснований бытия. Он отвергал упрощенный фикционализм, так же как утилитаризм и аскетизм: «Утилитаризм ни во что не ставит отвлеченные, даже полагаемые абсолютными, ценности, предпочитая им практическую пользу; его антипод – аскетизм – выпячивает мораль как единственную опору культуры, провозглашая анафему земным стремлениям и нуждам. «Оба не достигают высшего единства трансцендентного с эмпирическим и его не допускают» [32]. Конечно, отказ от культуры и Бога имеет в жизни человека и группы основания. В мире постмодерна отказ от Бога – результат «эпистемологического разочарования» (идея Бога выглядит слишком иррациональной на фоне культы научных знаний и методов), «нравственного разочарования» (страх перед божьей карой не удерживает людей от греха, но служит орудием обмана верующих) и «утилитарного разочарования» (идея Бога не дает комфорта и благополучия, но вносит неоправданное беспокойство о том, бытие не гарантировано, в том числе культурными ценностями) [33]. Однако, все эти разочарования снимаются: жизнь возвращает человека к истинным ценностям, восстанавливает понимание себя и мира, исправляет поведение и поступки. Из мира ущербного,

превозносящего или преуменьшающего себя «Я» человек выходит в мир «МЫ».

В современной науке и практике в рамках данных идей предложено несколько технологий и подходов, предполагающих с содержательной стороны ряд компонентов:

- восстановление утраченных / разрушенных связей между людьми, людьми и культурой, за счет обогащения человеческой жизни нравственными ценностями, ценностями культуры, возвращение к предписаниям и запретам общечеловеческой культуры и национальных культур, то есть процесс ресакрализации,

- нравственное развитие / совершенствование человека и сообщества как вклад в развитие культуры, сообщества, человечества, обогащение культуры за счет процессов индивидами и самореализации ее членов;

- трансформация содержания и формы отношений в сообществе: движение к ацефаличным сообществам, живущим по нравственным законам; восстановление национальных, родовых и семейных отношений на основе современных и традиционных представлений о важности нравственной основы человеческой жизни.

Список литературы.

1. Vittikh, V.A. Introduction to the theory of intersubjective management. Group Decision and Negotiation. 2015. Is.1, Vol. 24. P. 67-95.
2. Виттих, В.А. Проблемы эвергетики. Проблемы управления. 2014. № 4. С. 69 71.
3. Vittikh, V.A. Evolution of ideas on management processes in the society: from cybernetics to evergetics. Group Decision and Negotiation. 2015. Is.5, Vol. 24. P. 825 – 832.
4. Vittikh, V.A. Evergetics: science of intersubjective management processes in everyday life. Int. J. Management Concepts and Philosophy. 2016. Is.2, Vol. 9. P. 63-72.

5. Адлер, А. Понять природу человека. СПб: Академ. проект, 1997. 254с.
6. Hartnett, T. Consensus-Oriented Decision Making. Gabriola Island, BC, Canada: New Society Publishers. 2011. 340 p.
7. Арпентьева, М.Р., Моисеева, Т.В. Переговоры как интересубъективная технология. Онтология проектирования. 2017. №1. С.102-114.
8. Бодрийяр, Ж. Усталость. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. С. 230-234.
9. Сафронов, А. Компраторская буржуазия и проблема «экономической отсталости». Свободная мысль. 2009. № 12 (1607). С. 77-92.
10. Шкаратан, О.И. Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в мировом и национальном контекстах. Мир России: Социология, этнология. 2011. Т. 20. № 4. С. 68-88.
11. Ладягин, Ю.С. Русский административный восторг. Проблемы теории и практики управления. 2005. №3. С.8-15.
12. Mindell, A. The leader as martial artist: An introduction to deep democracy. San Francisco: Harper, Deep Democracy Exchange, 2014. 196p.
13. Mindell, A. Processmind: A user's guide to connecting with the mind of god . San Francisco: Quest Books 2010. 304 p.
14. Schupbach, M. Worldwork: Ein Multidimensionales Change Management Modell. Organisations Entwicklung. 2007. №4 . P. 56-64.
15. Schupbach, E. The Gold at the End of the Rainbow. Cincinnati, Cincinnati. Union Institute, 2004. 120p.
16. Гальтунг, Дж., и Икеда, Д. Выбирайте мир: диалог между Й. Гальтунгом и Д. Икеда. Sterling, VA: Pluto Press, 1995. 220с.
17. Тойнби Ар., Икеда Д. Избери жизнь. Диалог Ар. Тойнби и Д. Икеды. М.: МГУ, 2008. 200с.
18. Кант, И. Сочинения. В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 571-572.

19. Vaihinger, H. Wie die Philosophie des Als-Ob entstand // Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. 1921. Bd. 2. S. 177-178.
20. Тевзадзе, Г. Иммануил Кант. Проблемы теоретической философии. Тбилиси: Мецниерба, 1979. С. 316.
21. Хоркхаймер, М., Адорно, Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб.: "Медиум" "Ювента", 1997. 271с.
22. Адорно, Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с. С. 327.
23. Межуев, В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408с. С. 273.
24. Порус, В.Н. Онтология культуры С. Л. Франка. Семен Людвигович Франк / Под ред. В. Н. Поруса. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 589 с. С. 373-416.

Reference.

1. Vittikh, V.A. Introduction to the theory of intersubjective management. Group Decision and Negotiation. 2015. Is.1, Vol. 24. P. 67-95.
2. Vittih, V.A. Problemy jevergetiki. Problemy upravlenija. 2014. № 4. С. 69 71.
3. Vittikh, V.A. Evolution of ideas on management processes in the society: from cybernetics to evergetics. Group Decision and Negotiation. 2015. Is.5, Vol. 24. P. 825 – 832.
4. Vittikh, V.A. Evergetics: science of intersubjective management processes in everyday life. Int. J. Management Concepts and Philosophy. 2016. Is.2, Vol. 9. R. 63-72.
5. Adler, A. Ponjat' prirodu cheloveka. SPb: Akadem. proekt, 1997. 254s.
6. Hartnett, T. Consensus-Oriented Decision Making. Gabriola Island, BC, Canada: New Society Publishers. 2011. 340 r.

7. Arpent'eva, M.R., Moiseeva, T.V. Peregovory kak intersub#ektivnaja tehnologija. Ontologija proektirovanija. 2017. №1. S.102-114.
8. Bodrijar, Zh. Ustalost'. Bodrijar Zh. Obshestvo potreblenija. Ego mify i struktury. M.: Kul'turnaja revoljucija; Respublika, 2006. S. 230-234.
9. Safronov, A. Kompradorskaja burzhuazija i problema «jekonomicheskoj otstalosti». Svobodnaja mysl'. 2009. № 12 (1607). S. 77-92.
10. Shkaratan, O.I. Rossijskaja «psevdojelita» i ee identifikacija v mirovom i nacional'nom kontekstah. Mir Rossii: Sociologija, jetnologija. 2011. T. 20. № 4. S. 68-88.
11. Ladjagin, Ju.S. Russkij administrativnyj vostorg. Problemy teorii i praktiki upravljenja. 2005. №3. S.8-15.
12. Mindell, A. The leader as martial artist: An introduction to deep democracy. San Francisco: Harper, Deep Democracy Exchange, 2014. 196p.
13. Mindell, A. Processmind: A user's guide to connecting with the mind of god . San Francisco: Quest Books 2010. 304 p.
14. Schupbach, M. Worldwork: Ein Multidimensionales Change Management Modell. Organisations Entwicklung. 2007. №4 . R. 56-64.
15. Schupbach, E. The Gold at the End of the Rainbow. Cincinnati, Cincinnati. Union Institute, 2004. 120r.
16. Gal'tung, Dzh., i Ikeda, D. Vybirajte mir: dialog mezhdou J. Gal'tungom i D. Ikeda. Sterling, VA: Pluto Press, 1995. 220s.
17. Tojnbi Ar., Ikeda D. Izberi zhizn'. Dialog Ar. Tojnbi i D. Ikedy. M.: MGU, 2008. 200s.
18. Kant, I. Sochinenija. V 6 t. M.: Mysl', 1964. T. 3. S. 571-572.
19. Vaihinger, H. Wie die Philosophie des Als-Ob entstand // Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. 1921. Bd. 2. S. 177-178.
20. Tevzadze, G. Immanuel Kant. Problemy teoreticheskoj filosofii. Tbilisi: Mecnierba, 1979. S. 316.
21. Horkhajmer, M., Adorno, T. Dialektika Prosveshhenija. Filosofskie fragmenty. M.-SPb.: "Medium" "Juventa", 1997. 271s.

22. Adorno, T. Negativnaja dialektika. M.: Nauchnyj mir, 2003. 374 s. S. 327.
23. Mezhuev, V.M. Ideja kul'tury. Oчерki po filosofii kul'tury. M.: Progress-Tradicija, 2006. 408s. S. 273.
24. Porus, V.N. Ontologija kul'tury S. L. Franka. Semen Ljudvigovich Frank / Pod red. V. N. Porusa. M. : Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2012. 589 s. S. 373-416.

К вопросу о роли национального наследия в формировании местного самоуправления

On the role of national heritage in the formation of local self-government

Иванов О.Б.,
исполнительный директор
Совета муниципальных образований
Московской области,
заслуженный юрист Московской области

Ivanov O.B.,
Executive Director
Council of Municipalities
Moscow region,
Honored Lawyer of the Moscow Region

***Аннотация.** В статье описывается и анализируются местное самоуправление на всех этапах его становления, начиная с временных периодов древнейших цивилизаций Египта, Шумера, Вавилона, заканчивая современной Россией. Местное самоуправление в тех смыслах, которые вкладываются в это понятие в странах Европы, в России де-факто отсутствует. Словосочетание «местная власть» как продолжение бюрократии федерального и регионального уровней большинству населения представляется более понятным, близким и операциональным, чем «местное самоуправление». Гражданская активность является производной от гражданского общества, а само гражданское общество не является механической суммой местных сообществ. Поэтому, местное самоуправления нельзя рассматривать изолировано от других составных элементов институциональной структуры общества.*

***Ключевые слова:** местное самоуправление, национальное наследие, местная власть, гражданское общество, демократия.*

***Abstract.** The article describes and analyzes local self-government at all stages of its formation, beginning with the time periods of the most ancient civilizations of Egypt, Sumer, Babylon, ending with modern Russia. Local self-government in the sense that invested in this concept in European countries, in Russia de facto is absent. The phrase "local government" as a continuation of the bureaucracy of federal and regional levels to the majority of the population seems more understandable, close and operational than "local government". Civil activity is a derivative of civil society, and civil society itself is not a mechanical sum of local communities. Therefore, local self-government can not be considered isolated from other constituent elements of the institutional structure of society.*

Key words: local self-government, national heritage, local government, civil society, democracy.

Местное самоуправление как воплощение территориальной демократии должно быть людям особенно близко. Близко не пространственно (в пресловутой «шаговой доступности» до здания местной администрации), а по необходимости решения тех многочисленных вопросов повседневного бытия, которые в соответствии с принципом субсидиарности могли бы быть наиболее успешно решены лишь на конкретной территории. Очевидно, что местное самоуправление – самая древняя форма организации общественной жизни, пережившая периоды взлетов и упадка, представавшая в самых причудливых обличьях (от монастырских общин и городов-республик до новейших моделей самоорганизации граждан). Если отдельные великие умы скептически относились к самой идее государства и предрекали, что оно в перспективе просто отомрет, о «права на жизнь» местного самоуправления никто и никогда не оспаривал.

Исследователи отмечают, что принцип самоуправления является одним из наиболее древних и универсальных среди тех, что применяются в управлении социумом, так как отвечает потребностям человеческого общества, начиная с ранних стадий его развития. Упоминания об общинном самоуправлении встречаются уже в текстах древнейших цивилизаций Египта, Шумера, Вавилона, а в более поздний период – цивилизаций майя, инков, Ближнего Востока, Китая, Греции и Рима. Так, в Римской Империи

термином «*municipium*» обозначали города, имеющие привилегию самоуправления (население само избирало должностных лиц, а не управлялось чиновниками, назначаемыми из Рима). В дальнейшем слово «муниципия» вошло в европейское право для определения низшей территориальной единицы, а затем и местной власти [1].

Как неоднократно отмечалось в научной литературе, становление местного самоуправления в средневековой Европе явилось реакцией со стороны населения на абсолютизацию монархической власти. Городские корпорации принимали на себя решение тех бытовых проблем, от которых центральная власть самоустранялась. Монарх же использовал структуры самоуправления как эффективный и практически бесплатный институт сбора налогов и податей в казну и был, таким образом, не заинтересован в каком-либо поправлении местного самоуправления в правах.

Будучи институтом в первую очередь общественным, местное самоуправление в Европе складывалось веками [2]. С точки зрения правового регулирования этого института, он складывался «снизу». К моменту создания норм права, определяющих статус и условия функционирования местного самоуправления, соответствующие правоотношения были развиты в достаточной мере. Причем в процессе правового регулирования местного самоуправления акцент делался не на утверждение местного самоуправления, как института, формально отделенного от системы органов государственной власти, а на общие процессы децентрализации системы территориального управления на основе принципа субсидиарности. Скорее всего, именно по этой причине ни в Европейской хартии местного самоуправления, ни в конституциях и «целевых» законах многих государств положения относительно такой формальной отделенности местного самоуправления от органов государственной власти сегодня не присутствуют. Хотя, безусловно, основополагающий для европейской правовой культуры принцип автономии местного самоуправления в системе публичной власти широко используется.

Позже в Европе сформировались и философские подходы к осмыслению социальной (гражданской) активности личности, например, в трудах таких философов, как А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн [3]. Именно они обосновывали целесообразность обязательного участия граждан в жизнедеятельности социума и государства и рассматривали гражданскую активность как «естественную обязанность». Теоретическое обоснование местного самоуправления как политического института впервые было сформулировано в рамках классической либеральной теории и введено в научный оборот И. Бентамом.

Россия, как и другие страны с богатой историей, имеет значительный опыт управления государственными делами «на местах». Однако общественные отношения, связанные с управлением в местных сообществах развивались по отличным от европейских сценариям. Итогом такого развития стало то, что местное самоуправление в тех смыслах, которые вкладываются в это понятие в странах Европы, в России де-факто отсутствует. Его зарождение и развитие не было востребовано историческими процессами, которые переживали Российская империя – РСФСР и продолжает переживать Российская Федерация. Эти процессы привели к тому, что население страны традиционно поддерживает единую вертикаль власти и воспринимает существующие институты местного самоуправления преимущественно как составную часть государственной власти.

Одной из первых форм территориального самоуправления Древней Руси были соседские общины-верви. Вервь объединяла несколько семей одного племени, входя в состав волости. Волость тяготела к определенному стольному городу. Главным способом самоуправления в названных территориальных общинах была вечевая демократия, которая выросла из племенных собраний.

В средневековой Руси примером самоуправления могут служить земские избы, которые существовали в городах и волостях. В их ведении находился сбор налогов, хозяйственные и судебные дела. Земская изба

состояла из земского старосты, земского дьяка и целовальников, избравшихся из зажиточных посадских людей и государственных (черносошных) крестьян. В выборах участвовало все тяглое (то есть платившее налоги) население, посадские люди, крестьяне [4].

В XVIII веке Екатериной II проводилось укрепление городского самоуправления, в 1785 году была подписана Грамота на права и выгоды городов Российской империи.

В эпоху Александра II, в 1864 году, были утверждены Положение о губернских и уездных земских учреждениях, а в 1870 году – Городовое положение. Данная реформа была направлена на укрепление самостоятельности местных сообществ, их органов, соединение различных групп населения, сословий в решении общих дел и задач по месту жительства. Земское самоуправление рассматривалось как обособленное от государства публичное управление, лишь опекаемое и контролируемое в известных пределах государственными органами. Зарождающееся буржуазное общество было не в состоянии нормально функционировать без допуска новых сословий к управлению. Местный капитализм требовал новой модели организации местной власти, инициирующей участие населения в хозяйственной жизни, в решении насущных местных задач. В самом обществе возникла потребность в самоорганизации. Однако в тот момент все-таки главной задачей проводимых реформ была не демократизация и создание основ для гражданского общества, а выживание и стабилизация общегосударственной системы управления в новых условиях. Этим объяснялся во многом компромиссный характер всех реформ, в котором элементы традиционного уклада ощутимо преобладали над модернизацией [5].

Неудивительно, что все эти попытки сформировать в России местное самоуправление не имели успеха. Так, уже при Александре III основополагающие документы о земстве были существенно изменены (период контрреформ), причем эти изменения были сведены к усилению

государственного контроля над земствами, закреплению их правового положения в качестве особого звена государственных учреждений.

В начале XX века самоуправленческие институты в Российской Империи были развиты крайне слабо, причем развитие это было весьма неоднородно и существенно различалось в разных регионах. Более того, по своей организационно-правовой природе эти институты были ближе к понятию «государственное управление на местах», чем к понятию «местное самоуправление». Именно в этот период в России формируются черты государственной теории местного самоуправления.

На протяжении большей части XX века местное самоуправление на территории бывшей РСФСР существовало лишь номинально. Этот период был отмечен строгой централизацией власти со стороны партийной номенклатуры, в результате чего органы власти на местах находились в полной зависимости от региональных центров.

На современном этапе развития государственности общественное сознание россиян не разделяет власть на федеральную, региональную и местное самоуправление, хотя такое деление и содержится в законодательстве. Такой подход очевидно устраивает большинство населения, не противоречит их пониманию функционирования властных институтов. Следовательно, именно он применительно к общественно-правовой реальности, является оптимальным. Такая культура отношения к публичной власти является одной из ключевых общественно-политических ценностей российской цивилизации.

Вопреки этому после распада Советского Союза в Конституции России были закреплены положения, копирующие европейские нормы о местном самоуправлении.

Так, в соответствии со статьей 3 Конституции России многонациональный народ страны как носитель суверенитета и единственный источник власти осуществляет власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного

самоуправления. Статья 12 Конституции России провозглашает, что в стране признается и гарантируется местное самоуправление, самостоятельное в пределах своих полномочий. В этой же статье сформулировано важное правило о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Указанные положения являются ключевыми, поскольку составляют основы конституционного строя России [6]. Это правильные сами по себе, вполне европейские формулировки. Однако можно утверждать, что российский исторический опыт в них никак не отразился.

За четверть века практики реализации этих норм формальное объявление о появлении новых правоотношений так и осталось формальностью [7]. Де-факто наше местное самоуправление есть неотъемлемая часть системы исполнения преимущественно государственных обязательств, принятых на федеральном уровне и представляющих совокупность таких гарантируемых государством гражданам прав, свобод, льгот и услуг, воспользоваться которыми можно только по месту жительства, то есть на муниципальном уровне. Практически муниципальная власть делает исключительно то, что ей прямо предписано в виде конкретных обязанностей в государственных нормативных правовых актах.

Неудивительно, что словосочетание «местная власть» как продолжение бюрократии федерального и регионального уровней большинству населения представляется более понятным, близким и операциональным, чем «местное самоуправление». По закону право гражданина на участие в управлении жизнью территории крайне редко осуществляется «непосредственно», и почти всегда – через выборные и иные органы, которые, собственно, и воспринимаются сегодня как местная власть. В современной России сформировано не местное самоуправление как единство права власти населения и организационных форм ее осуществления в пределах конкретных населенных пунктов, а именно местная власть в виде структуры

органов власти, слабо связанных с ее источником – волей местного населения.

Это и логично: настоящее народовластие в форме местного самоуправления – вещь исторически вызреваемая, требующая высокого уровня индивидуально-гражданского самосознания и вообще, более деликатная и сложная, чем местная власть. Местное самоуправление нельзя одномоментно создать усилием политической воли, как нельзя, например, простой фиксацией конституционного определения государства как демократического института создать демократию, как нельзя, лишь узаконив институт частной собственности, сразу же получить эффективного собственника. Местное самоуправление в демократически-гражданском смысле должно вырасти из чувства индивидуальной ответственности и местной солидарности, а это – процесс не быстрый. Создать же местную власть можно и быстро, и эффективно; это – наиболее простая ипостась местного самоуправления, которая в современной России практически единолично решает вопросы местного значения [8].

С другой стороны, поскольку значительная часть населения воспринимает местное самоуправление почти исключительно как местную власть, не удивительно, что на него переносятся все негативные представления о власти как об институте, обособленном от населения, часто действующим в своих корыстных интересах, далеких от интересов жителей [9].

В то же время для среднего россиянина, по сути, безразлично, какой именно орган – муниципальный или государственный – обеспечивает развитие конкретных направлений местного хозяйства, образования, здравоохранения и т.п., и отвечает за него. Главное – своевременное и качественное обеспечение основных жизненных потребностей и интересов населения, связанных с местом проживания.

Если проследить историю развития местного самоуправления в современной России, то можно выделить три этапа [10].

Первый этап – с 1993 по 2003 годы. В стране образовались два типа муниципалитетов: «сильные» – своего рода «удельные княжества», в которых глава имел практически неограниченную власть, и «слабые», которые находились в полной зависимости от органов государственной власти. Оба типа были значительной степени удалены от местного сообщества и не воспринимались как формы самоуправления. Более того, представители наиболее крупных и успешных муниципальных образований составляли значительную политическую силу, конкурировавшую и, зачастую, открыто враждовавшую с органами государственной власти регионального уровня [11].

Сложившаяся ситуация объективно привела к необходимости реформы местного самоуправления, которая началась принятием в октябре 2003 года нового закона о местном самоуправлении. Эту дату можно считать началом второго этапа. Названный закон впервые четко сформулировал и наполнил конкретным содержанием такое понятие как «вопросы местного значения», разделил сферы ответственности публичной власти. С другой стороны, он был излишне революционен. Так, в России был «с нуля» создан поселенческий уровень местного самоуправления, в сотни раз выросло количество муниципальных образований, что привело к необходимости кардинально перестраивать системы коммуникации как между муниципалитетами, так и между ними и государственной властью. При этом огромное количество нерешенных проблем вопросов (например, отсутствие квалифицированных кадров, надлежащего финансирования и т.п.) поставили под угрозу реализацию реформы [12].

В 2014 году в законодательство о местном самоуправлении были внесены изменения, согласно которым региональная власть получила возможность своими законами перераспределять полномочия по решению вопросов местного значения между субъектом Российской Федерации и органами местного самоуправления, и, таким образом, влиять на состав компетенции и объем финансирования муниципалитетов [13]. С этого

момента начинается третий этап развития местного самоуправления в современной России. Был сделан шаг в правильном направлении, так как именно регионы знают возможности муниципальных образований и могут оценить объем полномочий, которые им под силу выполнять. Органы местного самоуправления не могут эффективно развиваться без поддержки со стороны органов государственной власти. Местные бюджеты получают субсидии и субвенции из региональных бюджетов и отчисления от федеральных и региональных налогов, органы местного самоуправления осуществляют отдельные государственные полномочия, главы муниципальных образований принимают участие в заседаниях региональных правительств и т.д. [14]. Все это накладывается и на такую национальную особенность, как традиционно низкая гражданская активность населения в решении вопросов местного значения. В свою очередь это приводит к парадоксальной ситуации: действующее законодательство о местном самоуправлении в России достаточно развито, однако совершенно не востребовано местным сообществом. Наиболее ярко это демонстрирует тот факт, что при наличии существенного количества законодательно закрепленных механизмов осуществления местного самоуправления, местное сообщество относительно активно пользуется только двумя: участием в выборах и своим правом на обращение в органы местного самоуправления.

Парадоксальность российской ситуации состоит в том, что, с одной стороны, все наиболее значимые положения Европейской хартии местного самоуправления закреплены в национальной Конституции, в федеральных и региональных законах и, с другой – в том, что реализация ни одного из них не приводит к достижению декларированных Хартией результатов [15]. Более того, по общему мнению, отношение государственной власти и населения к существующим институтам местного самоуправления становится все более безразличным. При этом прослеживается тенденция устойчивого интереса к органам местного самоуправления как к властной структуре, способной предоставлять ряд административных услуг

(разрешения, справки и т.п.) и ослабевающего интереса к самой возможности самоорганизации для решения общих дел.

При анализе сюжета «население и местное самоуправление» нельзя пройти мимо вопроса о готовности населения включиться в работу соответствующих органов. Каждодневный опыт подтверждает, что население России в массе своей критически относится к любой власти и склонно преувеличивать возможности высших эшелонов власти (последние периодически демонстрируют способность решения тех «проклятых вопросов», которые не могут или не умеют решать «снизу»). При этом отношение к представительным и исполнительным органам весьма различно: беспорный интерес вызывают глава местной администрации и назначенные им чиновники, и почти полное равнодушие проявляется к всеобще, равно и тайно избранным. По имеющимся данным, уже через месяц после выборов в средних и крупных городах России менее 1% опрошенных способны правильно назвать депутатов в представительных органах местного самоуправления. В свое время Президент России В.В. Путин, критикуя сложившуюся систему местного самоуправления, привел данные опроса Фонда общественного мнения, проходившего в мае 2014 года: 79% жителей городов с населением более одного миллиона человек вообще не знают депутатов, которые представляют их избирательный округ в представительном органе муниципального образования. В городах с населением от 250 тысяч человек до миллиона аналогичный показатель составляет 76%, с населением от 100 тысяч до 250 тысяч – 73% [16].

Помимо исторических различий, существует значительная разница в менталитете западноевропейской и восточной цивилизаций. Так, Запад традиционно стремится к децентрализации и неограниченной свободе, Восток – напротив, к дисциплине и консервативным традициям. Исторический опыт наглядно демонстрирует, что государственное устройство России, ее государственные институты имеют собственный путь развития. Можно обратить внимание, например, на труды Л.Н. Гумилева,

создателя евразийской теории, который существеннее всех именно в научном плане продвинулся в доказательстве того, что Россия – это не Европа, но и не Азия. Его самобытные научные изыскания, как представляется, недооценены.

Территория России занимает шестую часть суши при очень низкой плотности населения вне городских агломераций. Огромное и разнородное пространство страны отличается относительно слабыми коммуникационными связями, характеризуется локализацией политических интересов. Местные сообщества довольно компактны, но разбросаны в огромном количестве по обширной территории. Эти особенности нельзя не учитывать и не принимать во внимание при планировании развития местного самоуправления. Здесь вспоминаются рассуждения некоторых экономистов о том, что современная Россия представляет собой все более дифференцирующееся пространство, федерацию не регионов, а крупных городов.

При оценке ситуации в рамках современных российских локальных сообществ первое, что бросается в глаза, - это очевидное несоответствие между огромным числом институциональных структур, формально действующих от имени и в интересах местного населения, и их сравнительно небольшим общественным активом, а также скромным уровнем социального одобрения и поддержки. Принято считать, что в любом демократически организованном обществе, чем ближе публичная власть к гражданам, тем больше степень их непосредственного участия в соответствующих политических процессах и процедурах, тем теснее, доверительнее взаимоотношения между обществом и властью. В России, как показывают исследования, ситуация в последние годы была и остается иной. Наша страна в этом плане напоминает перевернутую пирамиду – каждое нижестоящее управленческое звено уступает вышестоящему в степени поддержки гражданами [17].

Другой традиционной (а отнюдь не только современной) особенностью России является повышенный интерес центральной власти к контролю над

политическим пространством. Он обусловлен стремлением сохранить единство и территориальную целостность государства, части которого слабо связаны друг с другом по горизонтали. Отсюда явное преобладание вертикальных отношений «центр – периферия», над горизонтальными «от региона к региону, от местного сообщества к местному сообществу». В этих условиях трудно представить ситуацию, когда государство будет следовать идеалам общественной теории местного самоуправления и де-факто признает политическое отделение местного самоуправления от государственной власти [18].

Соотношение целого и его составных частей с точки зрения свободы–несвободы частей по отношению к целому описывается так называемым «законом сохранения структурного разнообразия» [19]. Согласно данному закону реальный рост разнообразия на верхнем уровне структурной иерархии всегда оплачивается ограничением разнообразия на нижних уровнях, и, наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне оборачивается разрушением элементов высших уровней. При исчерпании источников развития некоторой целостной системы импульс к развитию может быть получен в результате предоставления большей степени свободы ее составным частям, но чрезмерная суверенизация частей во взаимоотношении с целым грозит разрушением целого. Политика централизации, проводимая в границах меры, максимизирует удовлетворение общих интересов, но за границами меры она начинает служить интересам политической элиты, бюрократии. Политика децентрализации – это стремление удовлетворить специфические интересы различных групп. Но переход границы меры ведет к усилению стихийного, центробежного процесса, при котором наилучшим образом чувствуют себя предприимчивые группы, в том числе криминальные [20].

Очевидно, что в каждой стране путь развития местного самоуправления должен соответствовать историческим, территориальным и иным особенностям ее развития, менталитету ее населения. Идеальный вариант для России - максимально возможное взаимодействие местного

самоуправления с государственной властью, не разделение этих уровней, а их симбиоз, взаимное дополнение и сочетание исходя из общегосударственных интересов [21]. Крайне неверным представляется акцентировать все внимание исключительно на ограничении самостоятельности местного самоуправления, при этом выводя за скобки общий контекст наличия свободы предпринимательства, развитых рыночных механизмов, сильного гражданского общества. Очевидно, что эффективность использования международного опыта в России (как и в любом другом государстве) зависит от того, насколько этот опыт удастся правильно понять.

В условиях объективного существования в современной России существенного спектра зависимостей системы местного самоуправления от государственной системы, даже в вопросах местного значения, движение в направлении достижения самостоятельности местного самоуправления может обернуться движением в никуда. В связи с этим использование термина «автономия» для определения степени независимости системы местного самоуправления от системы государственной власти является, в моем понимании, предпочтительным в сравнении с использованием термина «самостоятельность». При этом нужно постоянно помнить о том, что как автономия, так и самостоятельность, применительно к местному самоуправлению, - это методы движения к определенным целям, а не сама цель. Очевидно, что основной целью внедрения систем самоуправления в механизм управления государством является достижение оптимальной схемы разрешения вопросов местного значения. В соответствии с таким подходом государство следует рассматривать как субъект, который создает систему местного самоуправления, передает ей для реализации часть публично-властных функций и создает механизмы опосредованного контроля за функционированием системы, работающей в режиме самоуправления.

Можно спорить о формах и методах соответствующего контроля за системой местного самоуправления, но это, в моем понимании, второстепенные моменты. Основным в работе данной управленческой схемы

является то, что государство может решать свои вопросы непосредственно через государственные органы либо опосредованно – через органы местного самоуправления. При этом, несомненно, что при передаче системе местного самоуправления публично-властных полномочий государство обязано обеспечить контроль за траекторией движения созданной системы и в случае необходимости предпринимать определенные корректирующие действия [22].

В современной России существует несколько причин отказа граждан от участия в самоуправлении. Во-первых, это социальная причина, состоящая в том, что муниципальные интересы не превалируют в шкале ценностей многих категорий граждан, происходит отчуждение граждан от муниципальной власти. Во-вторых, это социально-экономическая причина, состоящая в том, что реальная власть института местного самоуправления сведена к уравнительному распределению государственных ресурсов. В-третьих, это политико-правовая причина, связанная с дефицитом реальных властных полномочий у органов местного самоуправления и их должностных лиц. И, наконец, четвертая – комплексная – причина, состоит в несовершенстве имеющихся технологий участия граждан в местном самоуправлении, в несовершенстве институтов непосредственной демократии, отсутствии условий, необходимых для их практического применения, чрезмерной сложности предлагаемых механизмов.

Таким образом, трудно не согласиться с тем, что преобразование (а фактически – создание) в России института полноценного местного самоуправления, начатое почти двадцать пять лет назад, нуждается в развитии в первую очередь своего основного источника и ресурса – гражданской активности. При этом необходимо понимать, что гражданская активность является производной от гражданского общества, а само гражданское общество не является механической суммой местных сообществ. Размежевание с политической властью и органами местного самоуправления происходит постепенно, по мере становления гражданской

культуры, взаимодействующей с политической [23]. В Послании Федеральному собранию в 2013 году Президент России В.В. Путин особо отметил: «... Мы должны поддержать гражданскую активность на местах, в муниципалитетах, чтобы у людей была реальная возможность принимать участие в управлении своим поселком или городом, в решении повседневных вопросов, которые на самом деле определяют качество жизни...» [24].

Да, конечно, за прошедшие годы вполне можно говорить о все более растущей открытости и прозрачности деятельности органов местного самоуправления. Жители могут обращаться, быть услышанными и являются свидетелями непростых и горячих споров при столкновении позиций на дебатах, посвященных обсуждению местных бюджетов. Однако самого важного – появления чувства хозяина своего города, поселка у местных жителей пока еще не произошло. Сам механизм взаимодействия граждан и органов муниципального управления, стиль взаимодействия сохраняет следы ушедшей эпохи. Предполагалось, что граждане могут оказывать влияние на принятие важных решений по развитию территорий, формированию и освоению бюджетных средств, коммерциализации инновационных проектов владения муниципальным имуществом, повышению экологического статуса, качеству услуг, тарифов и другим вопросам. Именно инициативы граждан являются, согласно идее местного самоуправления, важнейшим ресурсом рационального хозяйствования на местном уровне. Однако на современном этапе прецедентов созидательных инициатив граждан, их включения в планы развития территорий практически нет. Отсутствуют причем как сами идеи, так и механизмы их внедрения – то есть то, что и является, по сути, социальным потенциалом гражданского участия: возможность отклонять решения или внедрять инициативы. Граждане в нынешней системе местного самоуправления не чувствуют себя партнерами, а практики гражданского участия являются редкими и носят ситуативный характер [25].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о неготовности России к функционированию местного самоуправления в заявленном в Конституции

страны виде. При этом неправильно вести речь о полной отмене местного самоуправления, как самостоятельного общественно-властного института. Дискуссия необходима применительно к тому, в каких конкретно организационно-правовых формах этот институт должен взаимодействовать с органами государственной власти различного уровня, с иными институтами гражданского общества. И в этой связи перспективной и подлежащей широкому обсуждению мне представляется идея включения местных органов исполнительно-распорядительной власти (местных администраций) в единую систему органов государственной власти, но, при этом, сохранение независимых и формируемых на выборных основах местных представительных органов, наделенных собственной компетенцией, существенными бюджетными правами и контрольными полномочиями.

Социально-экономические модели, претендующие на всеобщий характер, которые сегодня предлагаются в качестве универсальных, на деле не могут нормально функционировать и не в состоянии обеспечить стабильное общественное развитие без учета национальной специфики. Применительно к местному самоуправлению это выражается, например, в общепризнанном существовании оси «север – юг»: скандинавские страны отличаются высокой степенью автономии местного самоуправления, в то время как страны Южной Европы – относительно низкой степенью. Социально-политическое разнообразие, подобное тому, которое существует в природе, должно восприниматься нами как нормальное явление, которое следует всемерно поддерживать. Безусловно, существуют общие закономерности социального, экономического и политического развития наций и государств, однако то, как именно эти закономерности воплощаются и формулируются в каждом конкретном случае, зависит от ценностей, жизненных темпов, исторического опыта и цивилизационного выбора конкретного общества [26].

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее: состояние саморегуляции, в том числе политической, - не факт действительности, а,

скорее, идеальная цель. Следовательно, правовые формулы, так или иначе связанные с понятием «местного самоуправления», должны рассматриваться с учетом этого обстоятельства и исключительно через призму национальных особенностей.

Очевидно, что местное самоуправление – это часть целостной системы общественных отношений; институт, функционирующий в рамках, пускай несовершенной, но взаимосвязанной, в своих составных частях, структуры общества. Поэтому местное самоуправления нельзя рассматривать изолировано от других составных элементов институциональной структуры общества [27].

При этом следует помнить о том, что процесс познания объективной реальности, в том числе и муниципально–правовой, является непрерывным. Точный ответ на вопрос о том, насколько верны идеалы автономии местного самоуправления, конечно, даст только время. Однако, поскольку любой процесс управляем, а одним из критериев истинности тех или иных идеалов является повторяемость результатов, можно сделать следующий вывод. На современном этапе истории развития местного самоуправления в России очевидна бесперспективность идеализации различных форм территориального или компетенционного дробления государственных публично-властных систем и неэффективность попыток формирования внутри них публичных образований, компетенционно самостоятельных в тех или иных сферах общественной жизни.

Список литературы.

1. Салов О.А. Местное самоуправление в истории общественно-политической мысли. Власть. 2007. №12. С. 93-97.

2. Олег Иванов: Западная модель местного самоуправления не работает в России. Официальный сайт «Агентства политических новостей» [электронный ресурс]. Дата доступа: 28.01.2017 года. URL: <http://www.apn.ru/publications/article33948.htm>.

3. Савицкая Ю.П., Пилипенко Л.М. Гражданская активность населения в реализации местного самоуправления. Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. С 1575.

4. Подробнее об этом см., например: Юдахина И.В. Становление местного самоуправления в России (исторический опыт и современные тенденции). Армия и общество. 2009. №4. С. 161-167.

5. Поляковская М.Н. Земское избирательное право в контексте русской модернизации. Вопросы управления. 2014. №5 (11). С. 215 – 220.

6. Конституция Российской Федерации. Официальный сайт Конституции Российской Федерации [электронный ресурс]. Дата обращения: 29.01.2017 года. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>.

7. Олег Иванов: Мы должны пересмотреть подход к местному самоуправлению. Официальный сайт деловой газеты «Взгляд» [электронный ресурс]. Дата доступа: 28.01.2017 года. URL: <http://vz.ru/opinions/2015/8/7/759719.html>.

8. Лексин В.Н. Местное самоуправление и местная власть в современной России. Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. №4. С. 6-27.

9. Возьмитель А.А., Куконков П.И. Социальные факторы становления системы местного самоуправления в России. Власть. 2014. №9. С. 88-93.

10. Олег Иванов: Не следует заниматься бездумным копированием западных правовых норм. Официальный сайт Всероссийской политической партии «Родина» [электронный ресурс]. Дата доступа 28.01.2017 года. URL: <http://www.rodina.ru/novosti/Oleg-Ivanov-Ne-sleduet-zanimatsya-bezdumnym-kopirovaniem-zapadnyx-pravovyx-norm>.

11. Подробнее об этом см., например: Упоров И.В. Развитие института местного самоуправления в новейшей России: основные тенденции и проблемы несбывшихся надежд. Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. №1. С. 163-168.

12. Подробнее об этом см., например: Гутникова Е.А. Исследование процесса реформирования местного самоуправления. Проблемы развития территории. 2009. №1. С. 52-61; Гутникова Е.А. Местное самоуправление: итоги пятилетнего реформирования. Проблемы развития территории. 2011. №3. С. 31-39.

13. Подробнее об этом см., например: Ворошилов Н.В. Институт местного самоуправления сегодня (по материалам опроса глав муниципальных образований Вологодской области). Проблемы развития территории. 2015. №1 (75). С. 49-62.

14. Олег Иванов: Органы местного самоуправления не могут работать автономно. Официальный сайт Федеральной экспертной площадки «Национальный эксперт» [электронный ресурс]. Дата доступа: 28.01.2017 года. URL: <http://nacexpert.ru/oleg-ivanov-organy-mestnogo-samoupravleniya-ne-mogut-rabotat-avtonomno/>.

15. Подробнее об этом см., например: Пилипенко С.Г. Официальная российская концепция местного самоуправления и содержание Европейской хартии местного самоуправления 1985 года. Вестник Мордовского государственного университета. 2009. №4. С. 25 – 28.

16. Барбарова Н.Г. Проблема реализации положения Европейской хартии местного самоуправления и законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении в субъектах Российской Федерации (на примере Ленинградской области). Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №117.

17. Стенограмма заседания Совета при президента РФ по развитию местного самоуправления от 26 мая 2014 года. Официальный сайт президента России [электронный ресурс]. Дата доступа: 28.01.2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/21097>.

18. Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм. Мониторинг общественного мнения. 2014. №4 (122). С. 60-71.

19. Дугарова А.А. Местное самоуправление в политической системе общества. Вестник Бурятского государственного университета. 2012. №2. С. 97-101.

20. Подробнее об этом см., например: Васильев М.А. Объективные начала местной демократии и местного самоуправления. Полития. 2003/2004. №4 (31). С. 73-90.

21. Шишкин С.И., Лаврик М.А. К десятилетию ратификации Европейской хартии местного самоуправления. Сибирский юридический вестник. 2008. №4. С. 30-40.

22. Подробнее об этом см., например: Россия может выйти из Европейской хартии местного самоуправления. Официальный сайт информационно-аналитического агентства «Деловые новости» [электронный ресурс]. Дата доступа: 28.01.2017 года. URL: <http://delonovosti.ru/editor/3229-rossiya-mozhet-vyyti-iz-evropeyskoj-hartii-mestnogo-samoupravleniya.html>.

23. Соловьев С.Г. Спорные вопросы системы идеалов современного местного самоуправления. Юридическая наука. 2015. №2. С. 36-43.

24. Токмашева Ю.В. Управленческие и самодеятельные начала во взаимодействии муниципальной власти с местными сообществами. Мир науки, культуры, образования. 2015. №1 (50). С. 231-235.

25. Послание Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года. Официальный сайт президента России [электронный ресурс]. Дата доступа: 28.01.2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>.

26. Подробнее об этом см., например: Ключникова Т.Н. Социальная активность граждан как источник преобразований в местном самоуправлении. Современные исследования социальных проблем. 2015. №2 (46). С. 155-170.

27. Халий И.И. Стратегическое планирование по инициативе общественности. История и современность. 2007. №1. С.109-122.

Reference.

1. Salov O.A. Mestnoe samoupravlenie v istorii obshhestvenno-politicheskoy mysli. Vlast'. 2007. №12. S. 93-97.

2. Oleg Ivanov: Zapadnaja model' mestnogo samoupravlenija ne rabotaet v Rossii. Oficial'nyj sajt «Agentstva politicheskikh novostej» [jelektronnyj resurs]. Data dostupa: 28.01.2017 goda. URL: <http://www.apn.ru/publications/article33948.htm>.

3. Savickaja Ju.P., Pilipenko L.M. Grazhdanskaja aktivnost' naselenija v realizacii mestnogo samoupravlenijaju. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. №6. S 1575.

4. Podrobnее ob jetom sm., naprimer: Judahina I.V. Stanovlenie mestnogo samoupravlenija v Rossii (istoricheskij opyt i sovremennye tendencii). Armija i obshhestvo. 2009. №4. S. 161-167.

5. Poljakovskaja M.N. Zemskoe izbiratel'noe pravo v kontekste russkoj modernizacii. Voprosy upravlenija. 2014. №5 (11). S. 215 – 220.

6. Konstitucija Rossijskoj Federacii. Oficial'nyj sajt Konstitucii Rossijskoj Federacii [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija: 29.01.2017 goda. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>.

7. Oleg Ivanov: My dolzhny peresmotret' podhod k mestnomu samoupravleniju. Oficial'nyj sajt delovoj gazety «Vzgljad» [jelektronnyj resurs]. Data dostupa: 28.01.2017 goda. URL: <http://vz.ru/opinions/2015/8/7/759719.html>.

8. Leksin V.N. Mestnoe samoupravlenie i mestnaja vlast' v sovremennoj Rossii. Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2011. №4. S. 6-27.

9. Voz'mitel' A.A., Kukonkov P.I. Social'nye faktory stanovlenija sistemy mestnogo samoupravlenija v Rossii. Vlast'. 2014. №9. S. 88-93.

10. Oleg Ivanov: Ne sleduet zanimat'sja bezdumnym kopirovaniem zapadnyh pravovyh norm. Oficial'nyj sajt Vserossijskoj politicheskoy partii «Rodina» [jelektronnyj resurs]. Data dostupa 28.01.2017 goda. URL:

<http://www.rodina.ru/novosti/Oleg-Ivanov-Ne-sleduet-zanimatsya-bezdumnym-kopirovanjem-zapadnyx-pravovyx-norm>.

11. Podrobnее ob jetom sm., naprimer: Uporov I.V. Razvitie instituta mestnogo samoupravlenija v novejshej Rossii: osnovnye tendencii i problemy nesbyvshijsja nadezhd. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2015. №1. S. 163-168.

12. Podrobnее ob jetom sm., naprimer: Gutnikova E.A. Issledovanie processa reformirovanija mestnogo samoupravlenija. Problemy razvitija territorii. 2009. №1. S. 52-61; Gutnikova E.A. Mestnoe samoupravlenie: itogi pjatiletnego reformirovanija. Problemy razvitija territorii. 2011. №3. S. 31-39.

13. Podrobnее ob jetom sm., naprimer: Voroshilov N.V. Institut mestnogo samoupravlenija segodnja (po materialam oprosa glav municipal'nyh obrazovanij Vologodskoj oblasti). Problemy razvitija territorii. 2015. №1 (75). S. 49-62.

14. Oleg Ivanov: Organy mestnogo samoupravlenija ne mogut rabotat' avtonomno. Oficial'nyj sajt Federal'noj jekspertnoj ploshhadki «Nacional'nyj jekspert» [jelektronnyj resurs]. Data dostupa: 28.01.2017 goda. URL: <http://nacexpert.ru/oleg-ivanov-organy-mestnogo-samoupravleniya-ne-mogut-rabotat-avtonomno/>.

15. Podrobnее ob jetom sm., naprimer: Pilipenko S.G. Oficial'naja rossijskaja koncepcija mestnogo samoupravlenija i sodержanie Evropejskoj hartii mestnogo samoupravlenija 1985 goda. Vestnik Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. №4. S. 25 – 28.

16. Barbarova N.G. Problema realizacii polozhenija Evropejskoj hartii mestnogo samoupravlenija i zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o mestnom samoupravlenii v sub#ektah Rossijskoj Federacii (na primere Leningradskoj oblasti. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. №117.

17. Stenogramma zasedanija Soveta pri prezidenta RF po razvitiju mestnogo samoupravlenija ot 26 maja 2014 goda. Oficial'nyj sajt prezidenta Rossii

[jelektronnyj resurs]. Data dostupa: 28.01.2017 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/21097>.

18. Petuhov R.V. Lokal'nye soobshhestva i grazhdanskij aktivizm. Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2014. №4 (122). S. 60-71.

19. Dugarova A.A. Mestnoe samoupravlenie v politicheskoj sisteme obshhestva. Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. №2. S. 97-101.

20. Podrobnее ob jetom sm., naprimer: Vasil'ev M.A. Ob#ektivnye nachala mestnoj demokratii i mestnogo samoupravlenija. Politija. 2003/2004. №4 (31). S. 73-90.

21. Shishkin S.I., Lavrik M.A. K desjatiletiju ratifikacii Evropejskoj hartii mestnogo samoupravlenija. Sibirskij juridicheskij vestnik. 2008. №4. S. 30-40.

22. Podrobnее ob jetom sm., naprimer: Rossiya mozhet vyjti iz Evropejskoj hartii mestnogo samoupravlenija. Oficial'nyj sajt informacionno-analiticheskogo agentstva «Delovye novosti» [jelektronnyj resurs]. Data dostupa: 28.01.2017 goda. URL: <http://delonovosti.ru/editor/3229-rossiya-mozhet-vyyti-iz-evropeyskoj-hartii-mestnogo-samoupravleniya.html>.

23. Solov'ev S.G. Spornye voprosy sistemy idealov sovremennogo mestnogo samoupravlenija. Juridicheskaja nauka. 2015. №2. S. 36-43.

24. Tokmasheva Ju.V. Upravlencheskie i samodejatel'nye nachala vo vzaimodejstvii municipal'noj vlasti s mestnymi soobshhestvami. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2015. №1 (50). S. 231-235.

25. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju ot 12 dekabrja 2013 goda. Oficial'nyj sajt prezidenta Rossii [jelektronnyj resurs]. Data dostupa: 28.01.2017 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>.

26. Podrobnее ob jetom sm., naprimer: Kljuchnikova T.N. Social'naja aktivnost' grazhdan kak istochnik preobrazovanij v mestnom samoupravlenii. Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2015. №2 (46). S. 155-170.

27. Halij I.I. Strategicheskoe planirovanie po iniciative obshhestvennosti. Istorija i sovremennost'. 2007. №1. S.109-122.

**Патриотизм, региональная и местная идентичность (опыт
социологической диагностики)¹**

**Patriotism, regional and local identity (experience of sociological
diagnostics)**

Реутов Е.В.,

*Кандидат социологических наук,
доцент
(НИУ «БелГУ», Белгород)*

Reutov E.V.,

*Candidate of Sociological Sciences,
assistant professor
(Belgorod State University,
Belgorod)*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос национально-государственной идентичности. Встает вопрос об изучении патриотического воспитания молодежи в России. Необходимо выявление особенностей трактовки патриотизма в региональном сообществе (Белгородской области) и установление роли местной идентичности в формировании патриотических установок. Было проведено обширное социологическое исследование по вопросам патриотического воспитания населения и в целом патриотизма. Помимо патриотизма был затронут вопросы и причины, связанные с фактом рождения и жизни на Белгородчине, привлекательность Белгородской области.

Ключевые слова: патриотизм, региональная идентичность, местная идентичность, патриотическое воспитание, глокализация.

Annotation. The article deals with the issue of national-state identity. There is a question of studying the patriotic education of youth in Russia. It is necessary to identify the peculiarities of the interpretation of patriotism in the regional community (Belgorod region) and to establish the role of local identity in the formation of patriotic attitudes. An extensive sociological study was conducted on issues of patriotic education of the population and patriotism in general. In addition to patriotism, issues and reasons related to the fact of birth and life in Belgorod, the attractiveness of the Belgorod region were touched upon.

Keywords: patriotism, regional identity, local identity, patriotic education, glocalisation.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Отделения по гуманитарным и общественным наукам РФФИ. Грант "Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества" № 15-03-00378 (рук. – Е.В. Реутов).

Глобализационные процессы, являющиеся константой развития современного общества, оказывают противоречивое влияние на социальную самоидентификацию индивидов и групп. С одной стороны, национально-государственная идентичность размывается под воздействием добровольных и вынужденных миграций и усиления социоструктурной дифференциации. Преимущественно этот процесс заметен у элитарных и аутсайдерских групп. В результате актуализируются локальные и примордиальные идентичности (родовые, клановые, племенные, этнические), что особенно характерно для обществ и социальных групп, оказавшихся на периферии магистральных процессов современного мира. Такое наложение друг на друга процессов универсализации и партикуляризации получило в последних десятилетиях наименование «глокализации» [2]. С другой стороны, противоречия международной политики и возвращение риторики холодной войны заставляют национальные администрации искать способы консолидации социума, актуализируя реальные и мифологические основания национально-государственной идентичности. В действующей государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы» отмечается необходимость "систематической и целенаправленной деятельности органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [1].

Размывание патриотизма, низведение идентичности на «низовые» уровни социальности влечет, в свою очередь, утрату национально-государственными общностями возможности выступать в качестве субъектов социальных, в том числе, международных взаимодействий, дезинтеграцию и, в конечном итоге, угрожает их распадом и хаосом.

Запрос на идеологию и ценность патриотизма в настоящее время существует на разных уровнях российского социума. И целью данной статьи

является выявление особенностей трактовки патриотизма в региональном сообществе (Белгородской области) и установление роли местной идентичности в формировании патриотических установок. Эмпирической базой статьи являются результаты социологического опроса, проведенного в декабре 2016 г. ОАУ «Институт региональной кадровой политики» по региональной репрезентативной выборке (N=1200 человек).

При изучении такой значимой составляющей системы духовно-нравственных ориентиров как патриотизм, было выявлено, что, по крайней мере, по самооценке, для подавляющего большинства респондентов он имеет определенные ассоциации, относящиеся к нормативно-ценностной сфере. Всего лишь 2,1% опрошенных считают патриотизм "абстрактным моральным принципом", и 5,5% затруднились с его определением.

Для относительного большинства опрошенных патриотизм выражается в любви к своей «малой родине» - городу или селу. На втором месте находится трактовка патриотизма, связанная с гордостью за свою страну даже несмотря на критику со стороны (так считают 37,3% опрошенных). Важными составляющими патриотизма являются также вера в будущее своей страны (ее отметили 32,1% респондентов), готовность к защите интересов своей страны (26,8%) и знание истории и традиций своей страны, уважение к ним (26,5%) (таблица 1).

Таблица 1. Что для Вас патриотизм?, %. Ответы ранжированы

1	2
Любовь к своему городу, селу, "малой родине"	44,0
Гордость за свою страну, несмотря ни на какую критику со стороны	37,3
Вера в будущее своей страны	32,1
Готовность к защите интересов своей страны	26,8
Знание истории и традиций своей страны, уважение к ним	26,5
Любовь к своему народу	15,1
Признание себя неотъемлемой частью своей страны	12,4
Признание проблем и недостатков в своей стране и стремление к их устранению	9,3

1	2
Беспрекословное следование законам	3,4
Абстрактный моральный принцип	2,1
Затрудняюсь ответить	5,5

В целом же большинство респондентов (64,6%) согласились с актуальностью патриотизма в системе современных ценностей, с тем, что «патриотизм – это значимая ценность, объединяющая людей». При этом треть респондентов либо затруднилась с ответом, либо считает патриотизм пережитком. Доля позитивных оценок патриотизма немного увеличилась по сравнению с прошлогодним замером (таблица 2).

Таблица 2. Скажите пожалуйста, патриотизм в современных условиях - это действительно значимая ценность, объединяющая людей, или пережиток прошлого, анахронизм?, %

	2015	2016
Значимая ценность, объединяющая людей	64,6	72,0
Пережиток прошлого, анахронизм	7,2	4,7
Затрудняюсь ответить	28,2	23,3

Ценность патриотизма более значима для жителей городов и ПГТ (таблица 3).

Таблица 3. Скажите, пожалуйста, патриотизм в современных условиях - это действительно значимая ценность, объединяющая людей, или пережиток прошлого, анахронизм? / Где Вы проживаете?, %

	город, ПГТ	Село
Значимая ценность, объединяющая людей	77,5	61,6
Пережиток прошлого, анахронизм	5,9	8,9
Затрудняюсь ответить	28,5	29,5

Среди женщин ценность патриотизма заметно более выражена, чем среди мужчин (таблица 4).

Таблица 4. Скажите пожалуйста, патриотизм в современных условиях - это действительно значимая ценность, объединяющая людей, или пережиток прошлого, анахронизм? / Ваш пол?, %

	мужской	женский
Значимая ценность, объединяющая людей	65,7	78,5
Пережиток прошлого, анахронизм	8,2	2,2
Затрудняюсь ответить	28,7	19,3

Среди разных возрастных групп декларируемая ценность патриотизма различается не очень сильно, но в самой старшей когорте она несколько снижена - в том числе - за счет определенной дезориентации в данном вопросе - судя по большой доле затруднившихся с ответом (таблица 5).

Таблица 5. Скажите пожалуйста, патриотизм в современных условиях - это действительно значимая ценность, объединяющая людей, или пережиток прошлого, анахронизм? / Ваш возраст?, %

	18-29	30-39	40-59	60 и старше
Значимая ценность, объединяющая людей	71,1	73,2	76,2	65,3
Пережиток прошлого, анахронизм	4,9	3,3	6,0	4,1
Затрудняюсь ответить	24,0	23,5	17,9	30,6

Региональная и местная идентичность является важной составляющей патриотизма, привязанности к родному краю и, в определенной мере, одной из основ нормативно-ценностной стабильности. В значительной мере такая идентичность формируется как ментальная реакция на комплекс условий жизнедеятельности (от природных до институциональных), характерных для региона. Вопросы о привлекательных и непривлекательных чертах нашего региона позволили выделить те факторы, которые в наибольшей степени благоприятствуют или не благоприятствуют формированию региональной идентичности и местного патриотизма.

Среди основных положительных черт региона, как и в предыдущей волне мониторинга, респонденты выделили (таблица 74) в первую очередь:

- красивую природу, благоприятные климатические условия (65,1%);
- высокий уровень благоустройства (32,7%);
- наличие добрых, душевных людей (23,8%).

Заметных изменений в иерархии привлекательных черт региона по сравнению с прошлогодним замером не произошло (таблица 6).

Таблица 6. Какие привлекательные черты нашего региона Вы можете выделить?, %.
Ответы ранжированы

	2015	2017
Красивая природа, благоприятные климатические условия	69,7	65,1
Высокий уровень благоустройства	31,4	32,7
Добрые, душевные люди	22,7	23,8
Высокий экономический потенциал региона	*	19,1
Эффективная, грамотная власть	*	14,2
Наличие возможностей для инициативных людей	16,0	13,8
Забота о людях	13,7	13,1
Высокий уровень жизни	10,3	7,8
Высокий уровень культуры населения	*	7,4
Другое	2,2	2,1

* - данный вариант не предлагался

Наиболее привлекательной характеристикой региона, таким образом, оказалась черта, не связанная с эффективностью управления. И, напротив, высокий уровень жизни оказался в числе периферийных позитивных характеристик региона. То же самое характерно для такой составляющей комфортной социальной среды, как забота о людях. Аналогичные позиции занимает «эффективная, грамотная власть».

Понятно, что в значительной мере такие низкие значения отмеченных факторов привлекательности региона связаны с достаточно высокими запросами его жителей. Тем не менее, эти ответы отражают наличие большого объема претензий к региональной и местной власти. Характерно также и то, что доброта и душевность живущих в области людей подавляющим большинством опрошенных не признается в качестве

привлекательной черты. Низко оценивается и наличие возможностей для инициативных людей. Но это, скорее всего, обусловлено невысоким запросом населения на поддержку данного качества.

Городские жители чаще значительно чаще отмечают такие позитивные характеристики региона, как высокий экономический потенциал региона и несколько чаще - эффективную, грамотную власть и наличие возможностей для инициативных людей. В свою очередь, жители села, чаще, чем горожане, выделяют доброту и душевность людей, проживающих в области (таблица 7).

Таблица 7. Какие привлекательные черты нашего региона Вы можете выделить? / Где Вы проживаете?, %

	город, ПГТ	Село
Красивая природа, благоприятные климатические условия	64,9	65,9
Высокий уровень благоустройства	33,8	30,8
Добрые, душевные люди	19,7	31,5
Высокий экономический потенциал региона	24,6	9,0
Эффективная, грамотная власть	16,7	9,7
Наличие возможностей для инициативных людей	16,6	8,7
Забота о людях	11,0	16,9
Высокий уровень жизни	7,0	9,4
Высокий уровень культуры населения	7,4	7,5
Другое	3,0	0,5

Разница между «мужскими» и «женскими» ответами незначительна. Для выделения позитивных характеристик региона определенное значение имеет возраст. Так, высокий уровень благоустройства чаще отмечают респонденты 30-39 лет, и реже - 40-59 лет. Высокий экономический потенциал региона наиболее заметен 40-59-летним и меньше всего - респондентам 18-29 лет. На эффективную, грамотную власть чаще всего указывают респонденты 60 лет и старше и реже - самые молодые (таблица 8).

Таблица 8. Какие привлекательные черты нашего региона Вы можете выделить? / Ваш возраст?, %

	18-29	30-39	40-59	60 и старше
Красивая природа, благоприятные климатические условия	66,1	62,9	65,0	66,5
Высокий уровень благоустройства	31,0	41,5	28,5	31,6
Добрые, душевные люди	20,4	23,2	24,1	27,1
Высокий экономический потенциал региона	10,2	21,0	24,6	17,3
Эффективная, грамотная власть	7,3	15,1	15,6	17,7
Наличие возможностей для инициативных людей	11,2	16,9	12,4	14,3
Забота о людях	11,4	9,2	17,9	11,3
Высокий уровень жизни	5,7	7,0	9,9	7,5
Высокий уровень культуры населения	11,0	7,0	6,2	6,4
Другое	2,4	2,9	1,7	1,5

Определяя непривлекательные черты региона, опрошенные отметили, прежде всего:

- низкий уровень жизни (32,8%);
- безразличие к людям (30,6%);
- не приветливость проживающих в области людей (20,1%);
- отсутствие возможностей для инициативных людей (19,2%);
- низкий уровень культуры населения (17,3%);
- низкий уровень благоустройства (14,1%);
- непрофессиональная, корыстная власть (14,0%).

По сравнению с прошлогодним замером несколько уменьшилась доля отмечающих в качестве непривлекательных черт региона низкий уровень жизни населения и отсутствие возможностей для инициативных людей (таблица 9).

Данная иерархия в значительной мере является перевернутым вариантом предыдущей. К наиболее непривлекательным чертам региона

отнесены характеристики, оппозиции которых получили наименьшее количество голосов в предыдущем случае.

Таблица 9. Какие непривлекательные черты нашего региона Вы можете выделить?, %.
 Ответы ранжированы

	2015	2016
Низкий уровень жизни	41,1	32,8
Безразличие к людям	32,6	30,6
Неприветливые люди	25,1	20,1
Отсутствие возможностей для инициативных людей	27,1	19,2
Низкий уровень культуры населения	*	17,3
Низкий уровень благоустройства	16,0	14,1
Непрофессиональная, корыстная власть	*	14,0
Низкий экономический потенциал региона	*	10,8
Скромная природа, слишком суровый климат	7,3	4,1
Другое	3,7	7,7

* - данный вариант не предлагался

Городское население несколько чаще, чем жители села, отмечает в качестве непривлекательных черт региона неприветливость проживающих в нем людей. Сельские жители гораздо сильнее городских акцентируют внимание на таких характеристиках, как низкий уровень жизни (таблица 10).

Таблица 10. Какие непривлекательные черты нашего региона Вы можете выделить? / Где Вы проживаете?, %

	город, ПГТ	Село
Низкий уровень жизни	24,9	46,0
Безразличие к людям	31,4	29,2
Неприветливые люди	23,7	14,1
Отсутствие возможностей для инициативных людей	19,1	19,5
Низкий уровень культуры населения	19,5	13,6
Низкий уровень благоустройства	13,0	16,1
Непрофессиональная, корыстная власть	14,6	13,1
Низкий экономический потенциал региона	10,6	11,2
Скромная природа, слишком суровый климат	4,7	3,2
Другое	12,1	0,5

Ответы мужчин и женщин отличаются несущественно за исключением того, что женщины чаще отмечают низкий уровень культуры населения региона. По возрастным группам разница в ответах также незначительна. Так, респонденты двух старших когорт в качестве непривлекательных черт региона несколько чаще отмечают низкий уровень жизни и низкий уровень культуры населения.

Относительное большинство респондентов (43,4%) радо, что живет в Белгородской области. Еще 34,8% в целом довольны, хотя многое их и не устраивает. 9,0% опрошенных не испытывают никаких чувств по поводу проживания в Белгородской области, а 4,0% не нравится здесь жить, но они привыкли и не собираются никуда уезжать. Количество тех, кто хотел бы уехать в другой регион России или вообще уехать из страны, незначительно – 2,4% и 1,5% соответственно (таблица 11).

Таблица 11. Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?, %

	2015	2016
Я рад, что живу здесь	39,1	43,4
В целом я доволен, но многое не устраивает	37,2	34,8
Не испытываю особых чувств по этому поводу	10,4	9,0
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	4,2	4,0
Хотел бы уехать в другой регион России	3,0	2,4
Хотел бы вообще уехать из России	2,8	1,5
Затрудняюсь ответить	3,3	4,9

Жители городов и ПГТ чуть более позитивно настроены по отношению к проживанию в Белгородской области - сказывается, по-видимому, более высокий уровень жизни (таблица 12).

Таблица 12. Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону? / Где Вы проживаете?, %

	город, ПГТ	Село
Я рад, что живу здесь	45,8	38,9
В целом я доволен, но многое не устраивает	34,1	36,2
Не испытываю особых чувств по этому поводу	8,9	9,2
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	2,7	6,5
Хотел бы уехать в другой регион России	2,5	2,2
Хотел бы вообще уехать из России	1,7	1,2
Затрудняюсь ответить	4,4	5,8

Женщины настроены чуть более позитивно по отношению к проживанию в Белгородской области, нежели мужчины (таблица 13).

Таблица 13. Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону? / Ваш пол?, %

	мужской	Женский
Я рад, что живу здесь	36,6	50,4
В целом я доволен, но многое не устраивает	38,1	31,5
Не испытываю особых чувств по этому поводу	10,5	7,4
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	4,4	3,6
Хотел бы уехать в другой регион России	2,6	2,1
Хотел бы вообще уехать из России	1,6	1,4
Затрудняюсь ответить	6,1	3,6

Среди молодежи, по сравнению с другими возрастными группами, чуть больше тех, кто хотел бы уехать в другой регион или из страны – 4,1% и 3,7%, соответственно. Но эта разница находится в пределах статистической погрешности. Чуть менее благожелательное отношение к проживанию в Белгородской области - у респондентов 40-59 лет. Они чаще остальных отмечают недостатки проживания в регионе (таблица 14).

Таблица 14. Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону? / Ваш возраст?, %

	18-29	30-39	40-59	60 и старше
Я рад, что живу здесь	44,3	44,5	39,7	47,0
В целом я доволен, но многое не устраивает	26,4	39,3	40,4	29,5
Не испытываю особых чувств по этому поводу	9,8	7,4	9,4	9,3
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	2,0	2,9	5,0	5,6
Хотел бы уехать в другой регион России	4,1	1,1	1,7	3,0
Хотел бы вообще уехать из России	3,7	1,5	1,0	0,4
Затрудняюсь ответить	9,8	3,3	2,7	5,2

Результаты опроса показали наличие достаточно сильной локальной социальной идентичности у населения региона. 74,4% опрошенных в той или иной мере ощущают духовную близость, общность с людьми, проживающими с ними в одном городе, поселке городского типа, сельском поселении. Хотя ярко выражено это ощущение лишь у 28,1% респондентов. Отсутствует локальная идентичность у 15,1% респондентов (таблица 15).

Таблица 15. Есть ли у Вас ощущение духовной близости, общности с людьми, которые живут с Вами в одном населенном пункте (городе, поселке городского типа, сельском поселении)?, %

Да	28,1
Скорее да, чем нет	44,3
Скорее нет, чем да	10,6
Нет	4,5
Затрудняюсь ответить	12,5

Поселенческие различия в уровне локальной социальной идентичности малозначительны. Женщины немного чаще отмечают духовную близость с людьми, живущими в их городе, селе, поселке (таблица 16).

Таблица 16. Есть ли у Вас ощущение духовной близости, общности с людьми, которые живут с Вами в одном населенном пункте (городе, поселке городского типа, сельском поселении)? / Ваш пол, %

	Мужской	Женский
Да	25,0	31,4
Скорее да, чем нет	35,4	35,4
Скорее нет, чем да	14,0	17,3
Нет	14,0	10,4
Затрудняюсь ответить	14,2	13,3

Чуть менее сильно выражена локальная социальная идентичность у респондентов 30-39 лет (таблица 17).

Таблица 17. Есть ли у Вас ощущение духовной близости, общности с людьми, которые живут с Вами в одном населенном пункте (городе, поселке городского типа, сельском поселении)? / Ваш возраст, %

	18-29	30-39	40-59	60 и старше
Да	33,3	21,3	28,5	29,6
Скорее да, чем нет	39,0	48,5	45,7	42,7
Скорее нет, чем да	11,4	12,9	9,9	8,6
Нет	3,3	4,8	4,7	4,9
Затрудняюсь ответить	13,0	12,5	11,2	14,2

Еще более сильно проявляется собственно локальная идентичность населения, ценность конкретного местообитания, "малой родины". Для 81,9% респондентов ощущение себя жителем своего города, села, поселка является в той или иной степени значимым для 53,6% - безоговорочно значимым). Отсутствие такой ценности признают лишь 7,5% опрошенных (таблица 18).

Таблица 18. Важно ли для Вас ощущать себя жителем Вашего города и села?, %

Да	53,6
Скорее да, чем нет	28,3
Скорее нет, чем да	3,1
Нет	4,4
Затрудняюсь ответить	10,6

Для городских респондентов локальная идентичность является чуть более значимой ценностью, чем для сельских (таблица 19).

Таблица 19. Важно ли для Вас ощущать себя жителем Вашего города и села? / Вы проживаете, %

	Город, ПГТ	Село
Да	53,5	53,6
Скорее да, чем нет	31,1	23,1
Скорее нет, чем да	3,0	3,4
Нет	2,9	7,3
Затрудняюсь ответить	9,5	12,6

Значимость локальной самоидентификации имеет чуть больший «женский» уклон (таблица 20).

Таблица 20. Важно ли для Вас ощущать себя жителем Вашего города и села? / Ваш пол, %

	Мужской	женский
Да	49,9	57,3
Скорее да, чем нет	31,5	25,0
Скорее нет, чем да	2,8	3,5
Нет	4,6	4,2
Затрудняюсь ответить	11,1	10,1

Локальная идентичность наиболее высокую ценность имеет для респондентов 30-39 лет. Наименее значима она для самой молодой когорты (таблица 21).

Таблица 21. Важно ли для Вас ощущать себя жителем Вашего города и села? / Ваш возраст, %

	18-29	30-39	40-59	60 и старше
Да	50,8	55,0	52,1	56,8
Скорее да, чем нет	28,0	31,4	28,8	24,6
Скорее нет, чем да	4,5	2,2	3,3	2,7
Нет	6,1	2,2	5,0	4,2
Затрудняюсь ответить	10,6	9,2	10,8	11,7

Практически настолько же значимой, как и локальная, является региональная идентичность - 79,8% считают важным ощущать себя жителем Белгородской области (таблица 22).

Таблица 22. Важно ли для Вас ощущать себя жителем Белгородской области?, %

Да	52,7
Скорее да, чем нет	27,1
Скорее нет, чем да	3,6
Нет	3,8
Затрудняюсь ответить	12,7

Для городских и сельских респондентов региональная идентичность является приблизительно одинаковой по значимости ценностью. Значимость региональной самоидентификации чуть более значима для женщин (таблица 23).

Таблица 23. Важно ли для Вас ощущать себя жителем Белгородской области? / Ваш пол, %

	Мужской	женский
Да	48,7	56,8
Скорее да, чем нет	29,4	24,8
Скорее нет, чем да	3,7	3,6
Нет	5,0	2,6
Затрудняюсь ответить	13,3	12,1

Значимость региональной идентичности незначительно выше для респондентов 30-39 лет (таблица 24).

Таблица 24. Важно ли для Вас ощущать себя жителем Белгородской области? / Ваш возраст, %

	18-29	30-39	40-59	60 и старше
Да	52,0	53,0	52,2	53,8
Скорее да, чем нет	25,6	28,5	27,6	26,3
Скорее нет, чем да	4,1	3,7	3,2	3,8
Нет	4,9	1,5	4,7	3,8
Затрудняюсь ответить	13,4	13,3	12,2	12,2

И местная, и региональная идентичность немного уступают по значимости национально-гражданской. Для 84,8% респондентов в той или иной мере важно считать себя жителем России (из них 63,7% - высказываются об этом однозначно) (таблица 25).

Таблица 25. Важно ли для Вас ощущать себя жителем России?, %

Да	63,7
Скорее да, чем нет	21,1
Скорее нет, чем да	2,0
Нет	1,3
Затрудняюсь ответить	12,0

Национально-гражданская идентичность незначительно сильнее у жителей городов и ПГТ (таблица 26).

Таблица 26. Важно ли для Вас ощущать себя жителем России? / Вы проживаете, %

	Город, ПГТ	Село
Да	65,2	60,8
Скорее да, чем нет	21,5	20,4
Скорее нет, чем да	1,7	2,4
Нет	0,7	2,4
Затрудняюсь ответить	10,9	13,9

Значимость национально-гражданской идентичности практически одинакова для мужчин и женщин. Значимость национально-гражданской идентичности незначительно выше для респондентов 30-39 лет (таблица 27).

Таблица 27. Важно ли для Вас ощущать себя жителем России? / Ваш возраст, %

	18-29	30-39	40-59	60 и старше
Да	63,4	68,6	60,3	64,1
Скорее да, чем нет	21,5	18,8	24,0	18,7
Скорее нет, чем да	4,5	0,7	2,0	0,8
Нет	2,0	0,4	1,0	1,9
Затрудняюсь ответить	8,5	11,4	12,8	14,5

Таким образом, ценность патриотизма достаточно сильно выражена у населения Белгородской области. При этом одной из базовых составляющих патриотизма является любовь к малой родине - своему городу, селу, региону. Практически 80% населения Белгородской области довольны тем, что живут здесь.

Помимо причин, связанных с фактом рождения и жизни на Белгородчине, привлекательность Белгородской области ее жителей в основном определяется благоприятными природно-климатическими условиями, а также высоким уровнем благоустройства. Среди непривлекательных черт региона чаще других были названы низкий уровень жизни населения и безразличие к людям со стороны власти.

У 80% респондентов отмечается наличие локальной идентичности - важность ощущения себя жителем области, города, поселка, села. А у трех четвертей населения - еще и достаточно сильная локальная социальная идентичность, выражающаяся в ощущении духовной близости, общности с людьми, проживающими с ними в одном городе, поселке городского типа, сельском поселении.

Список литературы.

1. О государственной программе "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы": постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. №1493. URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkJ1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 22.06.2017).

2. Robertson R. Glocalization: Space, time and local theory // Journal of international communication. 1994. № 1 (1).

Reference.

1. O gosudarstvennoj programme "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2016 - 2020 gody": postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj

Federacii ot 30 dekabrja 2015 g. №1493. URL:
<http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkJ1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>
(data obrashhenija: 22.06.2017).

2. Robertson R. Glocalization: Space, time and local theory // Journal of international communication. 1994. № 1 (1).

Изменения во внешней торговле приграничных регионов Украины и России в условиях политической конфронтации

Changes in foreign trade of border regions of Ukraine and Russia in the context of political confrontation

Черномаз П.А.,
к.геогр.н., доцент
(ХНУ имени В.Н. Каразина, г. Харьков)

Chernomaz P.A.,
Ph.D., Associate Professor
(KhNU named after VN Karazin, Kharkov)

***Аннотация.** В статье рассматриваются экономические изменения отношений Украины и Российской Федерации после событий 2014 года, которые повлекли за собой колоссальные изменения в различных сферах, включая введение экономических санкций. В связи с этим, Украина и Россия начали расширять сотрудничество с другими странами, прежде всего страны Азии и Африки. Проведен анализ по данным Государственной службы статистики Украины в докризисном 2012 году и в 2016 году, где доля внешнеторгового оборота товарами и услугами Украины с Россией сократилась, то есть более чем в два раза. В рамках данного исследования были рассмотрены внешнеэкономические показатели Белгородской, Курской и Ростовской областей Российской Федерации и Харьковской, Сумской областей Украины. Донецкая и Луганская области Украины не рассматривались ввиду отсутствия сравнимой статистики вследствие ведения на их территории военных действий. Основываясь на полученных данных можно утверждать, что уже в 2014 году прослеживалась четкая тенденция снижения показателей украинско-российской торговли в приграничных регионах. Можно сказать, что закрытие для Украины зоны*

свободной торговли с Россией повлияли на отдельные виды экономических связей страны.

Ключевые слова: внешняя торговля, приграничный регион, конфронтация, экономические санкции, импортозамещение, политический кризис.

Annotation. *The article examines the economic changes in relations between Ukraine and the Russian Federation after the events of 2014, which entailed colossal changes in various areas, including the imposition of economic sanctions. In this regard, Ukraine and Russia began to expand cooperation with other countries, primarily the countries of Asia and Africa. The analysis was carried out according to the State Statistics Service of Ukraine in the pre-crisis 2012 and in 2016, where the share of foreign trade turnover of goods and services of Ukraine with Russia decreased, that is more than twice. As part of this study, we looked at the external economic indicators of the Belgorod, Kursk and Rostov regions of the Russian Federation and the Kharkiv, Sumy regions of Ukraine. Donetsk and Lugansk regions of Ukraine were not considered due to the lack of comparable statistics due to the conduct of military operations on their territory. Based on the data obtained, it can be argued that as early as 2014 there was a clear tendency to reduce the indicators of Ukrainian-Russian trade in the border regions. It can be said that the closure of the free trade zone with Ukraine for Ukraine affected certain types of economic ties of the country.*

Key words: *foreign trade, border region, confrontation, economic sanctions, import substitution, political crisis.*

Экономические отношения Украины и Российской Федерации ныне претерпевают значительные изменения. Причиной тому стали произошедшие в 2014 году события, повлекшие за собой конфронтацию в политической сфере, экономические санкции и, как следствие, снижение взаимного торгового оборота стран.

Украина по многим позициям лишилась не только обширного российского рынка сбыта, но и рынков других стран СНГ, а Россия в свою очередь снизила торговый оборот с государствами Европы. Это подтолкнуло Российскую Федерацию к политике импортозамещения, расширению сотрудничества с другими международными партнерами, прежде всего – на рынке стран Азии. Украинские экспортеры, не получив ожидаемого прироста поставок на европейский рынок вследствие квотирования и технических

барьеров в торговле, также устремили свои усилия на завоевание рынков стран Азии и Африки.

При этом наиболее уязвимыми в данном контексте оказались приграничные регионы обеих стран, традиционно имевшие тесные экономические связи с партнерами из соседних государств.

В особой степени это относится к Украине, которая в результате своего геополитического и геоэкономического положения оказалась в поле двух встречных интеграций – евразийской, которую представляет Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и европейской, представленной Европейским Союзом (ЕС). В 2014 г. руководством страны был избран одновекторный курс на европейскую интеграцию и создание зоны свободной торговли с ЕС. В результате субъекты внешнеэкономической деятельности Украины были вынуждены переориентировать свои торговые отношения в соответствии с новыми реалиями [6].

По данным Государственной службы статистики Украины в докризисном 2012 году доля внешнеторгового оборота товарами и услугами Украины с Россией составляла 27,7% от общего объема внешней торговли, а в 2016 году она сократилась до 13,6%, то есть более чем в два раза. При этом в 2014-2016 годах наблюдалось снижение внешнеторгового оборота с соседними странами во всех приграничных регионах Украины и России.

Недостаток научной оценки протекающих процессов определяет необходимость анализа показателей внешнеэкономической деятельности регионов украинско-российского приграничья.

Следует отметить, что в докризисный период в приграничных областях России и Украины получили развитие посреднические функции по продвижению товаров на рынки соседей. Приграничные регионы, имеющие соответствующую таможенную, транспортную и логистическую инфраструктуру, оформляли и перераспределяли значительные потоки импорта из приграничных государств. Развитию внешнеэкономической деятельности в приграничных регионах способствовал рост числа торговых

посредников, которые осуществляли таможенное оформление экспортных и импортных договоров в приграничной зоне с последующей доставкой товаров в места назначения.

Однако даже в более-менее благоприятный период отношений Украины и России существовал ряд проблем, замедляющих развитие экономических связей российско-украинского приграничья вследствие сохранения формальных барьеров при пересечении границы, недостатка государственной поддержки и низкой активности бизнеса в развитии сотрудничества. Для выхода из сложившейся ситуации начались двусторонние консультации, в том числе и на высшем уровне [7], с целью снижения таможенных барьеров и облегчения формальных процедур [4], что постепенно реализовывалось в приграничных регионах.

Начиная с 2014 года, данные проблемы отошли на второй план, уступив место политической конфронтации, что привело к значительному снижению не только экономических связей приграничья, но и приграничного взаимодействия в целом [5].

В рамках данного исследования рассмотрим внешнеэкономические показатели Белгородской, Курской и Ростовской областей Российской Федерации и Харьковской, Сумской областей Украины Донецкая и Луганская области Украины не рассматривались ввиду отсутствия сравнимой статистики вследствие ведения на их территории военных действий. Основываясь на полученных данных¹ (табл. 1), можно утверждать, что уже в 2014 году прослеживалась четкая тенденция снижения показателей украинско-российской торговли в приграничных регионах. При этом если в случае с Белгородской, Курской и Сумской областями наблюдалось снижение в большей степени товарных потоков по направлению из Украины

¹ В исследовании для расчетов использованы материалы официальных веб-сайтов Государственной службы статистики Украины, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и их территориальных органов в Белгородской, Курской, Ростовской, Харьковской и Сумской областях.

в Россию, то в случае с Ростовской и Харьковской областями наблюдалась обратная ситуация.

Таблица 1. Показатели внешней торговли приграничных регионов с Украиной (для регионов России) и Россией (для регионов Украины) в 2014 г.

Регион/ Страна	Экспорт		Импорт		Внешнеторговый оборот	
	млн. долл. США	в % к 2013 г.	млн. долл. США	в % к 2013 г.	млн. долл. США	в % к 2013 г.
Белгородская область	462,2	66,2	2018,9	61,4	2481,1	62,2
Курская область	69,8	70,1	199,3	59,2	269,1	61,7
Ростовская область	296,7	63,9	1086,3	70,8	1383,0	69,2
Сумская область	327,4	68,3	111,0	73,2	438,4	69,5
Харьковская область	780,6	85,0	559,5	76,6	1340,1	81,3
Украина с Россией (товары)	9798,2	65,0	12700,0	54,7	22498,2	58,7
Украина с Россией (товары и услуги)	1336,0	64,9	13585,8	55,5	26921,8	59,8
Украина со всеми странами	53901,7	83,7	54428,7	71,9	108330,4	78,4
Россия со всеми странами	497834,0	94,6	286669,0	90,9	784503,0	93,3

Оценивая уровень падения внешнеторгового оборота, можно увидеть, насколько сильно ухудшение украинско-российских отношений подействовало на приграничные регионы. Если брать падение внешнеторгового оборота со всеми странами, то в Украине оно составило 21,6%, а в России – лишь 6,7%. В то же время в отдельных приграничных регионах России произошло снижение товарооборота с Украиной на 37-38%, а в целом украинско-российский товарооборот снизился на 40,2%.

Следовательно, украинско-российский политический кризис сильнее отразился на экономике приграничных регионов, чем на экономике Украины и России в целом. Наибольший показатель падения импорта (40,8%) отмечен в Курской области, а экспорта (36,1%) – в Ростовской области. Наилучшие показатели были у Харьковской области, где экспорт упал на 15%, а импорт – на 23,4%.

Последовавшее ухудшение ситуации предопределило дальнейшее падение показателей внешней торговли российско-украинского приграничья, что видно при сравнении показателей внешней торговли в 2016 году с 2013 годом (табл. 2). Падение внешнеторгового оборота со всеми странами за три года в Украине составило 44,2%, а в России – 36%, в то время как украинско-российский товарооборот упал на 72,6% от уровня 2013 года, а без учета торговли услугами – на 77,2%.

В исследуемых приграничных регионах наибольшего падения товарооборот с граничащими странами достиг в Белгородской области – на 74%. В Курской области падение составило 65%, а в Сумской и Харьковской областях – по 63,6%. При этом экспорт наиболее сократился в Харьковской (на 67,5%), Белгородской (на 66,6%) и Сумской (на 65,9%) областях, а импорт – в Белгородской (на 75,6%), Ростовской (на 74%) и Курской (на 69,9%) областях.

При этом во всех без исключения приграничных регионах в большей степени произошло снижение товарных потоков из Украины в Россию. Это

говорит о том, что от политической конфронтации экономически пострадали больше регионы украинского пограничья.

Таблица 2. Показатели внешней торговли приграничных регионов с Украиной (для регионов России) и Россией (для регионов Украины) в 2016 г.

Регион/ Страна	Экспорт		Импорт		Внешнеторговый оборот	
	млн. долл. США	в % к 2013 г.	млн. долл. США	в % к 2013 г.	млн. долл. США	в % к 2013 г.
Белгородская область	233,5	33,4	804,2	24,4	1037,7	26,0
Курская область	51,3	51,5	101,3	30,1	152,6	35,0
Ростовская область	622,7	134,0	398,9	26,0	1021,6	51,1
Сумская область	163,7	34,1	56,6	69,1	229,8	36,4
Харьковская область	298,9	32,5	300,5	41,1	599,4	36,4
Украина с Россией (товары)	3592,9	23,8	5149,3	22,2	8742,2	22,8
Украина с Россией (товары и услуги)	6670,3	32,5	5649,2	23,1	12319,5	27,4
Украина со всеми странами	46229,7	59,2	44576,3	52,7	90806,0	55,8
Россия со всеми странами	285674,0	54,2	182267,0	70,0	467941,0	64,0

Особого внимания заслуживает Ростовская область, которая за период 2013-2016 гг. единственная из рассматриваемых приграничных регионов смогла нарастить объем экспорта в Украину на 34%. Анализ структуры экспорта и привлечение дополнительных источников информации показали, что причиной такой аномальной ситуации стали поставки из Ростовской области критичного для украинской экономики продукта – каменного угля, необходимого для стабильной работы теплоэлектростанций. Дефицит в Украине угля антрацитовой группы стал результатом военных действий на Донбассе. В частности, крупнейший частный украинский энергохолдинг «ДТЭК Энерго» сообщал об осуществлении поставок антрацитового угля для запуска остановленных Приднепровской и Криворожской ТЭС с находящегося в Ростовской области шахтоуправления «Обуховское», принадлежащего этому энергохолдингу [1].

Таким образом, закрытие для Украины зоны свободной торговли с Россией и наложение взаимных эмбарго на отдельные виды товаров стали причиной негативных тенденций в экономических связях стран. Безусловно, это повлекло за собой проблемы в социально-экономическом развитии приграничных регионов. Ярким примером может служить продемонстрировавшая наибольшее падение товарооборота Белгородская область, где была сформирована эффективная транспортная и таможенная инфраструктура, а экономика региона во многом ориентировалась на своего ближайшего соседа. Зеркальная ситуация наблюдается и в приграничных регионах Украины, в частности, в Харьковской области, где значительная часть предприятий и предпринимателей многие годы ориентировалась на связи с российскими партнерами.

Тем не менее, начало 2017 года принесло и некоторые положительные тенденции. По данным Государственной службы статистики Украины в январе-апреле 2017 года по сравнению с тем же периодом прошлого года экспорт товаров из Украины в Россию увеличился на 38,5%, а импорт из России вырос на 45,8%. По данным Главного управления статистики в

Харьковской области на Харьковщине также наблюдалось оживление торговли с Россией: за январь-апрель 2017 года рост экспорта товаров в Россию составил 15,5%, а рост импорта из России – 16,4%.

Поясняя причины происходящего, заместитель министра экономического развития РФ Алексей Груздев отметил, что поставки действительно растут по тем позициям, где нет санкционных ограничений. По его мнению, это является подтверждением того, что «помимо политики, чьих-то амбиций, есть экономика, исторически сложившиеся связи двух стран. Это то, о чем мы говорили, когда речь шла об ассоциации Украины и ЕС. Эксперты тогда предупреждали, что она не компенсирует Украине нарушение связей с Россией. По первому кварталу мы видим, что рост товарооборота Украины с Россией значительно выше, чем с ЕС. Правда, ...по отношению к последнему докризисному году, 2013-му, торговля России и Украины упала более чем на 70 процентов. И это результат влияния политики на экономику»[2].

Для улучшения ситуации в украинско-российском приграничье данная экономическая тенденция должна быть подкреплена положительными изменениями и в политической сфере. В случае же, если социально-политическая ситуация не изменится в лучшую сторону, а усугубится, то в течение ближайших лет товаропроизводителей ожидает поиск новых рынков и дальнейшая переориентация внешней торговли, что существенно затормозит социально-экономическое развитие приграничных регионов.

Список литературы.

1. ДТЭК начал поставку антрацита на Криворожскую и Приднепровскую ТЭС из своих шахт в РФ. Веб-сайт телеканала «112 Украина». URL: <https://112.ua/glavnye-novosti/dtek-nachal-postavku-antracita-na-krivorozhskuyu-i-pridneprovskuyu-tes-iz-svoih-shaht-v-rf-388272.html> (Дата обращения: 28.06.2017).

2. Зубков И. Мимо санкций. Российская газета. 21.06.2017. № 7300 (134). URL: <https://rg.ru/2017/06/21/tovarooborot-mezhdu-rossiej-i-ukrainoj-vygos-za-god.html> (Дата обращения: 28.06.2017).

3. Черномаз П.А. Опыт трансграничного сотрудничества в реалиях украинско-российского пограничья. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. Ч. 1. С. 415-419.

4. Черномаз П.А. Построение «умной границы» между Россией и Украиной как механизм повышения эффективности ее пересечения. Современные проблемы социально-экономического развития России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 15 марта 2011 г.: в 2 т. Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. Т. 1. С. 148-151.

5. Черномаз П.А. Современные проблемы трансграничного сотрудничества. Интеграционные модели приграничного и межрегионального сотрудничества / сост. В. П. Бабинцев, В. А. Сапрыка, О. В. Быхтин, А. А. Максименко. – Белгород; Симферополь; Москва: Фонд «Институт социально-экономических и политических исследований»; Кострома: Костромское областное отделение Общества «Знание России», 2015. С. 103-115.

6. Черномаз П.О. Трансформація структури зовнішньої торгівлі України у зв'язку з підписанням Угоди про асоціацію між Україною та ЄС. Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. Серія «Міжнародні відносини. Економіка. Країнознавство. Туризм». 2017. Вип. 6. С. 82-88.

7. Янукович и Медведев обсудили, как оптимизировать пересечение украино-российской границы. Информационное агентство REGNUM. URL: www.regnum.ru/news/polit/1326610.html (Дата обращения: 28.06.2017).

References.

1. DTJeK nachal postavku antracita na Krivorozhskuju i Pridneprovskuju TJeS iz svoih shaht v RF. Veb-sajt telekanala «112 Ukraina». URL:

<https://112.ua/glavnye-novosti/dtek-nachal-postavku-antracita-na-krivorozhskuyu-i-pridneprovskuyu-tes-iz-svoih-shaht-v-rf-388272.html> (Data obrashhenija: 28.06.2017).

2. Zubkov I. Mimo sankcij / I. Zubkov // Rossijskaja gazeta. 21.06.2017. № 7300 (134). URL: <https://rg.ru/2017/06/21/tovarooborot-mezhdu-rossiej-i-ukrainoj-vyros-za-god.html> (Data obrashhenija: 28.06.2017).

3. Chernomaz P.A. Opyt transgranichnogo sotrudnichestva v realijah ukrainsko-rossijskogo pogranich'ja. Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. Ezhegodnik. Vyp. 12. / RAN. INION. Otd. nauch. sotrudnichestva; Otv. red. V.I. Gerasimov. M., 2017. Ch. 1. S. 415-419.

4. Chernomaz P.A. Postroenie «umnoj granicy» mezhdu Rossiej i Ukrainoj kak mehanizm povyshenija jeffektivnosti ee peresechenija. Sovremennye problemy social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Belgorod, 15 marta 2011 g.: v 2 t. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2011. T. 1. S. 148-151.

5. Chernomaz P.A. Sovremennye problemy transgranichnogo sotrudnichestva. Integracionnye modeli prigranichnogo i mezhregional'nogo sotrudnichestva / sost. V. P. Babincev, V. A. Sapryka, O. V. Byhtin, A. A. Maksimenko. – Belgorod; Simferopol'; Moskva: Fond «Institut social'no-jekonomicheskikh i politicheskikh issledovanij»; Kostroma: Kostromskoe oblastnoe otdelenie Obshhestva «Znanie Rossii», 2015. S. 103-115.

6. Chernomaz P.O. Transformacija strukturi zovnishn'oi torgivli Ukraïni u zv'jazku z pidpisannjam Ugodi pro asociaciju mizh Ukraïnoju ta ES. Visnik HNU imeni V.N. Karazina. Serija «Mizhnarodni vidnosini. Ekonomika. Kraïnoznavstvo. Turizm». 2017. Vip. 6. S. 82-88.

7. Janukovich i Medvedev obsudili, kak optimizirovat' peresechenie ukraino-rossijskoj granicy. Informacionnoe agentstvo REGNUM. URL: www.regnum.ru/news/polit/1326610.html (Data obrashhenija: 28.06.2017).

Россия и новые независимые государства: расхождение идентичностей и интеграционные проекты

Russia and the independent states: divergence of identities and integration projects

Вардомский Л.Б.,

*Доктор экономических наук,
профессор, заведующий центром
(ИЭ РАН, Москва)*

Vardomskiy L.B.,

*Doctor of Economics, Professor,
Head of the center
(RAS Institute of economy Moscow)*

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы эволюции взаимных отношений России и стран «ближнего зарубежья» в контексте их государственной идентичности. Расхождение идентичностей сказывалось на экономических отношениях и, прежде всего, на взаимной торговле. Более низкие темпы роста взаимной торговли по сравнению с ростом общего ВВП отражает постепенное уменьшение комплементарности их экономик. Постсоветские интеграционные проекты первого поколения были сориентированы на сохранение советского экономического наследия и оказались бесполезными с точки зрения эффективного вхождения хозяйства новых государств в глобальную экономику.*

Перспективы интеграционных процессов на постсоветской Евразии сильно зависят от того, как быстро Россия сможет осуществить модернизацию своей экономики и усилить экономические взаимодействия со странами региона на новой технологической основе. Акцент в сотрудничестве в рамках ЕАЭС должен быть перенесен с «латания» старой, унаследованной от советского времени, экономики - на создание новой. На этой основе возможен переход от дивергенции к конвергенции государственной идентичности.

***Ключевые слова:** Россия, страны СНГ, ЕАЭС, идентичность, модернизация, приоритеты, внешняя торговля, комплементарность, экономика, интеграция.*

***Abstract.** Problems of evolution of the mutual relations of Russia and of near "neighboring countries" under the influence of the formed identity are considered. The discrepancy of identity affected the economic relations and, first of all, mutual trade. Lower growth rates of mutual trade in comparison with growth of the overall GDP are reflected by gradual reduction of a complementarity of their economies. Post-Soviet integration projects of the first generation were*

initially oriented on preservation of the Soviet economic heritage and were useless for effective entry of the new states economy into a global economy.

The prospects of integration processes on Post-Soviet Eurasia strongly depend on how quickly Russia will be able to carry out modernization of the economy and to strengthen economic interactions with the countries of the region on a new technological basis. The accent in cooperation within EEU has to be postponed from "patching" old, inherited from Soviet period, economy - for creation new. On this basis transition from divergence to convergence of state identity is possible.

Keywords: *Russia, The CIS, Countries EAEU, Identity, Modernization, Priorities, Foreign trade, Complementarity of economies, Integration.*

В настоящей статье исследуется динамика торговых связей России и ее постсоветских партнеров в контексте формирования государственной идентичности. Исследованию идентичности государства посвящена обширная литература, в которой выделяются труды А.Вендта, Р.Арона, И. Призела, С. Уолта [6]. В статье государственная идентичность понимается как представление государства о себе и о своем месте в мировом сообществе.

В 1991 - 2016 годы происходило не только становление новых независимых государств (ННГ), их рыночная и структурная трансформация, но и выстраивание взаимных отношений как суверенных государств. В системе этих отношений центральное место занимают отношения между РФ и другими ННГ. За прошедшую четверть века они были весьма противоречивы, поскольку менялось позиционирование России и других постсоветских стран в системе международных отношений.

В ходе формирования идентичности страны осуществили выбор социокультурных и внешнеполитических приоритетов, которые в наибольшей степени соответствуют задачам национальной модернизации. В случае постсоветских стран речь шла о выборе между присоединением к европейской интеграции, созданием своего евразийского объединения или проведением многовекторной политики.

Одним из первых на связь идентичности и интеграции в контексте модернизации среди российских ученых обратил внимание Д.В. Тренина в своей статье «Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке»[9]. Теме взаимосвязи национальной и коллективной идентичности посвящены также исследования политологов А.М. Бусыгиной, В.В. Кочеткова, В.Е. Морозова, Н.Л.Прохоренко, И.С. Семеновко.

Формирование идентичности России и других постсоветских государств не было одномоментным и происходило под влиянием экономической и политической динамики внутри стран и во внешнем окружении и вызывало корректировку государственных приоритетов. Через призму этих приоритетов выстраивались взаимные отношения и создавались инструменты реагирования на возникавшие политические и экономические разногласия. Все это, так или иначе, сказывалось на их экономических связях.

Политическая элита РСФСР выступила одним из главных инициаторов распада СССР. На первых порах суверенного существования она рассчитывала на быструю рыночную трансформацию и вхождение в евроатлантическое сообщество развитых государств в качестве полноправного члена. Политика же в отношении стран СНГ в 1990-е гг. определялась, с одной стороны, тяжелым социально-экономическим положением, внутренней политической нестабильностью, крайней слабостью государственных финансов, а с другой, - нежеланием давать повод Западу упрекать себя в стремлении воссоздать в какой-то форме СССР. Этого также хотели избежать и другие постсоветские страны. Поэтому политика была импульсивной, рассчитанной на то, что совместное прошлое само по себе обеспечит скорую реинтеграцию. Однако остаточная постсоветская идентичность не смогла стать основой такой реинтеграции.

В ответ на расходящиеся политические и экономические интересы СНГ в ходе формирования государственности новых стран и несогласия ряда из них с претензиями России на лидерство в постсоветском регионе

была выдвинута концепция разноскоростной и разноуровневой интеграции. Однако интеграционные проекты первого поколения (СНГ, Таможенный союз, Союзное государство) продвигались в условиях становления государственности и сильнейшего экономического спада и поэтому рассматривались, скорее, как механизмы смягчения социальных и экономических последствий распада единой в течение длительного времени страны.

В начале 1990-х годов руководство России надеялось, что лояльное отношению к Западу станет своего рода «охранной грамотой» для ее интересов в «ближнем» зарубежье.

Финансовый кризис 1998 г., который стал результатом противоречивой внутренней экономической политики России, создал дополнительный импульс разрушения экономических связей с постсоветскими партнерами и еще более подпортил репутацию как страны способной консолидировать постсоветское пространство. В результате все без исключения страны СНГ, так или иначе, стали стремиться к «ослаблению экономической и политической зависимости от Москвы и к диверсификации своих внешних связей» [10].

К концу 1990-х гг. (в период работы в правительстве РФ Е.М.Примакова) у руководства России возникло понимание того, что в евроатлантическом клубе избранных ее не рассматривают как равного партнера. С этого момента начинается переход страны к традиционной державной политике, осуществлять которую начнет В.В. Путин. Для того, что бы добиться баланса в отношениях с Западом на основе равного партнерства, Россия после кризиса 1998 г. активизирует политику в отношении «ближнего зарубежья» с целью восстановления экономических, политических и социальных связи с новыми государствами при укреплении своей лидирующей роли [11]. В этот период началась работа по реализации интеграционных проектов в форматах ЕврАзЭС и Таможенного союза в составе РФ, Беларуси, Казахстана и Украины. Одновременно в 2000 - 2004 гг.

РФ, признавая важность ЕС для модернизации своей экономики, пыталась выстроить отношения с ним, но исходя из своей самостоятельной роли на международной арене. Это подтверждает активное обсуждение в те годы проекта общего экономического пространства ЕС и РФ.

Однако быстрое продвижение ЕС и НАТО к границам России, «цветные революции» и напористая политика ЕС на восточном направлении заставило РФ «заморозить» идею «общего пространства», которая с точки зрения ЕС означала, прежде всего, переход РФ на институциональные нормы Союза.

В этот период произошло разделение стран «ближнего зарубежья» по идентичности на проевропейские (Грузия, Молдова и Украина), проевразийские (Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан) и национальные (Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан) при этом все стремились проводить многовекторную внешнюю политику.

С 2005 г. Россия стала реализовывать «прагматичный» подход к сотрудничеству со странами Содружества, что выразилось в сворачивании ценовых преференций на нефть и газ для стран СНГ и тем самым сокращении объемов субсидирования их экономик. Переход от льготных к рыночным ценам на природный газ, по сути, разрушил одну из главных экономических основ консолидации СНГ в период жесткой дезинтеграции. Использование рыночных цен на газ заметно ухудшило бюджетную ситуацию в странах - потребителях газа, понизило конкурентоспособность энергоемких предприятий, сократило финансовые ресурсы развития, стало одной из причин усиления экономических и политических противоречий между ними и Россией. Прагматичный подход сочетался с дифференцированным отношением к отдельным странам СНГ в зависимости от их готовности учитывать интересы политического руководства и крупного бизнеса России.

Одновременно важным элементом новой политики РФ стала разработка программных документов развития СНГ и будущего ЕАЭС,

создание новых институтов сотрудничества ЕАБР (2006 г.) и Антикризисный фонд (2009 г.), (с 2016 г. Евразийский фонд стабилизации), учреждение Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (2010 г.) и ЗСТ в рамках СНГ (2012 г.).

Россия через интеграцию стремилась сохранить тесные связи с «ближним зарубежьем», реализовать свою историческую роль как центра постсоветского пространства и одновременно позиционировать себя как равный Западу «центр силы». Это было важно с точки зрения стабильности геополитического положения и обеспечения безопасности России. В связи с этим постсоветское пространство рассматривается Россией как зона ее особых (привилегированных) интересов, что вызывало и вызывает резкое неприятие Запада, усматривающего в этом ее «имперские амбиции».

В результате столкновения геополитических интересов на постсоветском пространстве с 2008 г. происходило непрерывное ухудшение отношений РФ с США и ЕС, отражением которого стал майдан и государственный переворот на Украине. Кризис на Украине стал отражением политики Запада по сдерживанию или даже «разрушению России» [5].

Эти события 2013-2014 годов открыли новый этап отношений РФ со странами СНГ, характерной чертой которого является раскол постсоветского пространства по интеграционным приоритетам характеризующий цивилизационный выбор политических элит соответствующих стран.

Другая особенность нового этапа - все более активное продвижение Китаем и Турцией своих интересов в постсоветском регионе. Это новая реальность, которая сужает политическое и экономическое влияние России в постсоветском регионе. В этом контексте следует рассматривать складывающийся дисбаланс между политическими интересами России в бывших союзных республиках и экономическими возможностями их реализовывать. Это достаточно определенно отражает динамика внешнеторговых связей России и стран СНГ.

На начальном этапе отношений России и СНГ произошло резкое сокращение взаимных торговых связей: за 1991-2000 гг. их объем сократился в 5 раз: с 138 млрд долл. до 26 млрд долл. (без учета неорганизованной торговли), а доля стран СНГ во внешней торговле России сократилась с 54,6% до 18,8% [12]. Это стало результатом тройного «шока»: жесткой дезинтеграции постсоветского пространства, распада рублевой зоны (1993 г.) и рыночной трансформации.

С началом второго этапа отношений в 2000-2004 гг. на фоне восстановительного роста взаимная торговля стала быстро увеличиваться (рис.1). На третьем этапе (2005 - 2012 гг.) рост взаимных торговых связей продолжился до кризисного 2009 г. После ощутимого спада их стоимостной объем вновь стал расти и в 2012 г. достиг 124 млрд долл. - рекордной величины в условиях суверенного существования, но все же уступавшей по объему 1991 г. Все эти годы доля стран СНГ во внешнеторговом обороте России находилась на уровне 14-15%.

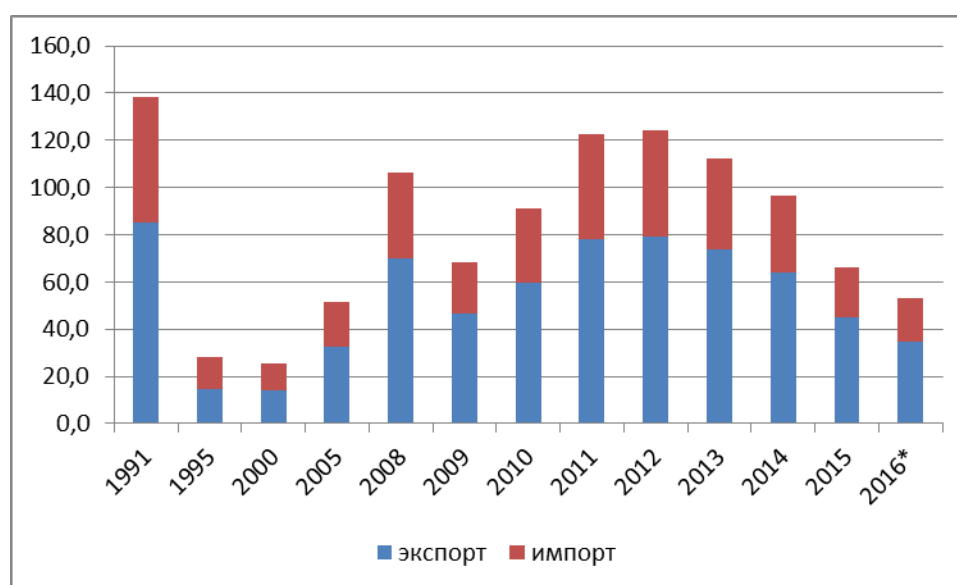

Рис. 1. Внешняя торговля России со странами СНГ в 1991-2016 гг., млрд долл.

В 2013 - 2016 гг. происходило устойчивое падение взаимных связей, которые в 2016 г. по стоимостному объему откатились к 2005 г., а доля стран СНГ во внешней торговле РФ опустилась до 12%. Минэкономразвития РФ

склонно объяснять эту ситуацию внешними факторами: падением мировых цен на сырьевые товары, санкциями и контрсанкциями, «украинским фактором», падением курса рубля и т.п. [13]. Действительно, все это имеет место. Взаимный товарооборот России и Украины за 2014 - 2015 гг. сократился в 2 раза: с 22,5 до 12,3 млрд долл. Но сокращаться он начал в 2012 г. Максимальный взаимный товарооборот двух стран был достигнут в 2011 г. – 48,9 млрд долл. А в 2016 г. он составил всего 8,7 млрд долл.. меньше, чем в 2000 г. За 2011 - 2016 гг. российско-украинская торговля сократилась в 5,6 раза [14]. Однако в это период заметно сократилась торговля с Казахстаном, Белоруссией и другими странами СНГ, правда, в меньшей степени.

Иными словами, динамика взаимного товарооборота России и «ближнего зарубежья» определялась как политическими, так и структурно-технологическими факторами.

Среди политических причин важным элементом сдерживания взаимной торговли были «торговые войны» в связи с противоречиями между Россией и транзитными Беларусью и Украиной по поводу распределения «сырьевой» ренты. В этом же ряду стоят торговые войны, связанные с ориентацией Грузии, Молдовы и Украины на ЕС, которые усилились во второй половине 2000-х годов.

Иными словами, прагматичная модель «доступ на российский рынок и льготные цены на энергоносители в обмен на лояльность» сдерживала развитие взаимных торговых связей. В том же направлении действовало стремление постсоветских партнеров ослабить свою экономическую зависимость от России. В свою очередь, помня об экономических последствиях недавнего распада СССР и стремлении ряда стран в НАТО и ЕС, Россия стремилась к сокращению зависимости от новых государств в наиболее критичных областях, прежде всего в оборонной промышленности.

В еще большей степени на динамику взаимных торговых связей влияла международная конкуренция, которая усилилась в связи с вступлением РФ

(2012) и других стран СНГ в ВТО. В результате конкуренции взаимопоставляемая продукция заменялась товарами третьих стран, при том, что новые производства в ходе взаимного сотрудничества возникали в недостаточной степени, что бы компенсировать падение взаимных торговых связей.

Особую проблему создает привлекательность ЕС для ряда соседних с ним стран СНГ. Грузия, Молдова и Украина при проевропейском курсе стремились сочетать участие в зонах свободной торговли как с ЕС, так и с СНГ. Россия усмотрела в двойном членстве в ЗСТ с ЕС и СНГ угрозу для своей экономики в результате возможного реэкспорта продукции стран ЕС. В результате этого с 1 января 2016 г. Россия приостановила действие договора о ЗСТ с Украиной.

Торговые связи РФ и стран СНГ сталкиваются сегодня и со структурными ограничениями, вытекающими из сырьевого характера их экономики. При этом топливно-энергетический сектор, выступая, прямо или косвенно, центральным фактором развития национальных экономик, порождает много противоречий в отношениях между странами. Время показало, что это скорее фактор дезинтеграции, чем драйвер интеграции, поскольку топливо и сырье направляется преимущественно на рынки третьих стран.

Сотрудничество на основе углубляющихся межстрановых различий в сфере демографии, уровню доходов населения, ресурсов экономического роста, на основе межотраслевого разделения труда при отсутствии совместных механизмов содействия экономическому развитию отстающих стран не могло иметь устойчивый, взаимовыгодный характер.

В результате произошедших в СНГ структурных трансформаций, взаимная комплементарность экономик сильно сократилась. Для ее измерения был использован коэффициент торговой связанности (КТС), построенный на отношении взаимной торговли РФ и СНГ к общему ВВП взятому в текущих ценах и по текущим валютным курсам (данные МВФ). В

2000 г. это отношение составило 7,22%, в 2008 – 4,90%, в 2012 – 4,67%, в 2015 – 3,57% и в 2016 г. 3,33%. КТС показывает, что общий ВВП стран рос быстрее чем взаимная торговля, а следовательно, относительное взаимодополнение их экономик сокращалось, особенно сильно в 2000 - 2005 и в 2012 – 2016 годах.

Отметим, что тренд к снижению комплементарности реализовался в условиях, когда доля РФ в общем ВВП стран СНГ (по номиналу) за 2000 - 2012 гг. увеличилась с 73,7% до 76,8%. Структурно экономика России, хотя и менялась, но за счет либо разворачивания сборочных производств, что в основном приводило к наращиванию торговых связей с третьими странами, либо импортозамещению, что тормозило импорт, прежде всего, из стран СНГ. В связи с этим, в 2000-2012 гг. потенциал России, как интеграционного ядра Евразии, не рос пропорционально росту ее экономики.

Таблица 1. Изменение доли стран СНГ в общем ВВП (в текущих ценах) за 1991 -2015 гг ., в %

Страны	1991	2000	2008	2012	2015	2015*
СНГ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Азербайджан	1,3	1,5	2,2	2,5	2,9	2,9
Армения	0,8	0,6	0,5	0,4	0,6	0,6
Белоруссия	4,1	2,9	2,8	2,3	2,9	2,9
Грузия	0,9	0,9	0,6	-	-	0,7
Казахстан	4,2	5,2	6,1	7,7	10,1	9,9
Киргизия	0,9	0,4	0,2	0,2	0,4	0,4
Молдова	1,3	0,4	0,3	0,3	0,4	0,4
Россия	67,7	73,7	76,0	76,8	72,0	71,3
Таджикистан	0,6	0,3	0,2	0,3	0,4	0,4
Туркменистан	0,7	1,2	1,0	1,2	1,9	2,0
Узбекистан	3,0	3,9	1,4	1,8	3,5	3,6
Украина	14,5	9,0	8,7	6,5	4,9	4,9

*Данные Мирового банка. *Источник:* Содружество независимых государств 1991 - 2015. Стат. сб. МГСК СНГ. М. 2016. С.64

Сокращение комплементарности было связано также с упрощением экономики за счет производств, выпускающих продукцию с высокой степенью обработки. В результате этого доли стран с преобладанием обрабатывающей промышленности в общем ВВП сократились, особенно сильно у Украины и России (табл.1).

Рост экспорта России в страны СНГ в 2000-2008 гг. и 2010-2012 гг. преимущественно был связан с ростом мировых цен на энергоносители, а импорта – с ростом потребления товаров из стран на волне экономического роста. С ухудшением конъюнктуры объемы экспорта и импорта сокращались симметрично, сохраняя положительным сальдо в пользу России. В 1991 г. оно оценивалось в 31,9 млрд долл., в период спада оно сократилась до 1-2 млрд долл., но далее стало расти, достигнув в 2008 г. 33,2 млрд долл. и в 2012 г. – 34,3 млрд долл. На волне сокращения взаимной торговли положительное стало сокращаться: 24 млрд долл. в 2015 г. и около 17,6 млрд долл. в 2016 г. Тем не менее, по объему оно заметно превышает поступление капиталов в рассматриваемые страны из России по линии трудовых трансфертов и инвестиций, что создает для них большие платежные проблемы.

Хотя, за годы суверенного существования взаимозависимость национальных экономик заметно уменьшилась, для партнеров по СНГ Россия остается крупным рынком с дифференцированным спросом, на котором можно найти спрос для своих товаров и услуг. Для России же партнеры по СНГ сравнительно небольшой рынок с низкой платежеспособностью и ограниченным инвестиционным потенциалом. Однако они важны как источник дешевой рабочей силы разной квалификации.

Асимметрия взаимных экономических связей и дисбаланс между политическими и экономическими интересами объясняет то, что, оставаясь стержнем постсоветской геополитической и геоэкономической конструкции, Россия не сформулировала привлекательную концепцию развития СНГ.

Экономическое лидерство России в регионе ограничивает сильная подверженность ее экономики «внешним» шокам. В периоды ухудшения мировой конъюнктуры это негативно сказывается на экономиках стран - партнеров через падение курса рубля и спроса на товары и рабочую силу. Темпы роста России в последние годы были значительно ниже, чем у многих постсоветских партнеров. Нынешнее экономическое состояние России некоторые исследователи объясняют ее попаданием в «ловушку среднего дохода» [3], в которой оказались также, по-видимому, Азербайджан, Казахстан и Белоруссия.

Экономические перепады в России и проблемы с ростом заставляют ННГ географически диверсифицировать свои внешнеэкономические связи.

Ослабление экономических позиций РФ в постсоветском регионе отражает сильное падение за 2008 – 2016 гг. доли стран СНГ в машиностроительном экспорте и импорте России. Причем за 2012-2016 гг. сильно сократились и абсолютные объемы взаимной торговли машиностроительной продукцией. (табл. 2). Основной вклад в это сокращение внесло свертывание торговых связей с Украиной.

Таблица 2. Машиностроительная продукция во внешней торговле России в 1995-2016 годах

Годы	Всего, млрд. долл.		Со странами СНГ, млрд. долл.		доля стран СНГ в торговле машинами, %	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
1995	8,0	15,7	2,7	2,9	33,8	18,5
2000	9,1	10,7	2,4	2,6	26,4	24,3
2005	13,5	43,4	5,9	5,0	43,7	11,5
2008	22,8	141,0	11,5	11,8	50,4	8,4
2010	21,3	102,0	6,9	9,1	32,4	8,9
2012	26,5	157,0	10,3	15,4	38,9	9,8
2015	25,3	81,8	7,3	4,2	28,9	5,1
2016	24,3	86,3	6,3	4,5	25,9	5,2

Источники: Россия в цифрах. 2012: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2012; Россия в цифрах. 2013: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2013; ФТС РФ 2014, 2015.

Объявив постсоветские страны зоной своих особых интересов, Россия оказалась недостаточно готова содействовать их экономическому развитию. Она фактически утрачивает свою историческую функцию модернизатора региона.

Интеграционные проекты на постсоветском пространстве изначально были сориентированы на сохранение советского экономического наследия и оказались бесполезными с точки зрения эффективного вхождения новых государств в глобальную экономику

Приток зарубежных технологий ускоряет модернизацию соответствующих отраслей, но объективно затрудняет координацию технологического обновления экономики в странах Содружества и производственную кооперацию, поскольку центры технологических и продуктовых нововведений находятся вне СНГ.

Падение комплементарности экономик РФ и стран СНГ в результате ситуации, когда «интеграционные проекты и процессы модернизации национальных экономик фактически протекают обособленно» [2] неизбежно размывает остаточную постсоветскую идентичность. В итоге за 25 лет работы брендинг СНГ, как успешной региональной международной организации не состоялся. За это время в Содружестве так и не были найдены объединяющие смыслы и ориентиры будущего, что лежит в основе формирования новой идентичности.

Главное место в отношениях России и постсоветских государств в настоящее время занимает ЕАЭС. Но евразийский интеграционный проект пока не создал условий для устойчивого развития взаимных экономических связей стран-участниц, не стал значимым фактором модернизации их экономик. Его становление пришлось на период турбулентности мировой экономики, жесткой геополитической борьбы России с Западом. Немаловажен и тот факт, что в этот период в полной мере проявилась необходимость перехода к «новой модели устойчивого роста экономики для стран ЕАЭС» [7]. Все это, безусловно, сказалось на динамике взаимной

торговли. Ее бурный рост после установления режима таможенного союза с 47 млрд дол. до 63 млрд. дол. в 2011 г., далее замедлился - 68 млрд. дол. в 2012 г., а затем сменился сокращением – 64 млрд. дол. в 2013 г., 61 млрд. дол. в 2014 г., и 45,6 млрд. в 2015 г. и 42,6 млрд. в 2016 г. Но спад 2016 г. по отношению к максимальному объему взаимной торговли в ЕАЭС был значительно меньше, чем в СНГ.

О позитивном действии ЕАЭС свидетельствует то, что за 2010-2015 гг. у всех стран-членов Союза кроме Армении произошло увеличение доли РФ в их машиностроительном импорте. У большинства других постсоветских стран она сократилась (табл.3).

Таблица 3. Доля России в машиностроительном импорте стран СНГ и Грузии в 2001-2015 гг., %

Страны	2001	2005	2008	2010	2012	2014	2015
Беларусь	41,2	28,3	24,5	20,3	25,9	31,7	35,3
Казахстан	33,5	23,1	19,5	8,8	25,2	24,7	25,0
Киргизия	16,4	13,0	8,8	8,3	6,6	7,4	10,7
Армения	19,8	21,0	17,1	13,2	12,5	7,8	8,7
Украина	29,9	20,2	14,5	18,1	13,8	14,0	12,7
Узбекистан	14,4	19,8	16,0	12,8	11,0	11,4	8,2
Туркменистан	10,6	6,8	21,5	13,1	7,5	8,8	7,6
Азербайджан	7,2	13,5	13,8	12,7	6,1	5,1	4,7
Таджикистан	38,6	19,7	19,8	11,6	4,9	5,0	4,4
Молдавия	12,2	8,3	5,8	6,5	4,1	2,9	3,4
Грузия	5,2	8,6	3,0	2,1	1,4	1,5	2,3

Источник: Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Шурубович А.В. Сотрудничество России и стран СНГ в контексте модернизации национальных экономик //Белорусский экономический журнал. 2016. №4. С.12.

Среди других позитивных примеров евразийской интеграции – стремительный рост перевозок контейнеров между Китаем и Европой, благодаря запуску проекта Объединенной транспортно-логистической компании (ОТЛК) с участие железных дорог Белоруссии, Казахстан и России. В 2016 г. объем перевозок достиг 100 тыс. стандартных

контейнеров благодаря контейнерным поездам, который через Казахстан, Россию и Белоруссию в прямом сообщении связывают 16 городов Китая и 15 европейских городов.

Тем не менее, на фоне низкой мировой конъюнктуры, экономического спада, уменьшения бюджетных доходов, санкционной войны между РФ и западным блоком внутри ЕАЭС наметились определенные противоречия.

В подоплеке роста противоречий лежат разные интересы и ожидания стран от реализации проекта ЕАЭС. Они обусловлены разными уровнями развития, структурами экономики и системами государственного управления, что воспроизводит протекционистское поведение стран в виде сохранения нетарифных барьеров. Страны ЕАЭС, лишенные значительных топливных ресурсов, прежде всего Беларусь, стремятся получать часть доходов от экспорта углеводородов, осуществляемых Казахстаном и Россией, поскольку именно с ними связаны финансовые ресурсы, которые можно направлять на развитие. Однако Казахстан и Россия в условиях неблагоприятной политической и экономической конъюнктуры не готовы делиться с другими участниками ЕАЭС своими топливными доходами.

При этом большинство стран-членов ЕАЭС хотели бы получать от РФ в разных формах геополитическую ренту, сохраняя свободу рук в проведении своей внешней политики. То есть Россия, оставаясь для ряда из них главным донором, в своей сложной геополитической борьбе не имеет должной политической поддержки.

Важным фактором разобщения экономик является несогласованная валютно-курсовая политика стран-участниц. Разнобой в изменении курсов национальных валют сильно влияет на условия взаимной торговли и соответственно на распределение интеграционных эффектов между странами.

Перспективы интеграционных процессов на постсоветской Евразии сильно зависят от того, как быстро Россия сможет осуществить модернизацию своей экономики и усилить экономические взаимодействия со

странами региона на новой технологической основе. В силу технологической слабости и упрощению экономики ей настоящее время трудно выступать в качестве лидера евразийских интеграционных процессов. От динамики евразийской интеграции сильно зависит формирование национальной и коллективной идентичности, будущее всего постсоветского пространства и положение России в формирующейся полицентричной системе мира.

В связи с этим акцент в сотрудничестве в рамках ЕАЭС должен быть перенесен с «латания» старой, унаследованной от советского времени, экономики - на создание новой. А это вопрос согласованной модернизации национальных экономики в условиях ожидаемой четвертой промышленной революции. Для России это означает необходимость новых акцентов в интеграционной политике. Речь идет о переходе от модели взаимодействия, построенной на принципе «преференции в обмен на лояльность» к модели «согласованной и совместной модернизации», о соединении процессов интеграции и модернизации национальных экономики.

Широкие заимствования технологий из третьих стран, по нашему мнению, должны сочетаться с восстановлением собственной технологической основы интеграции, хотя бы в отдельных секторах производства. Одновременно должны развиваться интеграционные процессы в сфере услуг (образование, медицина, научные исследования и разработки), транспорта и логистики, финансовой и инновационной сферах.

Согласованная модернизация стран ЕАЭС необходима в связи с тем, что большая часть интеграционного пространства находится внутри материка, то есть удалена от морей и мировых рынков. Это удаленность вместе с редкой сетью городов и слабой инфраструктурой объективно удорожает и замедляет экономический рост [1].

Это необходимо также в контексте ухудшения отношений России с коллективным Западом и ограничений в получении от него новых технологий. Россия уже не может пренебрегать потенциалом сотрудничества

на постсоветском пространстве. Тем более, что азиатские члены СНГ сохраняют высокие темпы роста населения и экономики (Табл. 1).

В настоящее время в рамках ЕАЭС создаются институты, которые позволяют усилить координацию экономического развития. Она осуществляется на двусторонней основе, в рамках Союзного государства, ЕАЭС и СНГ. Координация имеет как информационный характер в ходе разработки национальных программ и стратегий развития, так и предметно-секторальный - в виде согласованных разработки новых продуктов, их производства и реализации. Координация и совместные действия возможны и на отдельных стадиях инновационного цикла. В этой связи может быть полезна идея «центров технологического превосходства» выдвинутая в Беларуси, которая при реализации позволит более полно использовать преимущества креативной (на основе национальных технологических разработок) модернизации для самой Беларуси и для ее партнеров по ЕАЭС – России, Казахстана, Армении и Киргизии, а также заинтересованных стран СНГ.

Важным элементом координации и совместной деятельности становится кооперация в создании новых для стран производств. Такие предприятия совместно с РФ создаются в Казахстане. На базе Тихвинского вагоностроительного завода в Ленинградской области организуется совместная компания, которая будет иметь производства в Казахстане и России, что позволит увеличить выпуск новых вагонов различного назначения. «В Казахстане организовано сборочное производство комбайнов компании «Ростсельмаш», которое будет выпускать 500 комбайнов в год. В Усть-Каменогорске при участии тольятинского «Автоваза» создается предприятие полного цикла мощностью в 120 тыс. автомобилей в год» [2].

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) работает над налаживанием коммуникаций стран по поводу стратегий их развития. Одной из ведущих становится координация промышленной политики. В мае 2013 г. на уровне глав-правительств были приняты «Основные направления

координации национальной промышленной политики», а в сентябре 2015 г. - «Основные направления промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС. В них определяются следующие форматы движения по пути совместной или согласованной модернизации: координация национальных промышленных политик, евразийские технологические платформы, формирование евразийской сети трансфера технологий, инжиниринговые центры, ассоциации отраслевых производителей (по типу ассоциации фармацевтических производителей), цифровая трансформация промышленности и переход к цифровой экономике.

Евразийские технологические платформы (ЕТП) призваны организовать новую кооперацию в производстве новых продуктов. Это кооперация заинтересованных стран в научно-технической, инновационной и производственной сферах. ЕТП формируются посредством сотрудничества бизнеса (отраслевые промышленные предприятия, государственные компании), науки (научно-исследовательские институты, университеты, иные образовательные учреждения), государства (институты развития, профильные государственные органы) и общественных организаций (отраслевые ассоциации и объединения) государств–членов ЕАЭС. На основе секторально-отраслевых платформ с активным участием российских компаний совместно будут разрабатываться новые технологии и продукты, формироваться рынки этих продуктов [15].

Формирование евразийских технологических платформ – первый важный шаг в направлении усиления ориентации интеграции на модернизацию. В них заложен потенциал новой проэкспортной политики. Теперь важно, что бы эту инициативу ЕЭК активно поддержали российские ведомства (включили в свои планы и бюджеты), бизнес и его организации, учреждения науки, банки. Развитие горизонтальных связей фактически запустило бы механизмы проектной интеграции, которых не хватало до сих пор. Если эти механизмы заработают, то начнется саморазвитие интеграционного процесса. Пока же он в основном базируется на

интеграционном энтузиазме высших должностных лиц государств - участников. В то время как интеграционные действия должны происходить и на других уровнях государственного и регионального управления, бизнеса и некоммерческих организаций.

Успехи согласованной и совместной модернизации будет определяться нахождением баланса между свободой предпринимательской деятельности на всем интеграционном пространстве и национальными интересами, между национальной идентичностью и брендингом интеграционного объединения. О них будет свидетельствовать развертывание новых производств на основе межгосударственной кооперации и координации и одновременно формирование их рынков сначала в пределах ЕАЭС, СНГ, а затем и третьих стран.

Список литературы.

1. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Институт географии им. В.Б.Сочавы. Сибирское отделение РАН. Новосибирск. Изд. «ГЕО». 2008 г.

2. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Шурубович А.В Сотрудничество России и стран СНГ в контексте модернизации национальных экономик //Белорусский экономический журнал. 2016. №4. С.4-16.

3. Дянков С. Как не попасть в ловушку среднего дохода /Forbes. 06.02.2014//

4. [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/250548-kak-ne-popast-v-lovushku-srednego-dokhoda> (дата обращения 27.01.2017).

5. Киссинджер Г.: целью Запада является разрушение России. Взгляд. Деловая газета. [Электронный ресурс] URL: <http://vz.ru/news/2015/8/19/762145.html> (дата обращения 27.01.2017)

6. Кочетков В.В. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике. Вестник МГУ. Сер.25. Международные отношения и мировая политика. 2010. №1.

7. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. . Новая индустриализация как условие формирования устойчивого экономического роста стран ЕАЭС. Мир перемен. 2015. № 3.

8. Современные международные отношения. Ред. академик А.В. Торкунов. М.: РОСПЭН. 1999.

9. Тренин Д.В. Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке Pro et Contra. 2004 г. № 3.

10. Торкунов А. Современные международные отношения. М.: «Российская политическая энциклопедия». 1999. 584 с.

11. Россия 2010. Российские трансформации в контексте мирового развития. Горбачев-Фонд, Фонд «Новая Евразия», МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Логос. 2010 г.

12. 10 лет Содружества Независимых Государств: иллюзии, разочарования, надежды. Материалы международной научной конференции. ИМЭПИ РАН. М. 2001. С.8-10.

13. Прогноз социально-экономического развития России на 2017 г. и на плановый период 2018- 2019// Министерство экономического развития РФ. [Электронный ресурс] URL: [ps://docs.google.com/viewer?url=http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc/prognoz_2017_2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9dd9931d-3960-454c-a8dbec6fc1ab4bfc&embedded=true](https://docs.google.com/viewer?url=http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc/prognoz_2017_2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9dd9931d-3960-454c-a8dbec6fc1ab4bfc&embedded=true) (дата обращения 24.01.2017).

14. Данные Государственной службы статистики Украины.

15. Промышленная политика ЕАЭС: от создания к первым результатам. Ред. Сидорский С.С. ЕЭК. М. 2015. С.36-37

References.

1. Bezrukov L.A. The Continental-Oceanic Dichotomy in International and Regional Development. RAS Siberian Branch V.B.Sochava Institute of Geography. Novosibirsk: Editorial "GEO". 2008.
2. Diankov S. Kak ne popast v lovushku srednego dochoda [How not to get to a trap of the average income] Forbes. 06.02.2014// [Digital resource] URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/250548-kak-ne-popast-v-lovushku-srednego-dokhoda> (address date 27.01. 2017)
3. G. Kissinger: celju zapada javljaetsya razrushenie Rossii [G. Kissinger: the purpose of the West is a destruction of Russia] Vzglyad. Delovaja gazeta
4. [Digital resource] URL: <http://vz.ru/news/2015/8/19/762145.html> (address date 27.01.2017)
5. Kochetkov V.V. Identichnost v mezhdunarodnykh otnoshenijach: teoreticheskie osnovy I rol v mirovoy politike. Vestnik MGU. Ser.25. Mezhdunarodnye otnosheniya I mirovaya politika. 2010 N 1.
6. Lenchuk E.B.,etc Novaya industializaciya kak uslovie formirovaniya ustoychivogo ekonomicheskogo rosta. Stran EAES. Mir Peremen. 2015 N 3.
7. Torkunov A.V. [ed] Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya [Modern international relations], Moscow: Editorial ROSPEN. 1999.
8. Vardomskiy L.B., etc. Sotrudnichestvo Rossii i stran SNG v kontekste modernizacii nacionalnykh economic [Cooperation between Russia and The CIS countries in the context of modernization of the national economies] Belorusskiy ekonomicheskij zhurnal. 2016. № 4. P. 4 -16.
9. Trenin D.V. Identichnost' i integraciya: Rossija i Zapad v HHI veke Pro et Contra. 2004 g. № 3.
10. Torkunov A. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya. M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija». 1999. 584 s.

11. Rossija 2010. Rossijskie transformacii v kontekste mirovogo razvitija. Gorbachev-Fond, Fond «Novaja Evrazija», MShJe MGU im. M.V. Lomonosova. M.: Logos. 2010 g.

12. 10 let Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv: illjuzii, razocharovanija, nadezhdy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. IMJePI RAN. M. 2001. S.8-10.

13. Prognoz social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossii na 2017 g. i na planovyj period 2018- 2019// Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija RF. [Jelektronnyj resurs] URL: [ps://docs.google.com/viewer?url=http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc/prognoz_2017_2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9dd9931d-3960-454c-a8dbec6fc1ab4bfc&embedded=true](https://docs.google.com/viewer?url=http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc/prognoz_2017_2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9dd9931d-3960-454c-a8dbec6fc1ab4bfc&embedded=true) (data obrashhenija 24.01.2017).

14. Dannye Gosudarstvennoj sluzhby statistiki Ukrainy.

15. Promyshlennaja politika EAJeS: ot sozdanija k pervym rezul'tatam. Red. Sidorskij S.S. EJeK. M. 2015. S.36-37

Тенденции Российско-белорусских отношений и последствия для российских малых городов

Trends of the russian-belarusian relations and the consequences for the russian small towns

*Кузнецов С.В.,
д.э.н. профессор, Директор
Института проблем
региональной экономики РАН
Межевич Н.М.,
д.э.н. профессор,
главный научный сотрудник
Института проблем
региональной экономики РАН*

Рослякова Н.А.,
Младший научный сотрудник
Института проблем
региональной экономики РАН

Kuznetsov S.V.,
Doctor of Economics,
Professor, Director
Institute of Problems
Regional Economics of the RAS
Mezhevich N.M.,
Doctor of Economics, Professor,
Chief Researcher
Institute of Problems
Regional Economics of the RAS
Roslyakova N.A.,
Associate researcher
Institute of Problems
Regional Economics of the RAS

Аннотация. В статье анализируется сложившаяся ситуация, которая может быть охарактеризована как мощный комплекс вызовов для действующей модели экономического развития республики Беларусь. Причины подобных вызовов обнаруживаются на всех трех уровнях: мировом (европейском), постсоветском пространстве и в национальной экономике. Обозначается влияние как кризисных явлений в европейской экономике, которые выражаются в проблемах финансовых и фондовых рынков, а также в деиндустриализации, структурных ошибках в сельском хозяйстве, падении эффективности сферы обслуживания. С другой стороны рассмотрено влияние санкций на главного партнера Беларуси – Российскую Федерацию. Рассматриваются актуальные тенденции исследования по методу SWOT-анализа в приложении к городам. На основании такого анализа автор определяет ключевые параметры, с помощью которых можно охарактеризовать стратегический потенциал интеграционного развития. Для малых и средних городов проводится SWOT-анализ и делаются выводы о перспективах интеграции с Республикой Белоруссией отдельных городов.

Ключевые слова: экономическое развитие, российско-белорусские отношения, малые и средние города, SWOT-анализ.

Abstract. The article analyzes the current situation that can be described as a set of challenges to the current model of economic development of the Republic of Belarus. The reasons for these challenges are found at all three levels: international (European), the former post soviet union and in the national

economy. Refers to the impact of the crisis in the European economy, which are expressed in financial and stock markets, deindustrialization, structural errors in agriculture, the decrease in the efficiency of the service sector. On the other hand examines the impact of sanctions on the main partner of Belarus – Russian Federation. Examines current research trends by the method of SWOT-analysis of cities. Based on this analysis, the authors determine key parameters, to characterize the strategic potential of integration development. For small and medium-sized cities carried out SWOT-analysis and conclusions about the prospects of integration with the Republic of Belarus of individual cities.

Key words: *economic development, the Russian-Belarusian relations, small and medium-sized cities, the SWOT analysis.*

Начнем с наиболее масштабного. «Западные страны не только потеряли свои конкурентные преимущества, но и одновременно накопили несметное количество экономических и социальных проблем: непомерный уровень долгов на всех уровнях социальное напряжение в результате хронической безработицы и неудачной миграционной политики; мрачные демографические прогнозы» [10]. Об этом говорят прогнозы, статистические данные о состоянии мировой экономики.

В этом контексте экономика Беларуси, ориентированная на масштабные внешнеэкономические связи с Россией, оказалась под влиянием негативных процессов, протекающих в мировом, европейском и российском хозяйстве.

Кризис европейской экономики это не только проблемы финансовых и фондовых рынков, обусловленных мировым финансово-экономическим кризисом. Это деиндустриализация, структурные ошибки в сельском хозяйстве, падение эффективности сферы обслуживания. Все это создает предпосылки для ухудшения внешнеэкономических связей в западном направлении.

Не менее половины негативных предпосылок развития сложной ситуации в экономике Беларуси - это санкции против главного торгового партнера Беларуси, падение цен на нефть, девальвация российского рубля, сужение российского рынка. Все это привело к естественному и резкому

падению сбыта продукции на рынках ключевых партнеров Беларуси - России, Украины и Казахстана, всем постсоветском пространстве.

Россия является основным кредитором финансовой системы страны, кроме того существует сложная система дотаций проходящих через нефтяные акцизы и структурные фонды интеграции. Ухудшение положения в России, автоматически подрывает финансовые показатели Беларуси и неминуемо приведет к девальвации и инфляции, соответственно к ухудшению уровня жизни населения.

В этих условиях продолжают развиваться интеграционные процессы России и Белоруссии наиболее динамично развиваются среди всех государств постсоветского пространства. Основное внимание совместных программ уделено вопросам совместного развития в области транспорта, связи и информации, промышленности. Эти действия подкрепляются плотной работой в области СМИ, совместной культурно-образовательной и здравоохранительной деятельностью [5].

В республике введено понятие «нефтяной спрэд», представляющий собой разность между логарифмами цен на нефть в мире и для Беларуси. Фактически экономический рост в Беларуси определяется нефтяным спрэдом и характером движения ВВП России, иные же переменные не оказывают систематического воздействия на динамику национального ВВП [2].

Очевидно, что действия, осуществляемые на общегосударственном уровне в разной степени могут влиять на отдельные единицы экономики, в данном случае на города. SWOT-анализ как инструмент позволяет в стратегическом плане рассматривать различные аспекты, которые могли бы способствовать или препятствовать развитию интеграционных процессов.

Методика исследования была описана в работе [6]. Также были дополнительно исследован транспортный аспект интеграции малых и средних городов [7]. Проведенный анализ позволил выделить значительную группу достаточно высокоразвитых городов с высокой убылью населения. Можно назвать два существенных фактора, которые, так или иначе,

обуславливают данную ситуацию. Во-первых, близость Смоленской области к г. Москве, следовательно, и большие стимулы для переезда. Во-вторых, существенный отток из самых высокоразвитых городов обусловлен тем, что уровень заработных плат там выше, следовательно, накопить на переезд проще.

Далее выделяется группа самых малочисленных городов. Естественным следствием такого малого размера городов является их малая самостоятельности – для бюджета всех городов характерна крайне высокая доля безвозмездных поступлений из бюджетов других уровней. Можно отметить и крайне малое развитие банковского и страхового секторов в этих городах, по причине крайне незначительной экономической деятельности.

Следующую группу городов отличает крайне высокий уровень цен, все города расположены в Брянской области. Важно отметить, что все города данной группы являются промышленно развитыми, имеющими крупные в масштабах области и ЦФО предприятия. Тем не менее, являясь довольно крупными городами с развитой социальной и рыночной инфраструктурой, с наличием крупного производства – они в состоянии привлекать население (имеют миграционный приток), который вероятнее всего носит трудовой характер.

Следующая характерная группа городов имеет неблагоприятную жилищную обстановку. Следствием является высокий уровень оттока населения. Также не последнюю роль в стимулировании оттока населения играет положение Псковской области, северная часть которой приближена к г. Санкт-Петербург, а южная к г. Москва. Примечательно, что для данных городов факторы профицита бюджета и высокой доли собственных доходов не вызывают позитивных тенденций (из 10 городов с самой высокой долей собственных доходов в бюджете города, 9 входят в данную группу).

Среди общих выводов можно назвать большое влияние субъектной принадлежности на проявляющиеся для городов угрозы: так для Смоленской области критичной оказывается близость г. Москвы; для Псковской области

– слабая социальная политика (в первую очередь, в жилищной сфере); для Брянской области – относительно более высокие издержки. При этом наблюдаются города, которые в состоянии, и привлекать население, и развивать социальную сферу.

В последние годы в условиях низких цен на сырую нефть и высоких на конечные продукты увеличилась доля нефтехимической отрасли в ВВП Республики Беларусь. В 2009 г. нефтепереработка и химическое производство создавали 4,7% ВВП, в 2012 г. - 7,7%. В 2013 не менее 8,0%. Например, в 2013 г. доля экспорта товаров и услуг Мозырского НПЗ и «Нафтана» в общем экспорте страны составила 16%. Многие крупные нефтехимические предприятия изначально являлись конечным технологическим звеном для переработки российского энергетического сырья перед его экспортом за рубеж, и рост цен на них позволил им получить больше прибыли и даже начать реконструкцию.

Белорусские экономисты считают, что падение ВВП России на 1% автоматически уменьшает ВВП Беларуси на 0,8%, однако, это лишь первичная реакция. С учетом примерно трехквартального временного лага, и при отсутствии механизмов выравнивания действующих в настоящее время, ситуация будет обратная: падение ВВП в России на 0,8% - падение ВВП Беларуси на 1-1,2%. Данное обстоятельство в иных пропорциях признают и белорусские экономисты: «ВВП прямо или косвенно наполовину зависит от России» [9]. Да, в 2015 году динамика ВВП в России вряд ли существенно повлияет на выполнение утвержденного в Беларуси прогноза экономического роста (на уровне 0,2—0,7%). Это связано с тем, что спрос на качественное белорусское продовольствие и нефтепродукты, которые поставляются в Россию, действительно сохранится, но ведь это далеко не вся совокупность взаимных финансовых и экономических отношений.

Далее, опишем остальные ключевые особенности развития национальной экономики, признаки ее переходного состояния, характер реализуемой экономической модели.

Беларусь проводит политику «социального государства» в ее скандинавском теоретическом варианте, но, не имея финансовых возможностей в душевом измерении Швеции и Финляндии. Низкая производительность труда, отстающая от постиндустриальных и эффективных индустриально развитых государств в 1,5 - 2 раза не позволяет подвести под задачи социального развития адекватную базу. Отсюда невысокая заработная плата и наличие признаков «уровнировки» при ее установлении. Однако в последние годы повышение доли затрат на трудовые ресурсы в выручке сократило чистую прибыль и ухудшило конкурентные позиции Республики Беларусь по сравнению со странами, имеющими схожие технологии, но более дешевую рабочую силу. Эти восточные страны проводят структурные реформы и улучшают свои рынки и институты, что повышает их конкурентоспособность. Из-за январского обвала (2015 года) долларовой эквивалент средней заработной платы в Беларуси за последние 7 лет увеличился лишь на 16,0%, а по сравнению с декабрем 2010-го, «зарплата в долларах» стала меньше на 22,9%. Такая, как в январе 2015-го, долларовая зарплата была не только в начале 2012-го, но и летом 2010-го года, а также в середине 2008-го.

Низкая средняя зарплата в стране не дает возможности развиваться сфере услуг, что заставляет власти все больше усиливать социальную составляющую. Большая часть населения имеет такую низкую зарплату, что не может оплачивать по полной рыночной стоимости – услуги ЖКХ, строительство жилья, услуги здравоохранения, образования, общественного транспорта, услуги спортивных комплексов. В бюджетах семьи около 50% расходов идет на питание и одежду, что является показателем низкого уровня жизни в стране. Александр Готовский, зам. директора Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, справедливо отмечает, что номинальная зарплата в 500 долларов при относительно низком сопоставимом уровне цен в Беларуси по сравнению с развитыми странами, по своей покупательной способности соответствует уровню стран

Центральной Европы и стран Балтии [3]. Отметим также то, что реальная экономическая жизнь в республике в определенной степени идет в долларовом измерении. По степени долларизации, количеству долларов на руках у населения (в душевом измерении) Беларусь как минимум не уступает Украине¹, а это не тот результат, которым можно и нужно гордиться. Административное регулирование денежных доходов населения и цен на товары первой необходимости в той или иной степени применяется во всех постсоветских государствах кроме стран Прибалтики, однако частью национальной модели оно стало в Беларуси, частично в Казахстане и России.

Сохранение крупного государственного сектора во всех основных отраслях экономики в республике часто подвергается критике. Однако справедливо указывается на то, что, не решившись на масштабную приватизацию крупного госсектора в первой половине 90-х гг., Беларусь избежала массового вывода производственных активов за рубеж, как это, например, произошло в России. Это позволило поддерживать большинство предприятий в рабочем состоянии, сохранив их производственные мощности и персонал. Идеология и практика дикого либерализма практически не прижилась на белорусской земле. К сожалению, в России «в начале 90-х годов псевдолибералы призывали государство вообще уйти из экономической жизни. Это привело к тому, что появилась группа лиц, присвоивших при антинародной приватизации природные богатства страны, ее экономический потенциал и претендовавших на власть в России. В результате российская экономика потеряла за 90-е годы больше, чем за время Второй мировой войны» [4].

Тем не менее, сегодня в Беларуси имеется определенное несоответствие системы управления экономикой изменившейся структуре отраслей (с выросшей сферой услуг) и форм собственности (с паритетом

¹ С 1 января 2015 года Министерство по налогам и сборам РБ получает данные по покупателям валюты, а банки обязаны предоставить эту информацию. Валовой объем продажи валюты населением в марте 2015 года (\$746 млн)

частной и государственной собственности). За более чем двадцать лет в структуре экономики Беларуси выросла сфера услуг. В 1990 г. услуги занимали 29% в ВВП, а сфера производства - 69%, в 2000 г. услуги - 38,6 и 48,7% соответственно, в 2013 г. - 44,8 и 44,9%. В свою очередь, сегодняшняя система регулирования экономикой концентрируется в основном на предприятиях, которые относятся к обрабатывающей промышленности. В настоящее время организации негосударственной формы собственности по многим параметрам оказывают паритетное влияние на социально-экономическое развитие страны. Если в 1990 г. негосударственных предприятий практически не было, то в 2013 г. организации без доли государства создавали 49,5% ВВП, столько же, сколько и госсектор. Кроме того, в 2013 г. частный сектор давал 58,4% всего экспорта страны и обеспечивал занятостью 49,4% всех трудовых ресурсов [8]. По сути сегодня для предприятий в госсобственности и частных предприятий государство предполагает разные модели банкротства, что позволяет государственным предприятиям существовать с сезонной, а иногда и хронической убыточностью.

В этой связи требуется регулирование, охватывающее не только отдельные госпредприятия (через доведение и контроль показателей), а все формы экономических отношений (через нормативно-правовую базу и контроль за ее исполнением). Отсутствие такого регулирования, в ряду других проблем, привело к тому, что падение ВВП в I квартале 2015 года составило 2,0%. Однако, за первые два месяца показатель был минус 0,6%. Значит, в марте белорусская экономика сократилась на 4,5% - самое значительное месячное снижение с 2009-го года.

Далее отметим то, что белорусская экономика за последние годы претерпела переход от преимущественно интенсивного к преимущественно экстенсивному типу экономического роста, где на 1% количественного роста приходится всего 0,82% роста продуктивности [1]. Высокая материалоемкость белорусской промышленности, при низком тех-

нологическом уровне производства трудно решаемая проблема в рамках действующих экономических практик.

Длительное эмиссионно-инфляционное финансирование в республике сопровождается дорогими кредитами, что в условиях падения экспорта ведет к убыткам и остановке предприятий, торможению экономического роста. Накапливающиеся проблемы на макроуровне сформировали предпосылки для разрушений на микроуровне: в 2014 г. ставки по кредитам были более 30%, а рентабельность реализованной продукции - около 10%, что ведет к росту убыточных предприятий. При текущем уровне инфляции проблема не решается. Прогноз уменьшения инфляции ниже 16% в 2015 году расчетно не подтверждается. Белорусская экономическая модель предполагает наличие и использование механизма девальвации для поддержания ценовой конкурентоспособности белорусской экономики. Вслед за классиками неокейнсианства отметим, что высокий уровень инфляции сам по себе проблемой не является при условии адекватного роста доходов населения.

Подведем промежуточные итоги. В существующей форме белорусская экономическая модель может существовать при значимой российской поддержке. Решением проблемы повышения конкурентоспособности мог бы стать новый комплекс мер социально-экономической и политической интеграции в рамках Евразийского Союза и Союзного государства. Переход от патерналистской, ресурсной модели развития экономики к постиндустриальной и инновационной не возможен как в Беларуси без России, так и в России без Беларуси. Проблема в том, как совместить политический суверенитет с объективными требованиями экономики. Поиск конкретной интеграционной модели необходим, вектор взаимной интеграции очевиден.

Список литературы.

1. Власенко, М.Н. Оценка качественной составляющей экономического роста республики Беларусь. Белорусский экономический журнал, 2, 2011106.

2. Власенко, М. Нефтяной спред как фактор развития белорусской экономики. Банкаўскі веснік, 2015. 3/620.
3. Готовский, А.В.. Политика повышения заработной платы в контексте сбалансированности экономики. Белорусский экономический журнал, 2, 2011. 31-42.
4. Примаков Е.М., Современная Россия и либерализм. [Электронный ресурс]. Доступ: <http://www.rg.ru/2012/12/17/primakov.html> 17.12.2012 (Июль 14, 2017).
5. Рослякова, Н.А., Межевич, Н.М. Основные тенденции интеграционных процессов Республики Беларусь и России в контексте евразийской интеграции. Вестник экономической интеграции, 7(76), 2014. 146-152.
6. Рослякова, Н.А. Исследование потенциала интеграции российских малых и средних городов и Республики Белоруссии (по методу SWOT-анализа). Экономика и предпринимательство, 11-1, 2015. 834 – 839.
7. Рослякова, Н.А. Влияние транспортной инфраструктуры на экономическое развитие малых и средних городов (SWOT-анализ). Друкеровский вестник, 2(10), 2016. 42-46.
8. Рудый, К.В. Структурные экономические реформы: необходимость для республики Беларусь и зарубежный опыт. Белорусский экономический журнал, 1, 2015. 32.
9. Снопков Н. ВВП Беларуси наполовину зависит от России. [Электронный ресурс]. Доступ: http://belapan.com/archive/2014/12/11/746092_746092/ (Июль 14, 2017).
10. Хеллевиг Йон Закат Запада. [Электронный ресурс]. Доступ: <http://www.hellevig.net/why-the-west-is-destined-to-decline.asp> (Июнь 25, 2017).

Reference.

1. Vlasenko, M.N. Ocenka kachestvennoj sostavljajushhej jekonomicheskogo rosta respubliki Belarus'. Belorusskij jekonomicheskij zhurnal, 2, 2011:106.
2. Vlasenko, M. Neftjanoj sprjed kak faktor razvitija belorusskoj jekonomiki. Bankaŭski vesnik, 2015. 3/620.
3. Gotovskij, A.V.. Politika povyshenija zarabotnoj platy v kontekste sbalansirovannosti jekonomiki. Belorusskij jekonomicheskij zhurnal, 2, 2011. 31-42.
4. Primakov E.M., Sovremennaja Rossija i liberalizm. [Jelektronnyj resurs]. Dostup: <http://www.rg.ru/2012/12/17/primakov.html> 17.12.2012 (Ijul' 14, 2017).
5. Rosljakova, N.A., Mezhevich, N.M. Osnovnye tendencii integracionnyh processov Respubliki Belarus' i Rossii v kontekste evrazijskoj integracii. Vestnik jekonomicheskoi integracii, 7(76), 2014. 146-152.
6. Rosljakova, N.A. Issledovanie potenciala integracii rossijskih malyh i srednih gorodov i Respubliki Belorussii (po metodu SWOT-analiza). Jekonomika i predprinimatel'stvo, 11-1, 2015. 834 – 839.
7. Rosljakova, N.A. Vlijanie transportnoj infrastruktury na jekonomicheskoe razvitie malyh i srednih gorodov (SWOT-analiz). Drukerovskij vestnik, 2(10), 2016. 42-46.
8. Rudyj, K.V. Strukturnye jekonomicheskie reformy: neobhodimost' dlja respubliki Belarus' i zarubezhnyj opyt. Belorusskij jekonomicheskij zhurnal, 1, 2015. 32.
9. Snopkov N. VVP Belarusi napolovinu zavisit ot Rossii. [Jelektronnyj resurs]. Dostup: http://belapan.com/archive/2014/12/11/746092_746092/ (Ijul' 14, 2017).
10. Hellevig Jon Zakat Zapada. [Jelektronnyj resurs]. Dostup: <http://www.hellevig.net/why-the-west-is-destined-to-decline.asp> (Ijun' 25, 2017).

**Малые города в системе расселения Российско-Украинского
приграничья**

Small cities in the system of settlement of the Russian-Ukrainian frontier

Попкова Л.И.,

заведующая кафедрой

экономической и социальной географии

Курского государственного университета

Россия, г. Курск

Popkova L.I.,

Head of Department

economic and social geography

Kursk State University

Russia, Kursk

Аннотация. В статье устанавливается взаимосвязь между характером пространственной организации городского расселения и распределением населения между городами различного уровня иерархии для оценки оптимальности их размещения в российско-украинском приграничье. На основе правила Дж. Ципфа обнаружены отклонения в людности городов при идеальном и реальном их распределении. Выявлено, что система расселения российско-украинского приграничья не представляет собой единого социально-экономического пространства, а складывается из обособленных областных систем расселения. Их анализ выявил, что людность большинства городов российско-украинского приграничья значительно ниже расчётной, что теоретически должно привести к росту численности населения в них при фактически наблюдаемой депопуляции. При рассмотрении размещения малых городов картина кардинально меняется и соответствует реальной, отражающей тотальное сокращение численности населения, как за счёт естественной убыли, так и за счёт миграционного оттока в крупные города. Нестабильность областных систем городского расселения, обусловлена незавершённостью процесса урбанизации. В российско-украинском приграничье отсутствует чётко выраженное соответствие между урбанизированными системами различных иерархических уровней. Степень расхождения изменяется в направлении с северо-запада на юго-восток.

Ключевые слова: система городского расселения, малый город, правило Ципфа, российско-украинское приграничье.

Abstract: The article establishes the relationship between the nature of the spatial organization of urban settlement and the distribution of the population between cities at different levels of the hierarchy to assess the optimality of their

location in the Russian-Ukrainian border area. Based on the J. Zipf's rule, deviations in the urban population of cities with an ideal and real distribution were found. It was revealed that the system of resettlement of the Russian-Ukrainian borderland does not represent a single social and economic space, but consists of isolated regional settlement systems. Their analysis revealed that the population density of most cities of the Russian-Ukrainian borderland is much lower than the calculated one, which theoretically should lead to an increase in the population in them at the actually observed depopulation. When considering the location of small towns, the picture changes radically and corresponds to the real one, reflecting the total population decline, both due to natural loss, and due to migration outflow to large cities. The instability of regional urban settlement systems is due to the incompleteness of the urbanization process. In the Russian-Ukrainian borderland there is no clearly expressed correspondence between urban systems of different hierarchical levels. The degree of divergence varies from northwest to southeast.

Key words: *urban settlement system, small cities, Zipf's rule, Russian-Ukrainian borderland.*

Городское расселение в России численно преобладает и составляет примерно $\frac{3}{4}$ всего населения. Характерные черты многих городов отражают миграционные приоритеты населения, которые в течение XX века превратили крестьянскую сельскую страну в промышленную и городскую. Однако до настоящего времени не сформировалось глубокого понимания сути города, его роли в жизни государства и его территориальной организации. Потенциал городов как точек роста, как средства модернизации страны, совершенствования ее территориального устройства должным образом не используется [3].

Географические рамки исследования ограничиваются пятью областями Российской Федерации, имеющими непосредственный выход к сухопутной государственной границе с Украиной. Это Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская и Ростовская области, входящие в состав двух федеральных округов – Центрального и Южного. Достаточная протяжённость территории российско-украинского приграничья с северо-запада на юго-восток делает корректным распределение этих субъектов федерации между тремя районами приграничья – северным (Брянская область), центральным (Курская, Белгородская и Воронежская области) и южным (Ростовская область),

которые различаются по очень многим признакам, в том числе и по характеру городского расселения [4].

В статье рассматривается численность городов по состоянию на 2016 год, но в ряде случаев принимается во внимание их динамика, начиная с 1991 года, когда области приобрели статус приграничных. Расчёты выполнены по данным федеральной службы государственной статистики [5].

В российско-украинском приграничье, представляющем «фасад» государства, а также возможности для взаимодействия между странами, эти показатели несколько ниже. Они варьируют от 63,7 % в Воронежской до 69,1 % - в Брянской областях. Фактическая доля городского населения не отражает реальную ситуацию, если рассматривать город по строгим канонам урбанистики. Не все города соответствуют установленной людности. В российско-украинском приграничье каждый четвёртый город имеет численность населения ниже 12 тысяч. Но даже те города, которые соответствуют показателю людности, не имеют достаточных объёмов и разнообразия промышленного производства, часто ограничивающегося переработкой сельскохозяйственного сырья.

Следствием небольшой численности населения, слабо развитой промышленности, а также стремительности урбанизации, которая привела к массовым переселениям из сельской местности в города, стало сохранение «негородского» уклада жизни, проявляющегося, в частности, наличием приусадебных участков, содержанием сельскохозяйственных животных, отсутствием городской инфраструктуры. По некоторым оценкам, в российских городах более 60% жилого фонда представлены застройками сельского типа.

Для придания стройности представлениям о городах, которые играют важную роль в территориальной структуре российско-украинского приграничья, воспользуемся моделью распределения населения между поселениями различного уровня иерархии, известной под названием правило Ципфа («ранг-размер») [15]. Как и любая модель, это правило имеет ряд

обязательных условий. Из важных для целей нашего исследования, назовём наличие экономических связей между городами различного иерархического уровня. Отметим, что российско-украинское приграничье не представляет собой единого социально-экономического пространства, а складывается из систем городского расселения входящих в его состав областей.

Исследование базируется на использовании географического (пространственного, хорологического, территориального) подхода, ядром которого выступает представление о взаимосвязи в пространстве. Развитием этого подхода является принцип регионализма, при котором в рамках определенных границ проявляется специфическое территориальное единство взаимодействия природной среды, человека и его деятельности.

Исследование взаимосвязи между характером пространственной организации городского расселения и распределением населения между городами различного уровня иерархии проводилось на основе закономерности, которая незаслуженно носит имя Дж. Ципфа. Она проверена временем и доказала своё право на существование, пройдя проверку в различных областях знания. Будучи первоначально описанной французом Ж.-Б. Эсту в 1908 г. в приложении к стенографии [7], она нашла своё продолжение в исследованиях немца Ф Ауэрбаха в 1913 г. уже для описания распределения размеров городов [8]. Американец Дж. Ципф вошёл в историю благодаря активному распространению информации о данной закономерности, впервые предложив использовать её в экономике и социологии.

Сущность правила Ципфа заключается в простой связи: если территория представляет собой целостный экономический район, население каждого города стремится быть равным численности населения самого крупного города системы, деленной на порядковый номер данного города в ранжированном ряду [15]. Применение правила «ранг-размер» позволяет оценить оптимальность системы расселения, что привлекло внимание многих исследователей [9; 11; 12; 13;14].

Однако есть у этой модели и критики, оценивающие эту закономерность как чисто статистический феномен, а американский социолог Р. Флорида считает, что в России использование этого правила некорректно, поскольку в империях и плановых экономиках «закон Ципфа» не работает [10]. В данном случае для нас важен не факт совпадения, а величина и направленность отклонения реального размера городов от расчётного, чтобы оценить эффективность расселения, выявить тенденцию и наметить пути решения проблем, возникающих вследствие неравномерности распределения городов. В данной статье правило Ципфа рассматривается как один из приёмов для количественной проверки (подтверждения или опровержения) качественных характеристик расселения.

Реальное городское расселение рассматривается как результат взаимодействия природных, исторических и экономических факторов. Чем ближе идеальная (расчётная) и реальная картина, тем более сбалансированной и стабильной считается городская система. Сравнение двух трендов, - модельного и настоящего, позволяет сделать вывод о важнейших закономерностях социально-экономического развития территории, а в случае с приграничьем, - представительностью «фасада» страны и его готовности к взаимодействию, потенциале интеграции.

При исследовании города важно принимать во внимание его феноменальную сложность как открытой системы, изменчивость и динамизм, разнообразие форм, связи с другими городами и с окружающей сельской местностью. Несмотря на это, а, может, и в связи с этим, современная урбанистика не сформулировала чёткого определения понятия «город». Все существующие в настоящее время дефиниции в той или иной степени могут быть подвержены критике.

Этимология рассматриваемого нами типа населённых пунктов свидетельствует о том, что город представляет собой некоторое замкнутое, изолированное пространство, ограждённое крепостной стеной. В толковом словаре живого великорусского языка [2] город рассматривается как «...

Крепость, крепостца, укрепленное стенами место внутри селения, кремль. Селение, обнесенное городьбой, городок». Крепостные стены выполняли защитную, оборонительную функцию, чем привлекали население. Данный признак, как и выполняемая им функция, в настоящее время если не полностью утратили, то существенно снизили своё значение.

Города отличаются от сельской местности плотностью застройки и занимают настолько обширное пространство, что Макс Вебер определил его как отсутствие специфического для общества соседей личного знакомства друг с другом [1]. Из этого следует необходимость определить, насколько большой должна быть величина или людность города.

Разнообразие взглядов на этот показатель достигает критических величин. По классификации ООН городские поселения делятся следующим образом: самые малые (до 5 тыс. жителей); малые (5 - 20 тыс. жителей); полусредние (20 - 50 тыс. чел.). Отечественные исследователи в основном придерживаются группировки, согласно которой малым городом мы будем считать населённое место с людностью до 50 тысяч жителей.

В российско-украинском приграничье людность малых городов варьирует от почти максимальной в данной группе – г. Донецк Ростовской области (48,7 тысяч жителей) до г. Злынка Брянской области (5,5 тысяч человек) т.е. с разницей почти в 9 раз! Из этого следует большое разнообразие малых городов, как по хозяйственной специализации, так и по выполняемым функциям и внешнему облику.

В размещении малых городов отчётливо проявляется устойчивый пространственный тренд, который выражается в изменении показателей с северо-запада на юго-восток. Естественной основой этого тренда выступают природные условия, которые изменяются от лесной зоны к лесостепи и степи.

Малые города российско-украинского приграничья возникли в разные исторические периоды, и отражают последовательность заселения и освоения территории. На северо-западе чаще встречаются древние

домонгольские города, возникшие в качестве крепостей на оборонительных линиях. В центральном приграничье преобладают города времён освоения «Дикого поля» и учреждения городов-крепостей в результате Екатерининской административной реформы. На юго-восточном участке приграничья нарастает доля молодых городов советского времени.

Малые города разнообразны по представленным типам. Это и местные «столицы», обслуживающие окружающие их районы, и промышленные центры разной специализации, нередко обладающие монопрофильностью. В городском расселении российско-украинского приграничья достаточно чётко прослеживается смена форм расселения. На северо-западе наблюдается редкая сеть малых городов, а на юго-востоке преобладают агломерированные формы расселения.

В условиях российско-украинского приграничья (особенно северной и центральной его частей) города очень тесно связаны с сельской местностью и обладают спецификой, зачастую не позволяющей относить даже крупные города к истинным [6], настоящим городам. По оценкам учёных, население каждого третьего города в России ведёт сельский образ жизни, а среди малых городов исключение составляют только промышленные моногорода.

Относительно низкая доля городского населения в российско-украинском приграничье сложилась вследствие особенностей природно-ресурсного потенциала (почвенных и агроклиматических ресурсов) и связанной с этим сельскохозяйственной специализации территории.

Российско-украинское приграничье, занимая площадь в 245190,5 кв.км, вмещает около 10,5 миллионов человек. На его территории расположено 75 городов. Из них – 2 города-миллионера (Ростов-на-Дону и Воронеж), 4 крупных города – это областные центры Курск, Брянск, Белгород и промышленный центр Ростовской области - Таганрог. В российско-украинском приграничье отсутствуют города второго по величине уровня иерархии – в данном случае – крупнейшие – от 500 тыс. до 1 млн. (рис. 1).

На исследуемой территории разместилось 6 больших городов – Старый Оскол (Белгородская область и 5 городов Ростовской области – Шахты, Волгодонск, Новочеркасск, Батайск, Новошахтинск. Следующими по списку следуют 10 средних городов – Губкин (Белгородская область), Клинцы (Брянская область), 3 города Воронежской области – Борисоглебск, Россошь, Лиски, город Железнодорожник (Курская область) и 4 ростовских центра – Каменск-Шахтинский, Азов, Гуково, Сальск.

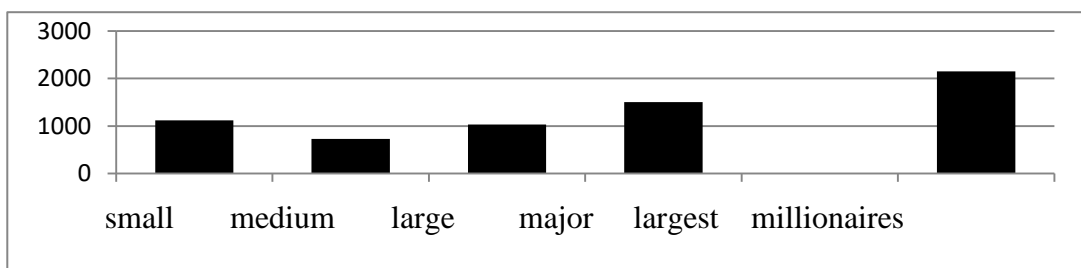

Fig. 1. The number of population, living in different cities, thousands of people (2016)

Самую многочисленную группу приграничных российско-украинских городов составляют малые – всего их – 53 (табл. 1).

Города Ростовской области - самые многолюдные в приграничье, что обусловлено, с одной стороны, промышленной специализацией территории, а с другой – географическим положением региона, обеспечивающим постоянный приток мигрантов.

В малых городах приграничья проживает 1117,6 тыс. чел., что составляет 17% всего городского населения приграничья, т.е. каждый шестой городской житель – обитатель малого города. Как следует из таблицы, 25% от всех малых городов приграничья не соответствуют критерию людности, принятому в РФ.

Распределение населения по городам с разной людностью свидетельствует о том, что более 32% горожан предпочитают города-миллионеры, 23% - крупные города. Таким образом, более 50% городского населения проживает в городах с численностью населения более 250 тыс. чел.

Таблица 1. Численность населения малых городов российско-украинского приграничья

Город	Численность населения, тыс. чел. (2016 г.)	Город	Численность населения, тыс. чел. (2016 г.)	Город	Численность населения, тыс. чел. (2016 г.)
Белгородская область		Брянская область		Воронежская область	
Шебекино	42,9	Новозыбков	40,6	Острогожск	32,8
Алексеевка	38,6	Дятьково	27,2	Нововоронеж	31,5
Валуйки	34,1	Унеча	24,2	Семилуки	26,7
Строитель	24,3	Стародуб	18,9	Павловск	25,2
Новый Оскол	18,9	Карачев	18,2	Бутурлиновка	24,9
Бирюч	7,2	Жуковка	17	Бобров	20,4
Грайворон	6,5	Сельцо	16,8	Калач	19,2
Короча	5,9	Почеп	16,7	Поворино	17,2
Ростовская область		Трубчевск	13,8	Богучар	11,2
Донецк	48,7	Фокино	13,1	Эртиль	10,6
Аксай	44,3	Сураж	11,1	Новохоперск	6,3
Белая Калитва	41,2	Мглин	8,2	Курская область	
Красный Сулин	39,0	Севск	6,8	Курчатов	38,9
Миллерово	35,6	Злынка	5,5	Льгов	19,5
Морозовск	25,8			Рыльск	16,2
Зерноград	24,7			Щигры	15,7
Семикаракоиск	22,3			Обоянь	13,4
Зверево	19,9			Дмитриев-Льговский	6,8
Пролетарск	19,5			Фатеж	6,0
Константиновск	17,4			Суджа	5,6
Цимлянск	14,6				

В результате обработки статистических данных и расчётов для построения кривой Ципфа, был проведён анализ получившихся графиков распределения всех городов российско-украинского приграничья по уровням иерархии для областных систем расселения российско-украинского приграничья (рис. 2).

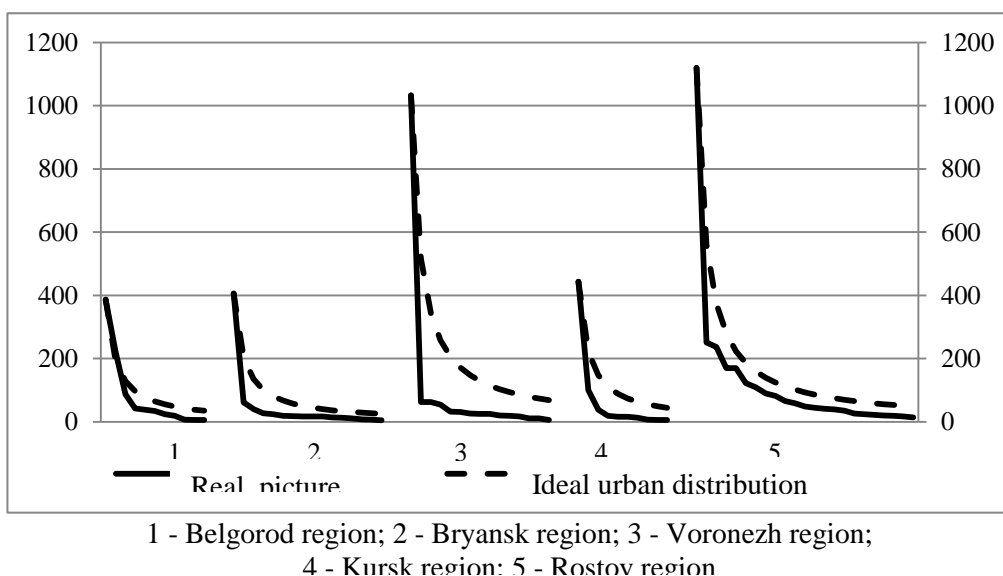

Fig. 2. Distribution of cities by regions of the Russian-Ukrainian borderland according to their rank and size (2016)

Анализ графиков подтверждает присущую российско-украинскому приграничью неравномерность распределения городов, наличие рангового разрыва и отсутствие четкой иерархичности. Продолжается действие центростремительных тенденций, приводящих к нарастанию пространственной концентрации населения в городах высших рангов вследствие миграции населения в более крупные города. Этот процесс характеризуется непрерывностью и теоретически должен закончиться депопуляцией мест с низким уровнем экономического развития и социальной инфраструктуры. Однако практически этого не происходит.

Для северного и центрального приграничья в течение длительного времени характерен постоянный отток населения, который обессилил регион. Ослабленная миграциями территория не смогла «поднять» свои города, кроме областных центров и совсем небольшого числа других городов. Новые города явились не результатом развития «своей» территории, а следствие решения общегосударственных задач – освоения КМА и формирования ЕЭС.

Существующая на протяжении многих десятилетий тенденция снижения численности населения малых городов в итоге не приводит к изменению их статуса. Фактически функционируя как крупные сельские

поселения, они продолжают юридически оставаться городами. В истории развития российско-украинского приграничья можно проследить периоды, в которых происходило массовое изменение статуса городов, утративших возможности дальнейшего развития в связи с изменением функций.

Значительную роль в изменении состава и размещения городов сыграла административная реформа 1775-1785 гг., в результате которой была сделана попытка охватить территорию страны сетью городов – центров управления. Более или менее равномерное распределение городов по территории, создание иерархически построенной сети «центральных мест» с преимущественно административными и торговыми функциями, определили многие особенности сети городов.

Ко времени реформы 1775-1785 гг. необходимость перестройки сети городов в пределах современных приграничных территорий Черноземья была особенно настоятельной. Старые города-воины, потеряв военное значение, далеко не всегда были удобны для выполнения новых обязанностей, которые возлагались на города реформой. Поэтому значительная их часть была «разжалована». Из городов на линиях не получили подтверждения городского статуса или же были переведены «за штат»: Усерд, Верхососенск, Урыв, Ольшанск, Орлов, Сокольск, Добрый, Палатов и др.

Были упразднены и переведены в заштатные 18 городов, но почти столько же было образовано. Двадцати трем поселениям подтвержден городской статус. Из вновь учрежденных городов так и «не состоялось» шесть. В 1802 г. Богатый и Ливенск были переведены в заштатные.

Эпоха железнодорожного строительства усилила линейностремительные тенденции в развитии расселения. Все областные города оказались на железной дороге. Малые города разделились на две части: а) на дороге; б) в стороне от нее. Значительная часть уездных центров, которые остались в стороне от железных дорог, оказалась экономически несостоятельной. Так, вне железных дорог, в межмагистральном

пространстве оказались Трубчевск, Фатеж, Тим, Грайворон, Павловск, Бирюч, Нижнедевицк, Землянск.

Функции уездных центров – пунктов сбора, отправления и частичной переработки продукции окружающего района, мест торговли в половине случаев стали выполнять крупные села и пристанционные поселки, развивавшиеся со временем в «истинные города». Вместо тех городов, которые были отодвинуты железнодорожным строительством на задний социально-экономический план, появились пристанционные города – Лиски, Шебекино, Алексеевка, Россошь и др.

В настоящее время возможными путями преодоления территориальных диспропорций могут служить перераспределение населения между различными по иерархии городами. Например, сдерживание роста центрального города за счёт стимулирования развития крупных, средних и малых городов. Однако в каждом отдельном случае это требует тщательного анализа, выстраивания научно обоснованных долгосрочных тенденций и комплексных инвестиционных проектов с прогнозированием всех возможных негативных последствий.

Построение кривой Ципфа отдельно для малых городов, которым в нашей статье уделяется особое внимание, обнаружило совершенно противоположную тенденцию (рис. 3). Если принять во внимание как первый ранг людность самого крупного из малых городов в каждой из приграничных областей, получится, что для большинства малых городов кривая Ципфа находится ниже графика реального распределения, поэтому следует ожидать проявление тенденции продолжающегося сокращения численности и людности малых городов за счёт миграции в крупные города.

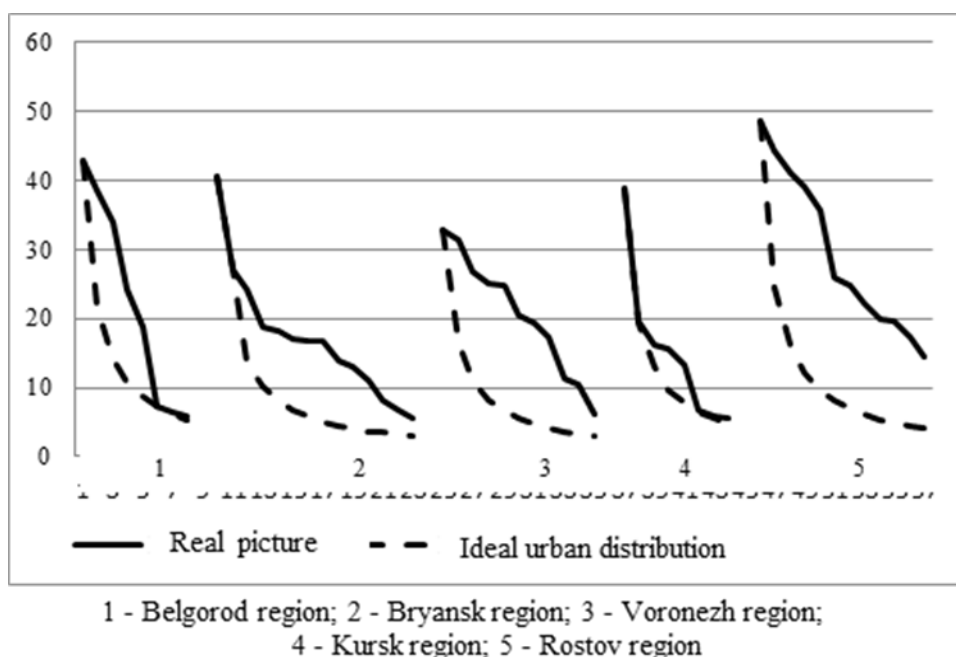

Fig. 3. Distribution of small cities by regions of the Russian-Ukrainian borderland according to their rank and size (2016)

В данном случае для системы малых городов каждой из областей российско-украинского приграничья характерен свой сценарий. И по расчётному распределению уже 72% малых городов не будут соответствовать критерию людности. Это означает, что существует некоторое оптимальное количество малых городов, при котором они будут оптимально выполнять возложенные территориальной организацией региона функции. В российско-украинском приграничье таким оптимальным числом малых городов по расчётам будет примерно 4-5.

Наблюдается несоответствие между неоправданно высокой концентрацией населения в крупных городах, и разреженной сетью городов более низких рангов.

Согласно правилу Ципфа, в каждой группе городов сокращается средняя численность жителей и интервал между нижележащими рангами. Стабильные города высоких рангов выполняют функции центральных мест региона, выполняющих обслуживающие и транспортные функции по отношению к городам более низких рангов. При реальном распределении

городов по рангу, ось, на которой обозначена кривая численности населения, стремится к нулю.

На основе правила Дж. Ципфа обнаружены различия в модельной и реальной людности городов различных иерархических уровней. Подтверждено, что система расселения российско-украинского приграничья не представляет собой единого социально-экономического пространства, а складывается из обособленных областных систем расселения. Их анализ выявил, что людность большинства городов российско-украинского приграничья значительно ниже расчётной, что теоретически должно привести к росту численности населения в них при фактически наблюдаемой депопуляции.

При рассмотрении размещения малых городов картина кардинально меняется и соответствует реальной, отражающей тотальное сокращение численности населения, как за счёт естественной убыли, так и за счёт миграционного оттока в крупные города. Нестабильность областных систем городского расселения, обусловлена незавершённостью процесса урбанизации. В российско-украинском приграничье отсутствует чётко выраженное соответствие между урбанизированными системами различных иерархических уровней. Степень расхождения изменяется в направлении с северо-запада на юго-восток.

Система городского расселения российско-украинского приграничья представлена пятью из шести уровней иерархии по людности. В системе отсутствуют крупнейшие города с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн. человек.

Городское расселение российско-украинского приграничья характеризуется разреженной сетью с высокой долей малых городов, в которых проживает 17% городского населения приграничья (1,1 млн. чел.). Почти все они расположены ниже идеальной кривой Ципфа, и имеют резерв роста населения. При достижении расчётных значений социально-экономическая ситуация в городе станет более стабильной. Однако анализ

современной социально-экономической ситуации вносит необходимые коррективы. Скорее всего, эти города потеряют свой городской статус из-за очень низкой расчётной численности населения, которая не позволит им быть городами.

Правило «ранг-размер», являясь одним из инструментов организации исследования, направленного на выявление структуры распределения городов различного иерархического уровня, представляет возможный вариант сценария, по которому может быть оптимизирована система расселения. В дальнейшем расчёты должны быть дополнены характеристиками зон влияния городов разной людности и их территориального распределения согласно теории центральных мест.

Сложность феномена города с точки зрения многокомпонентности и многофункциональности затрудняет процессы его эффективной трансформации в пространство с развитыми социально-экономическими связями.

Список литературы.

1. Вебер М. История хозяйства. Город / Пер. с нем.; Под ред. И. Гревса; Коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». 2001. 576 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те. 1863. 629 с.
3. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф. 2012. 504 с.
4. Попкова Л.И. Урбанизационные процессы на российско-украинском приграничном пространстве. Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 3 (27). Том 1 // <http://scientific-notes.ru/pdf/031-036.pdf>

5. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2016: Стат. сб. / Росстат: М.: – 442 с.
6. Семенов Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб, тип. В.Ф. Киршбаула. 1910. 212 с.
7. Alain Lelu Jean-Baptiste Estoup and the origins of Zipf's law: a stenographer with a scientific mind (1868-1950). Boletín de Estadística e Investigación Operativa. T. 30, № 1. 2014. С. 66-77.
8. Auerbach, F. Das Gesetz der Bevölkerungskonzentration, Petermanns Geographische Mitteilungen. 1913. LIX: 73-76.
9. Axtell, Robert L. Zipf distribution of US firm sizes. American Association for the Advancement of Science. 2001.
10. Florida R. Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life — Basic Books. 2008.
11. Jiang B., Jia T. Zipf's law for all the natural cities in the United States: a geospatial perspective. International Journal of Geographical Information Science 25(8). 2011. 1269-1281.
12. Kali, R. The city as a giant component: a random graph approach to Zipf's law." Applied Economics Letters 2003. 10: 717-720 (4).
13. Parr J.B. City Hierarchies and the Distribution of City Size: A Reconsideration of Beckmann's Contribution. Journal. of Reg. Sci., 1969, v.9, №2.
14. Rozenfeld H., Rybski D., Andrade JS., Batty M., Stanley. (2008). Laws of Population Growth. Proc. Nat. Acad. Sci. 105, 18702-18707
15. Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Addison-Wesley Press. 1949. pp.484-490.

References.

1. Weber M. History of economy. The city / Lane with him.; Under the editorship of I. Grevs; Comment. N. Sarkitova, G. Kuchkova. - М.: "The CANON - press C", "Kuchkovo Field". 2001. 576 p. (In Russ.).

2. Dal V.I. Explanatory dictionary of living great Russian language. Ch.1. M.: O-in fans of dew. literature, учр. at Imp. Mosk. un-those. 1863. 629 p. (In Russ.).

3. Lappo G.M. Cities of Russia. Geographer's look. M.: New chronograph. 2012. 504 p. (In Russ.).

4. Popkova L.I. Urbanizatsionny processes on the Russian-Ukrainian border space. Scientific notes: online scientific magazine of the Kursk state university. 2013. No. 3 (27). Volume 1//<http://scientific-notes.ru/pdf/031-036.pdf>. (In Russ.).

5. Regions of Russia. Main socio-economic indexes of the cities. 2016: To become. сб. / Rosstat: M. 2016. 442 p. (In Russ.).

6. Semyonov Tyan-Shansky V. P. The city and the village in the European Russia. SPb, type. V.F. Kirshbaula. 1910. 212 p. (In Russ.).

1. Alain Lelu Jean-Baptiste Estoup and the origins of Zipf's law: a stenographer with a scientific mind (1868-1950). Boletín de Estadística e Investigación Operativa. T. 30. № 1. 2014. C. 66-77.

2. Auerbach, F. Das Gesetz der Bevölkerungskonzentration, Petermanns Geographische Mitteilungen. 1913. LIX: 73-76.

3. Axtell, Robert L. Zipf distribution of US firm sizes. American Association for the Advancement of Science. 2001.

4. Florida R. Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life — Basic Books. 2008.

5. Jiang B., Jia T. Zipf's law for all the natural cities in the United States: a geospatial perspective. International Journal of Geographical Information Science 25(8). 2011. 1269-1281.

6. Kali, R. The city as a giant component: a random graph approach to Zipf's law. Applied Economics Letters 10: 2003. 717-720 (4).

7. Parr J.B. City Hierarchies and the Distribution of City Size: A Reconsideration of Beckmann's Contribution. Journal. of Reg. Sci., 1969, v.9, №2.

8. Rozenfeld H., Rybski D., Andrade JS., Batty M., Stanley. Laws of Population Growth. Proc. Nat. Acad. Sci. 105. 2008. 18702-18707

Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Addison-Wesley Press. 1949. pp.484-490.

Тихоокеанская россия – стыковочный узел интеграции РФ с Японией И Кореями

Гайкин В.А.,

*к.и.н., ст.н.с. отдела Японии и Кореи
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Guynkin V.A.,

*Institute of history, archeology and ethnography
of the peoples of the far East FEB RAS*

Аннотация: Автор предлагает принципиально новый методологический подход к прогнозированию развития планетарного сообщества, пионерную футурологическую концепцию, доказывающую необходимость дальневосточного направления развития Евразийского союза, что становится актуальным в новой геополитической обстановке («уход» Украины в ЕЭС). Тихоокеанская Россия может стать «стыковочным узлом» экономической кооперации Евразийского союза с Японией и Кореей. Глобализация, превращая мировое сообщество в единый мирохозяйственный комплекс, не сможет нивелировать этно-социальные различия между Западом и Востоком, уходящие в глубь тысячелетий, закреплённые на генетическом уровне, своего рода «матрицы» двух этносоциальных систем (монголоиды, европеоиды), конфронтация между которыми может привести к расовой войне.

Ключевые слова: геополитика, Евразийский союз, Россия, Япония, Корея, Тихоокеанская Россия, глобализация, стыковочный узел..

Abstract: the Author offers a fundamentally new methodological approach to forecasting of development of the planetary community, of pioneer futures concept, proving the need for the far Eastern direction development of the Eurasian Union, which is relevant in the new geopolitical situation ("withdrawal" of Ukraine in EU) Pacific Russia can be a "docking station" economic cooperation of the Eurasian Union with Japan and Korea. Globalization, transforming the global community into a single economic complex, will not be able to mitigate ethno-social differences between West and East, stretching back thousands of years, fixed at the genetic level, a kind of "matrix" of two ethnic and

social systems (Mongoloid, Caucasians), the confrontation between them may lead to racial war.

Keywords: *geopolitics, Eurasian Union, Russia, Japan, Korea, Pacific Russia, globalisation, the docking station.*

Создание евразийского экономического союза не «каприз кремлёвской верхушки», а закономерный (промежуточный) итог мирового исторического процесса. В этой программе трансформации евразийского политического пространства, реинтеграции на пространстве бывшего СССР Тихоокеанской России будет отведена важная роль интегративной подсистемы, обеспечивающей экономическую кооперацию с Корейскими государствами и Японией. Договор о мире с Японией в ближайшие десятилетия подписан не будет. Ситуация, усилиями обеих сторон, превратилась в тупиковую (патовую). Правящие круги Японии, поощрённые предложением Н.С. Хрущёва о передаче ей двух островов, зашли в своих требованиях так далеко, что остановиться и отказаться от своих притязаний без «потери лица» уже не в состоянии. «Сохранить лицо» для японцев воспитанных на самурайской этике поведения не просто фигура речи, а один из главных постулатов в отношениях с окружающим миром.

Для России возврат, полученных в результате победы над Японией «северных территорий», равнозначен, во первых, признанию того, что в советско-японской войне осенью 1945 г. не было победителей; и во вторых, «потере лица» в глазах японцев, которые в своё время захватив у России пол-Сахалина посчитали бы неудачной русской шуткой требование вернуть эту часть острова назад. «Новые японские земли» на Сахалине активно заселялись и осваивались трудолюбивыми японскими колонистами вплоть до 1945 г., когда советский реванш заставил их с большой неохотой вернуться на родину предков.

Жизнь богаче шахматных ситуаций и всё вышесказанное не означает, что отсутствие мирного договора (как бы патовая ситуация) будет мешать двум государствам активно развивать отношения и экономическое

сотрудничество. 90 лет назад закончила своё политическое существование Дальневосточная республика, образованная правительством РСФСР для предупреждения столкновения коммунистической России и капиталистической агрессивной Японии. Более двух лет Тихоокеанская Россия успешно выполняла роль буфера между двумя сопредельными государствами. История (по Марксу) повторяется и сегодня эта территория (с точностью до наоборот) может сыграть роль стыковочного узла в процессе экономической кооперации с Японией и Корейскими государствами. Япония инвестируя в дальневосточные территории России, создавая здесь промышленные производства как бы сохранит лицо, развивая отношения не с далёкой Москвой а с соседними территориями (Тихоокеанской Россией). Практическими «рычагами» интеграции двух экономик будут строительство моста мыс Погиби - остров Сахалин, сооружение подземного туннеля между Сахалином и Хоккайдо и соединение Транссиба с японскими железными дорогами (Рис.1). Аналогичная программа в отношении Корейских государств уже перешла в плоскость практической реализации, Транссиб и северокорейские ж.д. состыкованы, новая магистраль доведена до порта Раджин. В перспективе – транскорейская и трансевразийская магистрали (Рис.2).

Рис.1. План соединения Транссиба и железных дорог Японии (мыс Погиби – Сахалин – Хоккайдо)

РОССИЙСКО-ТРАНСКОРЕЙСКИЙ КОРИДОР

Рис.2. Стыковка Транссиба с Северокорейскими ж.д.

«Флёр» известной автономии российского Дальнего Востока должен был поддерживаться деятельностью автономной некоммерческой организацией с большим объемом капитала (АНО), проект создания которой на «далёкой окраине» страны в 2012 году появился в Министерстве экономического развития РФ. По словам министра экономического развития Андрея Белоусова: «Очень важно там создать единого оператора, который мог бы управлять большими объемами финансовых ресурсов. С нашей точки зрения, это должна быть крупная структура, скорее всего автономная некоммерческая организация, которая может такие проекты реализовывать».

[1].

Тем не менее, окончательного решения о создании на Дальнем Востоке достаточно самостоятельной многопрофильной структуры, «управляющей» тихоокеанскими территориями России не было принято. Возможно призрак сепаратизма заставляет власть осторожничать. В последнее время в правительстве появилась новая концепция создания Территорий ускоренного развития (ТОР) (новая редакция свободных экономических зон).

Экономики России и Японии взаимодополняемы. Ограниченность природных ресурсов, островное положение страны, отсутствие союзников на границах неизбежно приведёт прагматично мыслящую правящую страту

Японии к пониманию необходимости экономической кооперации с Россией. С 1982 года Токио придерживался «доктрины Накасонэ»: постоянно будировать проблему «северных территорий» на любых переговорах с Москвой, но уже правительства Таро Асо (2008–2009) и особенно Юкио Хатоямы (2009–2010) предложили России «отделять котлеты от мух» - не связывать жёстко развитие экономического сотрудничества со спором о принадлежности Южных Курил. Правительство Наото Кана (2010–2011) заморозило диалог с Москвой. Но весной 2012 года премьер-министр Японии Йосихика Нода послал сигналы о готовности вернуться к «линии Хатоямы». Этот курс поддержал и ныне действующий премьер-министр Синдзо Абэ.

Российско-японские отношения находятся в отрицательной корреляции с взаимоотношениями Китая и Японии. Наличие японо-американского договора безопасности не гарантирует вступление США в войну с потенциально самой могущественной мировой державой (Китай) из-за её пограничного спора с Японией. Растущее напряжение между Токио и Пекином заставляет Токио «наступить на горло собственной песни» о возврате Курил. Прагматичные японцы понимают бесперспективность «войны на 3 фронта» и выбирают меньшее из зол – состояние «статус кво» с Россией. Не следует забывать, что пограничные споры Японии с Южной Кореей (Токто) плюс память о колониальном прошлом Коре не позволяют оформить союзнические отношения между двумя странами. (В 2012 году правительство Ли отказалось заключать военное соглашение между Японией и Южной Кореей в самый день подписания договора). Оказавшаяся в «кольце потенциальных врагов» Япония вынужденно дрейфует в направлении российского берега. В последние годы изменился тон японской прессы комментирующей отношения Токио – Москва. «...основная мысль, которая прослеживалась в японской прессе – это необходимость стратегического сотрудничества Японии и России...против Китая. Всемирно известный писатель Мураками в своей статье писал, что Японии следует «поумерить свой пыл» в отношении Курильских островов и перейти к

конструктивному сотрудничеству с Россией» [8]. Транстихоокеанское партнёрство с США носит торговый характер и не является компенсаторным заменителем более чем столетних попыток Японии «выйти на материк», реализуемых Японией в конце XIX – 1-й половине XX века в колониальных войнах.

В Токио в феврале 2014 г. прошла масштабная конференция, посвященная созданию энергомоста «Россия – Япония» (Сахалин – Хоккайдо). По дну океана проложат несколько кабелей, по которым российское электричество будет поставляться в Японию. Строительство энергомоста Сахалин - Хоккайдо можно смело назвать прорывом России на японский рынок: речь идет о поставках электроэнергии, стоимость которых исчисляется миллиардами долларов. Подписание Протокола о разработке проекта состоялось во время недавнего визита в Японию Президента России Владимира Путина. Место расположения новой ГРЭС на Сахалине уже определено, ввод в эксплуатацию намечен на 2016-й.[2] Весной 2016г. премьер-министр Японии на встрече с Путиным в Сочи предложил программу масштабного экономического сотрудничества, территорией которого предположительно будет Тихоокеанская Россия.

Если попытаться «прочитать» матрицу исторического процесса с помощью гегелевского закона «отрицание отрицания», то выделяются три исторических этапа (гегелевская триада): первобытное общество, классовое общество, постиндустриальное общество. Как известно, по Гегелю, третий член «триады» повторяет первый (спираль развития), но на качественно новом уровне. Тот же Гегель считал, что история человечества это поэтапное развитие свободы индивидуума. Согласно непопулярному сегодня К.Марксу «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства».[5] Таким образом, достижение царства свободы (по Гегелю), как лейтмотив развития человечества, реализуется

только после выхода человека из сферы материального производства (по К.Марксу).

Первобытное общество, охота и собирательство (зависимость от природы) – тезис, переход к регулярному труду (зависимость от материального производства) – антитезис. Развитие техники, технологий (компьютеризация, роботизация) выводит человека из сферы производства, эволюционно приводит к освобождению от всякой зависимости (постиндустриальное общество) – синтез. Однако «синтез» (постиндустриальное общество), как повторение на высшем уровне «тезиса» (первобытное общество) будет означать и перенесение в постиндустриальное общество доминантного конфликта первобытного общества, коим была межрасовая конфронтация.

(Первобытное общество унаследовало от животного мира внутривидовую борьбу, коя у первобытных людей приняла форму межплеменных войн и межвидовую борьбу, коей стала межрасовая конфронтация. Межрасовые конфронтации при отсутствии оружия массового уничтожения были не войной на уничтожение, а, скорее выдавливанием чуждого этноса, борьбой за установление ареалов расового обитания. Они приводили к вытеснению одних рас другими, переделу евразийского материка, заселению Америки, Австралии. Известно, что в эпоху неолита в Минусинских степях на огромных пространствах от Красноярска до границы Хакасии с Тувой жили европеоиды. Это не был европеоидный анклав в стране монголоидов, такие же европеоиды жили в 3-2-м тысячелетии до н.э. на Алтае, в Казахстане. Начиная с верхнего палеолита это было мощное движение европеоидов на восток. В эпоху бронзы даже Тува была страной европеоидов. Наблюдалась следующая закономерность. В эпоху бронзы и неолита европеоиды распространились на восток по зоне степей, вплоть до западной Монголии. А монголоиды в неолите освоили северные районы западносибирской тайги и европейских лесов, вплоть до Прибалтики (современные латгалы – потомки монголоидов) и даже центральной

Германии. Однако великое переселение народов на рубеже нашей эры, отбросив европеоидов на их прародину, изменило границы расовых ареалов в пользу монголоидов, поставив надолго точку в этом территориальном споре. Расовые миграции (конфронтации) не приводили к полному вытеснению (уничтожению) аборигенных этносов с их территории. В процессе межрасовых контактов создавались промежуточные расовые типы. Например, ведды на юге Индии, ханты и манси в Западной Сибири и др.).

Целью расовой конфронтации будет не захват рабов, создание империй или смена общественного строя. Этот конфликт станет самым страшным в истории, главной и единственной целью которого будет полное уничтожение всего населения расы-антагониста. Дать точный футуропрогноз с указанием даты реализации того или иного события (расовой войны) нереально. Правильнее определять направления, векторы развития, намечать ориентиры и вехи, оконтуривать цели. Аксиомой стал тезис о том, что научно-технический прогресс идёт по экспоненте - с возрастающей скоростью (Рис.3).

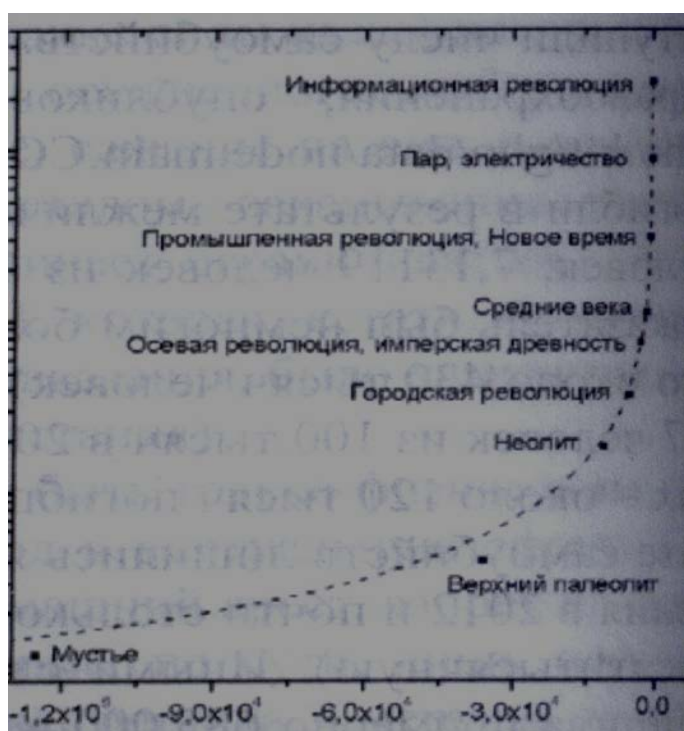

Рис.3. Экспоненциальная кривая развития технологий и общества по А.Д. Панову [6]

Попробуем вывести «алгоритм» ускорения: От каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли десятки тысяч лет; путь от металлического топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее – за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился чтобы изобрести компьютер - несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно нескольких десятилетий (по максимуму столетие). Нужно сделать поправку на то, что, как отмечают эксперты, в последние десятилетия происходит замедление научно-технической революции. В окончательном варианте, выход человечества из сферы производства, и вступление человечества в (постиндустриальный) этап развития, и как следствие, возможность расовой войны можно ожидать в конце 21 столетия (2080 – 2100 гг.).

Похожую дату предложил позже меня (возможно независимо от меня) известный общественвед Гринин, согласно которому, завершающая фаза кибернетической революции приходится на 2060-е, 2070-е годы. Правда в отличие от меня Гринин не даёт никаких логических или математических обоснований этой даты и не связывает комплексную автоматизацию производства с качественно новым этапом человеческой истории [3].

Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце 21 века расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003г. была найдена ранее неизвестная 2-х томная рукопись И. Ньютона. (Это событие освещалось в прессе и по ТВ [4]). Её содержание составляют тысячи математических формул, вычисления, которые базируются на астрологической информации, библейских сюжетах. Главный вывод рукописи состоит в том, что апокалипсис следует ожидать в 2060 г. (Рис.4).

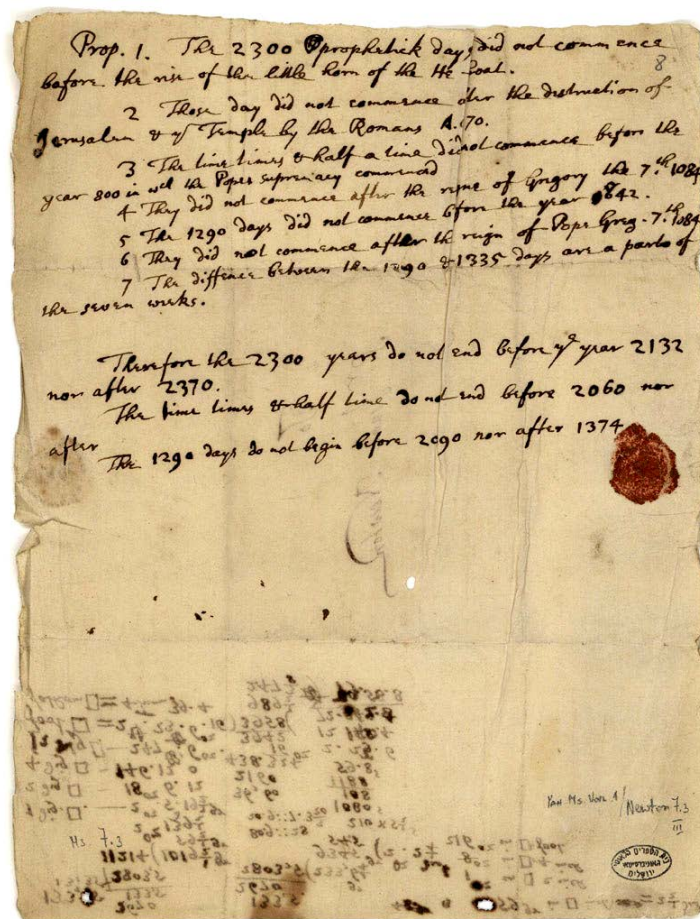

Рис.4. Страница рукописи Исаака Ньютона: «Конец света наступит в 2060 г. возможно позже, но вряд ли раньше»

Между нашим прогнозом даты расовой войны (2080-2100 гг.) и футуропрогнозом «конца света» И. Ньютона (2060 г.) – 20 лет разницы. Учитывая, что прогноз великого ученого был сделан почти за 400 лет до события!, то 20 лет можно считать допустимой погрешностью в вычислениях (5%). Такие «экзотические» гипотезы, основанные на библии, астрологии и др. не принято считать заслуживающими внимания научными теориями, поэтому я цитирую выводы Ньютона, просто как удивительное совпадение прозрений гениального учёного и наших скромных концепций.

Расовая война не неизбежна. Альтернативный (самоуничтожению) путь состоит в том, что Россия, расколов монголоидное сообщество и создав «Евразийский союз» (Россия, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Монголия, Корея, Япония), станет третьим (разнорасовым) силовым центром Евразии, снижающим до минимума расовое напряжение между монголоидным

(Китай) и европеоидным (Европейский союз) полюсами планеты). Гегелевский мировой дух (в марксистской редакции – закономерности исторического развития) неумолимо шествует по планете создавая коалиции государств, выдвигая лидеров, реализующих идеи, позволяющие мировому сообществу не попасть в тупик ядерной войны.

Концепция Евразийского союза появилась почти одновременно (начало 90-х гг.) с проектом «Туманган» в качестве его антипода. Если «Туманган» (и Евразийский транспортный коридор в обход России) это изоляция России, дезорганизация евразийского пространства, его геополитическая трансформация в угоду геостратегическим интересам Китая, то Евразийский союз – разнорасовое сообщество, символизирующее будущее единство Евразии, а в последствии и мира. Связанные общим экономическим интересом государства-члены Евразийского союза формируют новый мощный полюс глобализирующегося мира, в качестве промежуточного этапа на пути к унипланетному сообществу (Рис.5).

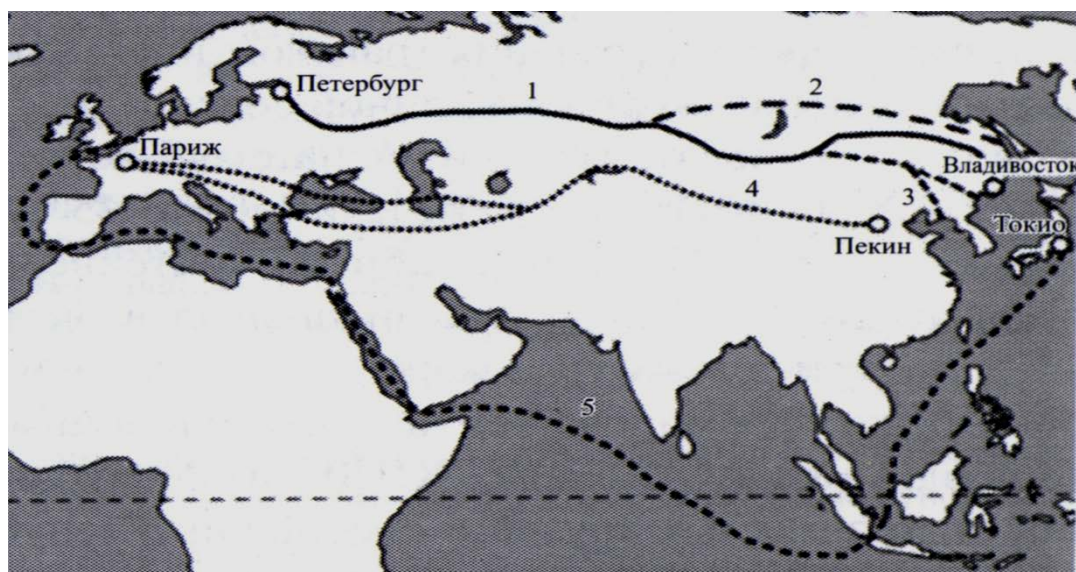

Рис.5. Евразийский транспортный коридор в обход России (точечный пунктир)

Наша концепция о третьем силовом центре, снижающем уровень конфронтации между двумя конфликтующими доминантными полюсами нова только для европейской философской традиции. В древнекитайской философии констатация такой триады – аксиома. («противоположные поля

инь и ян сливаются в единство и образуют новый ритм цзы. Вместе с инь и ян он составляет генетическую триаду культуры Дао: инь-цзы-ян»[9] Рис. 6).

Рис.6. Триада Инь – цзы – янь в древнекитайской философии [10]

Путин в 2011 г. в своей программной статье, в газете Известия дал следующий фктуропрогноз: «Создание Евразийского союза, эффективная интеграция – это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом».[7].

Как бы отвечая на предложенную прогноз-концепцию, Президент Южной Кореи Пак Кын Хе на международной конференции высокого уровня «Глобальное сотрудничество в эру Евразии» прошедшей 18 ноября 2013 г. в Сеуле изложила аналогичную программу международного сотрудничества «Евразийская инициатива» для создания «Одного континента» - «Мирного континента». Смысл «Эпохи Евразии», по мнению Пак Кын Хе заключается в объединении Дальнего Востока, начиная с Республики Корея, России, Центральной Азии, в формировании более благоприятной инфраструктуры и свободной торговли между евразийскими

странами для построения большого единого рынка, соперничающего с Европейским союзом. [11].

Список литературы.

1. Вместо госкорпорации на Дальнем Востоке может появиться АНО. URL: <http://primamedia.ru/news/dv/04.03.2013/261044/vmestogoskorporatsii-na-dalnem-vostoke-mozhet-poyavitsya-ano.html>. (дата обращения: 15.08.2014).
2. В Токио обсудили создание энергомоста Сахалин ... URL: news.mail.ru/video/165564/ (дата обращения: 15.08.2014).
3. Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Кибернетическая революция и шестой уклад. Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. с. 177.
4. Лаговский Владимир. Исаак Ньютон назначил конец света на 2060 г. Комсомольская правда. 19.06.2007.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. М. 1970. 520 с.
6. Панов А.Д. Завершение планетарного цикла эволюции // Философские науки 2005. №4 сс.31-50.
7. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. Известия. 2011. №184.
8. Романова М. И. Выступление на круглом столе «саммит АТЭС 2012 в оценках зарубежных средств массовой информации 28.02.2012 - Вестник изучения международных отношений в Азиатско-тихоокеанском регионе. 2013г. №1. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ
9. Становление китайской философии. Культура Дао. Реставрация ... [Электронный ресурс] <http://www.bibliotekar.ru/filosofiya/13.htm> (дата обращения: 10.10.2015).
10. Философия. Раздел II. Тема 4. [Электронный ресурс] [http:// web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/11/ph4.htm](http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/11/ph4.htm). (дата обращения: 10.10.2015).

11. Южная Корея и Япония могут вступить в Таможенный союз
URL: finance.nur.kz/news/macroeconomics/286925.html. (дата обращения:
15.08.2014).

**Состояние межэтнических отношений в приграничном моноэтническом
регионе как условие социальной стабильности**

**The state of the interethnic relations in the cross-border monoethnic
region as condition of social stability**

Зотов В.В.,

*Профессор кафедры государственного и
муниципального управления*

Академии госслужбы

Россия, г. Курск

Алексеенко А.И.,

Старший научный сотрудник

Центра регионального развития

Академии госслужбы

Россия, г. Курск

Анциферова И.В.,

*Зав. кафедрой государственного и
муниципального управления*

Академии госслужбы

Россия, г. Курск

Zotov V.V.,

*Professor of department of the public and
municipal administration of*

Academy of civil service

Russia, Kursk

Alekseenko A.I.,

Senior research associate of the

Center of regional growth of

Academy of civil service

Russia, Kursk

Antsiferova I.V.,

*Department chair of the public and
municipal administration of*

Academy of civil service

Russia, Kursk

Аннотация. В статье рассмотрено состояние межэтнических отношений в приграничном моноэтническом регионе как условие социальной стабильности. Авторами излагаются результаты социологического исследования отношения населения Курской области к представителям других национальностей, изменению миграционной ситуации. Основным источником эмпирических данных – результаты мониторингового исследования, проведённый Центром регионального развития в Курской области в период с 2014 по 2016 году по проблемам межэтнических отношений. Исследование показывало актуальность и значимость проблемы межэтнической толерантности и самоидентификации коренного населения в моноэтническом регионе в условиях нарастания миграционных потоков.

Ключевые слова: моноэтнический регион, межнациональные отношения, миграция, приграничный регион.

Summary. In article the condition of the interethnic relations in the border monoethnic area as a condition of social stability is considered. Authors state results of social research of the attitude of the population of Kursk region towards representatives of other nationalities, to change of a migration situation. The main source of empirical data – results of a monitoring research, carried out by the Center of regional growth in Kursk region to the period from 2014 to 2016 on problems of the interethnic relations. The research showed relevance and the importance of a problem of interethnic tolerance and self-identification of indigenous people in the monoethnic region in the conditions of increase of migration flows.

Keywords: monoethnic region, international relations, migration, cross-border region.

Этнически однородными принято считать те территориальные образования, где национальные меньшинства составляют менее 5% населения, а доля одного этноса превышает 95% от общей численности населения. По материалам Всероссийской переписи населения 2010 года, в Курской области удельный вес проживающих представителей различных национальностей без учёта русского населения и иностранных мигрантов достигает 4% от общей численности населения региона. Это позволяет отнести Курскую область к моноэтническим приграничным регионам. Но в тоже время следует отметить, что в сравнении с 1959 годов, численность русского населения сократилась как в количественном измерении (с

1 456 350 до 1 036 561 человек), так и удельном весе (с 98,18% до 96,48% от указавших национальность или до 91,97% от всех жителей региона).

Население Курского регионов становится все более разнородным по этническому составу, культуре и образу жизни. Это результат интернационализации хозяйства и всей общественной жизни, роста международных и внутригосударственных миграций, увеличения числа смешанных браков. К сожалению, этот закономерный процесс нередко ведёт к усилению межнациональной напряжённости. Состояние межэтнических отношений зависит от эволюции идентичности различных социальных, территориальных и этнических групп, подчас весьма быстрой в условиях прогресса массовых коммуникаций, а также социального положения, прав, доступности к материальным и культурным благам.

Моноэтнический состав Курской области должен быть учтён как один из главных факторов, от которых зависит общественно-политическая, социально-экономическая стабильность на российско-украинской границы. А это требует проведения взвешенной миграционной политики. В то же время, по данным Курскстата в 2015 году на территорию Курской области прибыло 24 351 человек, что на 31% больше, чем в 2014 году. Миграционный прирост населения Курской области за 2015 год составил 7814 человек. Это в два раза больше, чем за соответствующий период предыдущего года. Более 70% мигрантов прибыли из Украины, Молдовы, Армении и Узбекистана. В относительном выражении миграционный прирост за счет обмена со странами СНГ в январе-декабре 2016 года в Курской области составил 9‰, что выше тоже выше среднероссийских. Население Курской области, хотя в целом и незначительно, продолжало увеличиваться и за счет миграционного обмена с другими странами (не входящими в СНГ) (0,8‰ за январь-декабрь 2016 года) [10].

Причём положительное сальдо миграции в регионе на 42% обеспечивалось за счёт прироста городского населения и на 58% – сельского, при этом за 2015 год численность сельского населения за счёт

миграционного прироста увеличилась на 2,7 тыс. человек. Наиболее привлекательными для прибывающих в Курскую область являются районы, которые являются сопредельными с территорией Украины (Рыльский и Суджанский), районы, тяготеющие к областному центру (Курский, Золотухинский, Медвенский, Октябрьский) или крупным промышленным моногородам (Железногорский, Курчатовский). В этих муниципальных образованиях миграционный прирост сельского населения на протяжении двух последних лет является положительным. За период с января по апрель 2016 года в область прибыло 12456 человек, из них 4260 относятся к международным мигрантам. Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о тенденции усиления миграционных потоков в регионе, причём большая часть прибывающих в область людей являются представителями различных этнических групп и зачастую являются носителями иноэтничной культуры.

В условиях глобализации российского общества внешняя миграция приобретает особое значение и требует пристального внимания органов власти. В социологии основное внимание уделяет проблемам, связанным с адаптацией мигрантов к новому социальному, культурному, этническому окружению [9]. Привлекательность либо отталкивающий потенциал территорий выбытия и прибытия в значительной мере зависят от межличностных взаимоотношений, наличия сообществ мигрантов-земляков, родственных и дружеских связей, исторических традиций, отражающих прежний миграционный опыт этнической группы и т.п. Возможность нарастания социальной напряжённости, дестабилизация, имеющегося в регионе межнационального согласия послужило основанием для проведения в 2016 году социологического опроса населения Курской области. Данное исследование стало частью многоуровневого мониторинга сферы межэтнических и миграционных отношений в регионе [1,4,5], а его результаты – основой для рекомендаций по разработке положений миграционной политики [3,6,1].

Центром регионального развития ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы» (ЦРР Академии госслужбы) в целях выявления характера межнациональных взаимоотношений с 29 ноября по 02 декабря 2016 года было проведено социологическое исследование. Аналогичный опрос проводился в 2015 и в 2014 году, что позволяет нам выявить динамику изучающих вопросов. Сотрудниками ЦРР Академии госслужбы в 2016 году было опрошено 2100 человек, из них: 1500 человек городского населения и 600 – сельского, в 2015 году – 1745 респондентов, а в 2014 году – 1722. Исследование проводилось, как методом интервьюирования населения, так и методом анкетирования по месту работы и месту жительства респондентов. Контроль качества осуществлялся посредством постоянного анализа результатов анкет, проверялась полнота и правильность их заполнения. Жители региона, принявшие участие в опросах ответили на ряд вопросов заключенных в смысловые блоки.

В последние годы Россия столкнулась с экономическим кризисом, международными санкциями, повышением валютного курса, ослаблением рубля, понижением уровня жизни большей части населения, в связи с этим в стране наблюдались признаки нарастания социальной напряженности в различных регионах. Однако они не стали причиной межэтнических отношений.

Одним из главных вопросов исследования в изучении межнациональных взаимоотношений на территории муниципальных образований Курской области было выявление отношения курян к людям другой национальности¹.

Результаты опроса показали (рис. 1), что 56% респондентов нейтрально, а в большей степени даже с безразличием относятся к людям другого этноса. 26% опрошенных заявили о доброжелательном отношении к

¹ Под национальностью, прежде всего, в исследовании понимается этническая принадлежность респондентов.

другим народам, если сравнивать с предыдущими годами, то в 2015 в 2014 год[этот показатель был равен 29 %. Большая часть населения Курской области проявляют нейтральное отношение к людям другой национальности.

На вопросы «Приходилось ли Вам в повседневной жизни сталкиваться с конфликтами на межэтнической почве?» (Рисунок 2) и «Если «Да», то при столкновении с конфликтом на межэтнической почве, какую позицию занимали Вы?», 90% респондентов ответили, что никогда не сталкивались с подобными конфликтами, в 2015 году так ответили 86%, а в 2014 году – 81%. Те опрошенные, кто явился свидетелем или участником столкновения, их доля составила 7% (183 человека), всячески содействовали мирному разрешению конфликта (38%), не вмешивались (32%), но в тоже время 30% участника такого конфликта поддержали людей своей национальности.

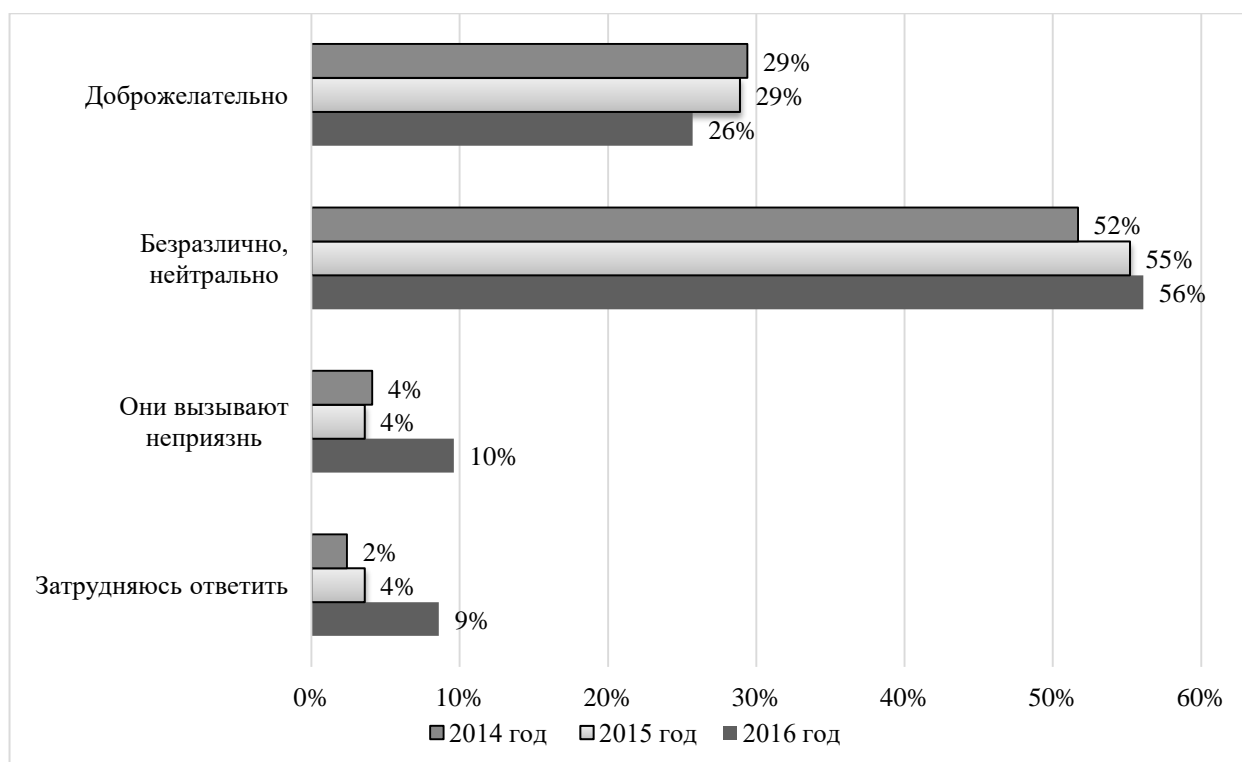

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к людям другой национальности?», в %

Стоит отметить, что сельское население Курской области в большей степени, нежели городское, стремится решить конфликты на межэтнической почве мирным путём. Так же следует отметить, что в 2016 году заметно

сократилась доля респондентов, которые идут на конфликт с людьми другой национальности.

89% жителей региона, принявшим участие в исследовании, комфортно жить по соседству с людьми другой национальности. 12% респондентам некомфортно жить по соседству с людьми другого этноса, при этом, основными причинами дискомфорта являются: неуважительное отношение к русским традициям и обычаям (41%); оскорбительное поведение к людям нашей национальности (36%); иной уклад жизни и непонятный язык речи (34%); отсутствие чувства благодарности за то, что живут на территории Российской Федерации (24%) (рис. 3).

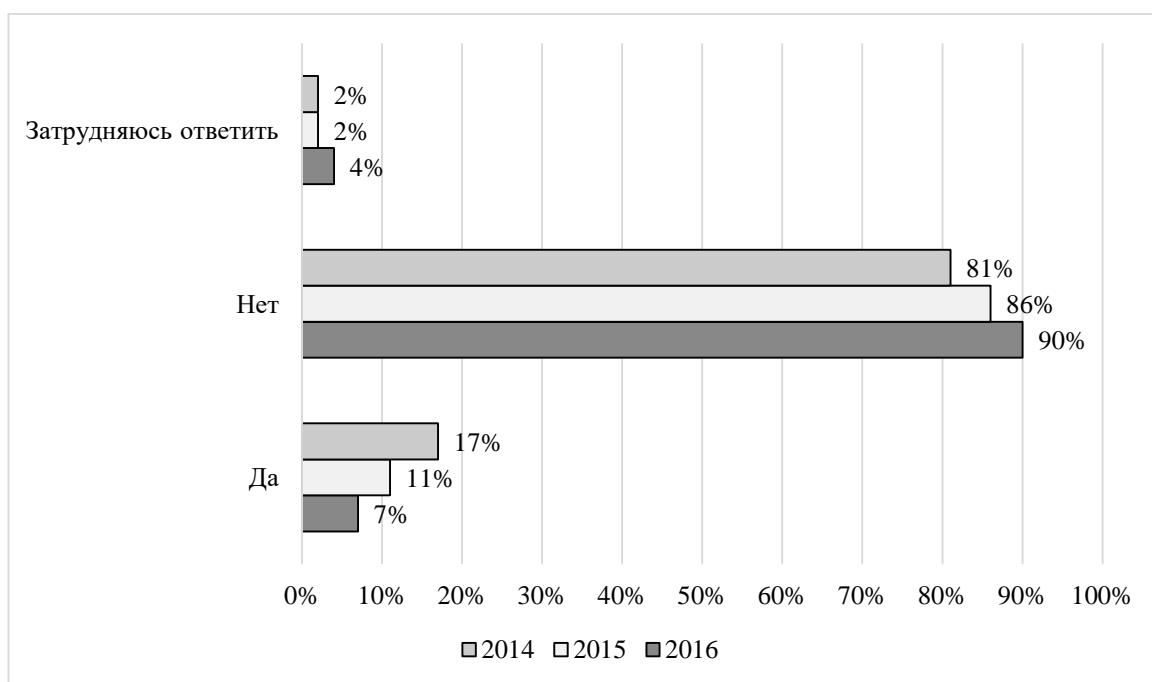

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам в повседневной жизни сталкиваться с конфликтами на межэтнической почве?», в %

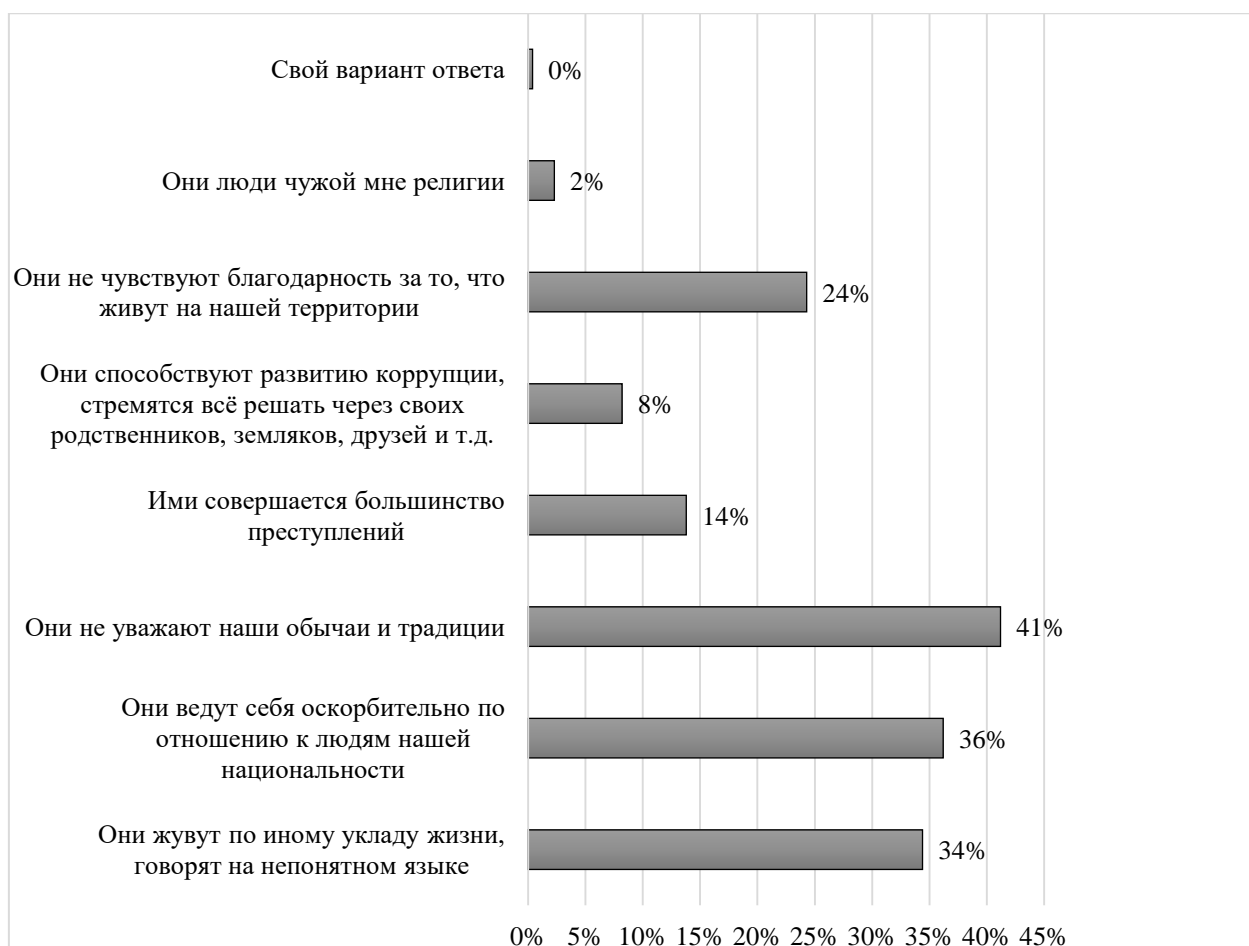

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Почему Вам не комфортно жить по соседству с людьми другой национальности?», в %

В современных условиях на кадровую ситуацию в России большое влияние оказывают миграционные процессы. В последние десятилетия очень сильно изменились социально-экономические и социально-демографические пропорции как в целом по стране, так и в каждом регионе в отдельности.

Несмотря на экономический кризис, мигранты продолжают прибывать в Курскую область в первую очередь по причине поиска более высоких заработков. Данное исследование позволило выявить отношение жителей региона к трудовым мигрантам из стран бывшего Советского Союза, проживающих на территории Курской губернии. Результаты опроса показали, что доброжелательное отношение куряне испытывают к мигрантам из Беларуси (45%), Украины (29%), Азербайджана (23%) и Армении (22%) (рис. 4).

Рисунок 4. Доброжелательное отношение жителей Курской области к трудовым мигрантам из стран бывшего Советского Союза, в %

Высокий процент позитивного отношения к мигрантам из Украины и Беларуси можно объяснить тем, что они имеют такие же славянские корни. Негативно куряне относятся к мигрантам из Прибалтийских стран (Эстонии, Латвии, Литвы) связано и их ориентацией на европейские страны и ущемление гражданских прав русских на своей территории, поэтому не удивительно, что в оценке «неприятности» к мигрантам одна из первых занимает Эстония, Латвия и Литва. Также, помимо неприятного отношения к мигрантам Прибалтийских стран, в тройку лидеров вошли трудовые мигранты из: Украины, Таджикистана и Узбекистана (рис. 5).

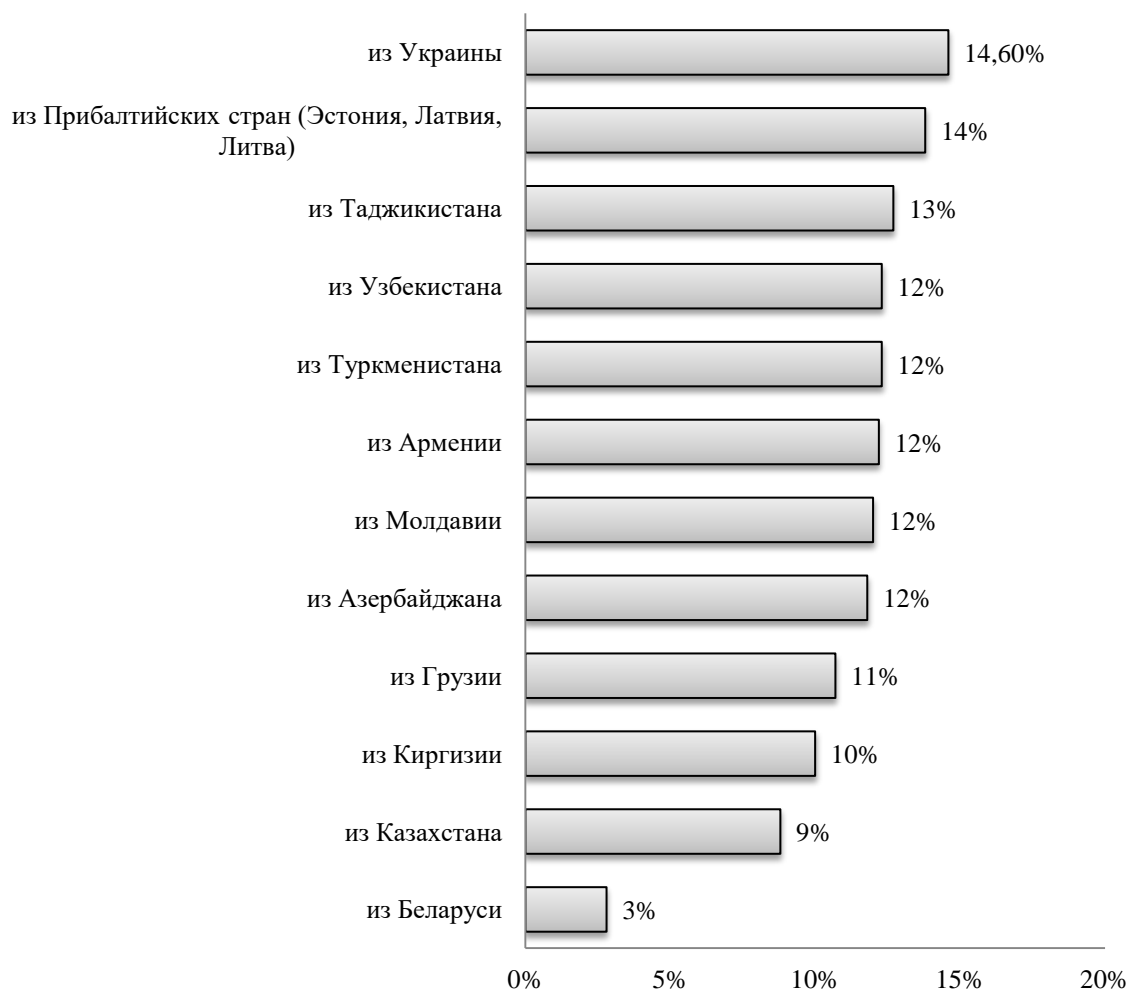

Рисунок 5. Неприязненное отношение жителей Курской области к трудовым мигрантам из стран бывшего Советского Союза, в %

В данном исследовании рассмотрена межличностная категория возникновения конфликтов. Так, субъективные мнения респондентов сошлись на таких причинах межнациональных конфликтов, как: непонимание основ другой культуры (42% в 2016 году, в 2015 году – 37%, в 2014 году – 28 %), в отсутствии должного поведения представителей разных народов (39%, 43%, 53% соответственно), в нежелании разных народов искать компромиссы (18%, 39%, 25%) (рис. 6). Стоит отметить, что в последнее время значительно увеличилось количество миграционных потоков из стран ближнего зарубежья, в связи с этим, в 2016 году 13% курян

выделяют этот фактор, как одну из причин образования межнациональных конфликтов.

Респондентам так же была предложена возможность высказать своё мнение в отношении причин возникновения межнациональных конфликтов. Респонденты указали на такие причины, как: «низкая грамотность», «ощущение превосходства одних наций над другими», «зависть и злость», «разная вера», «оккупационная Конституция РФ».

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, причины межнациональных конфликтов?».

При ответе на вопрос «Каковы, на Ваш взгляд, пути разрешения межнациональных конфликтов?» (рис. 7) мнение респондентов в исследуемый период оказались схожи. Так в 2014, 2015 и 2016 году около половины курян считали, что регулятором разрешения конфликтов должно выступать государство. Но в тоже время следует отметить, что в 2015 году

опрошенные отмечали, что люди сами должны искать пути межнационального согласия (за это высказалось 2/3 опрошенных).

Рисунок 7. Распределение ответов на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, пути разрешения межнациональных конфликтов?».

Часть респондентов предложили свои пути решения межнациональных конфликтов: «создать во всех республиках общество социальной справедливости», «объединение славян», «комплексный подход во главе с равенством всех перед законом при наличии честных судов», «соблюдение основ этики», «воспитание».

В ходе оценке ситуации с межнациональными отношениями в России, в Курской области и в месте проживания респондента, было выявлены следующие показатели (рис. 8).

Представленные данные говорят о том, что ситуация в сфере межэтнических отношений на протяжении трёх лет в Курской области не меняется и остаётся стабильной и нейтральной, проблем в межэтнических отношениях в регионе не наблюдается. Согласно результатам проведённых научных исследований, Курскую область можно отнести к региону с очень низкой межэтнической напряжённостью, которая обеспечивается и

поддерживается в регионе за счёт системной работы различных органов государственной власти.

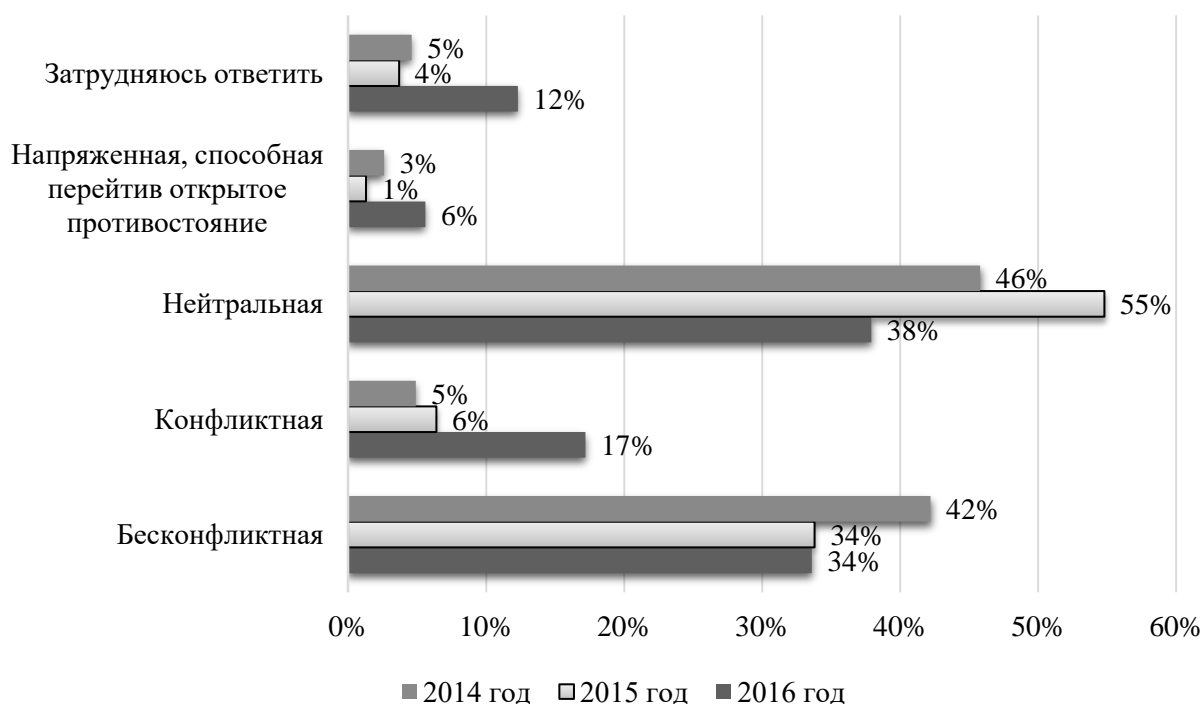

Рисунок 8. Субъективное мнение респондентов по оценке ситуации с межнациональными отношениями, в %

Принятая нормативно-правовая база, профилактические мероприятия способствуют укреплению межэтнических и межконфессиональных отношений населения Курской области. При этом следует отметить, что формирование единой национальной идеи, невозможно без учёта иногда даже полярных воззрений представителей различных этнических сообществ и религиозных групп.

Но при всей положительной динамике полученные данные позволяют сделать вывод, что имеющиеся в регионе межнациональное согласие является не столь стабильным и изменение миграционной ситуации может привести к нарастанию социальной напряжённости.

Проанализировав сложившиеся отношения к трудовым мигрантам из стран бывшего Советского Союза, можем сделать вывод, что жители приграничного региона, в большей степени, безразлично относятся к другим народам работающих на территории Курской области. Но в тоже время

вызывает опасения тот факт, что в массовом сознании присутствует образ мигранта как потенциального носителя конфликтогенности с одной стороны и возможности идти на конфликт с ним с другой стороны, что ещё раз подтверждает при определённых обстоятельствах возможность изменения межнациональной ситуации в области в худшую.

Список литературы.

1. Анциферова Н.Г. Межэтнические и межкультурные отношения в моноэтническом приграничном регионе: состояние и тенденции развития (на примере курской области). Научный руководитель. 2015. № 2 (9). С. 10-15.

2. Анциферова Н.Г., Зотов В.В. Население о миграционных процессах в моноэтническом регионе. Парадигмальные основания государственного управления: социально-экономическая перспектива. В 2 ч. Ч. 2: сборник научных статей международной научной конференции / под общей ред. В.В. Зотова. 2016. Курск: Изд-во Академии госслужбы, 294 с. С.128-131.

3. Гайдукова И.Б., Годунова Ю.Ю. Регулирование межнациональных отношений в российской федерации: проблемы и перспективы. Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2014. № 2 (3). С. 48-52.

4. Ефремов В.С., Алексеенко А.И., Салова И.А. Межнациональные и межконфессиональные отношения населения курской области. Парадигмальные основания государственного управления: сравнительный анализ опыта регионов стран СНГ: Сборник научных статей IV международной научной конференции в рамках XV межрегиональной универсальной оптово-розничной Курской Коренской ярмарки. 2015. Курск: Изд-во Академии госслужбы, 303 с. С. 172-176.

5. Зотов В.В., Березуцкая Е.С. Общественное мнение населения моноэтнического региона о роли иностранных трудовых мигрантов в социально-экономическом развитии. Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 6. С. 18-22.

6. Зотов В.В., Березуцкая Е.С. Совершенствование государственной миграционной политики в условиях инновационного развития Российской Федерации. Общество: социология, психология, педагогика. 2012. № 1. С. 33-36.

7. Мукомель В. Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства. Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М. Центр миграционных исследований. 2017. 370 с.

8. Петрова В.А., Анциферова Н.Г. Пути совершенствования современной миграционной политики Российской Федерации. Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Социология. 2015. № 14 (1). С. 85-91.

9. Похлебаева А.В. Понятие миграции и ее классификация. Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 3. С. 4-14.

10. Щербакова Е. В 2016 году за счёт миграционного обмена со странами СНГ увеличилось население 82 регионов, за счет миграционного обмена с другими регионами России – 16. Демоскоп Weekly. 2017. № 719 – 720 Режим доступа <http://demoscope.ru/weekly/2017/0719/barom04.php>, свободный (дата обращения 30.06.2017).

Reference.

1. Anciferova N.G. Mezhjetnicheskie i mezhkul'turnye otnoshenija v monojetnichnom prigranichnom regione: sostojanie i tendencii razvitija (na primere kurskoj oblasti). Nauchnyj rukovoditel'. 2015. № 2 (9). S. 10-15.

2. Anciferova N.G., Zotov V.V. Naselenie o migracionnyh processah v monojetnicheskom regione. Paradigmal'nye osnovanija gosudarstvennogo upravlenija: social'no-jekonomicheskaja perspektiva. V 2 ch. Ch. 2: sbornik

nauchnyh statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / pod obshej red. V.V. Zotova. 2016. Kursk: Izd-vo Akademii gossluzhby, 294 s. S.128-131.

3. Gajdukova I.B., Godunova Ju.Ju. Regulirovanie mezhnacional'nyh otnoshenij v rossijskoj federacii: problemy i perspektivy. Duhovnaja situacija vremeni. Rossiya XXI vek. 2014. № 2 (3). S. 48-52.

4. Efremov V.S., Alekseenko A.I., Salova I.A. Mezhnacional'nye i mezhkonnatsional'nye otnoshenija naselenija kurskoj oblasti. Paradigmat'nye osnovanija gosudarstvennogo upravlenija: sravnitel'nyj analiz opyta regionov stran SNG: Sbornik nauchnyh statej IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v ramkah HV mezhregional'noj universal'noj optovo-rozничnoj Kurskoj Korenskoj jarmarki. 2015. Kursk: Izd-vo Akademii gossluzhby, 303 s. S. 172-176.

5. Zotov V.V., Berezuckaja E.S. Obshhestvennoe mnenie naselenija monojetnicheskogo regiona o roli inostrannyh trudovyh migrantov v social'no-ekonomicheskom razvitii. Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. 2011. № 6. S. 18-22.

6. Zotov V.V., Berezuckaja E.S. Sovershenstvovanie gosudarstvennoj migracionnoj politiki v uslovijah innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii. Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika. 2012. № 1. S. 33-36.

7. Mukomel' V. Metodicheskie i prakticheskie aspekty izuchenija integracii immigrantov: specifika postsovetskogo prostranstva. Metodologija i metody izuchenija migracionnyh processov. Mezhdisciplinarnoe uchebnoe posobie / Pod red. Zh. Zajonchkovskoj, I. Molodikovoj, V. Mukomelja. M. Centr migracionnyh issledovanij. 2017. 370 s.

8. Petrova V.A., Anciferova N.G. Puti sovershenstvovanija sovremennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii. Gosudarstvo i obshhestvo: vchera, segodnja, zavtra. Serija: Sociologija. 2015. № 14 (1). S. 85-91.

9. Pohlebaeva A.V. Ponjatie migracii i ee klassifikacija. Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. 2005. № 3. S. 4-14.

10. Shherbakova E. V 2016 godu za schjot migracionnogo obmena so stranami SNG uvelichilos' naselenie 82 regionov, za schet migracionnogo obmena

s drugimi regionami Rossii – 16. Demoskop Weekly. 2017. № 719 – 720 Rezhim dostupa <http://demoscope.ru/weekly/2017/0719/barom04.php>, svobodnyj (data obrashhenija 30.06.2017).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНТЕГРАЦИИ

Сапрыка Виктор Александрович
Крам Оливер
Уилсон Рейчел
Вирккунен Йони
Новикова Ирина Васильевна
Галстян Хачик Самвелович
Колосов Владимир Александрович
Зверева Ольга Николаевна
Межевич Николай Маратович
Вардомский Леонид Борисович
Муравецкий Алексей Николаевич
Быхтин Олег Викторович
Шевченко Наталья Владимировна

INTERNATIONAL SCIENTIFIC-RESEARCH JOURNAL

СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНТЕГРАЦИИ

Международный научно-исследовательский журнал «Сотрудничество и интеграция»

<http://journal.icbci.info>

Автономная некоммерческая организация «Институт приграничного сотрудничества и интеграции»